

"История Икс"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

А. Дж. Моллой

История Икс

Посвящается С.

1

Вот я и здесь: в «Гамбринусе». Наконец-то я в Италии. Сажусь на террасе за столиком знаменитого кафе, что на углу не менее знаменитой улицы роскошного Неаполя. Погодка сегодня теплая, на вечернем небе ни облачка, однако «благоухание» мусора доползло даже сюда.

Мимо обшарпанного, исписанного граффити палаццо вальяжно проходит полицейский. Выглядит он как творение от Армани: солнцезащитные очки, пистолет, привлекательная внешность, сшитые на заказ синяя рубашка и брюки, сверкающие кожаные туфли и легкая сутулость при походке. Коп от «Дольче и Габбана».

И он действительно красавец. Здесь их пруд пруди, но самый шикарный мужчина сидит в трех столиках от нас.

— Кто он такой?

Подавшись вперед, Джесс пристально смотрит на меня:

— Роскаррик.

— Кто?

Джессика Раштон, моя лучшая подруга по Дартмуту [1], забавная, саркастичная и очень симпатичная британка с циничным характером, изумленно выгибает тоненькие, как ниточки, бровки и отводит назад длинные темные волосы.

— Не слышала о лорде Роскаррике? — неодобрительно цокает она.

— Так он еще и лорд?

Джессика фыркает со смеху, пуская в воздух облачко сигаретного дыма:

— Маркус Джеймс Энтони Ксавьер Мастрosso ди Анджело Роскаррик.

— Бог ты мой!

— Друзья зовут его просто Марк.

— Что ж, это явно экономит время.

— К тому же он миллиардер, — расплывается в улыбке Джессика. — Да про него весь Неаполь знает.

Я смотрю на этого, как оказалось, чрезвычайно богатого мужчину. Ему не больше тридцати, и выглядит он потрясающе. Других слов нет. Все прочие эпитеты излишни. У него смуглая кожа,

а глаза бледно-голубые и такие холодные. Ошеломительный контраст. Суровый профиль, но лицо притягивает к себе: хищное, агрессивное и в то же время печальное, с небольшой щетиной и неповторимым сочетанием ребячества и неподдельной мужественности. О да, он безумно сексуален!

Да что со мной? Не привыкла я так реагировать на незнакомцев. Ловлю себя на том, что приглаживаю светлые, до плеч волосы и сокрушаюсь, что не раскошелилась на нормальную стрижку. Интересно, взглянет ли он в мою сторону. Но нет, ничего такого не происходит. Он по-прежнему потягивает эспрессо из крошечной чашки, трогательно поднося к губам тонкий фарфор. Сидит в одиночестве. Пьет кофе по глоточку. Смотрит в никуда. Равнодушно. О боже! Какое лицо!

— Икс, ты же не влюбилась?

Джесс всегда зовет меня Икс. Вообще-то, именно так она окрестила меня, когда мы жили вместе в Дартмуте. На самом деле меня зовут Александра Бекманн. Алекс Би. А коротко — Икс. Я блондинка, родом из Калифорнии, во мне немного еврейских корней, и мне двадцать два года. Джесс считает меня совершенно наивной. Возможно, она права. Однако я в меру умна и уж точно образованна. А теперь я в Неаполе. В Италии!

Джессика все лепечет про этого парня, а я как глупая пялюсь на него, ничего не могу с собой поделать. Я, конечно, думала, что итальянские мужчины полностью соответствуют стереотипам — я имею в виду и горячий темперамент, и назойливость. Да, этот парень горяч, но совсем не так, как я ожидала.

— Да ну его! Очередной смазливый кобель... — трещит Джессика.

Подруга закуривает еще одну сигарету и деловито выпускает дым через нос. В Нью-Гэмпшире я за ней такого не замечала.

— У него... интересная внешность, — замечаю я.

О боже, какая нелепая ложь!

— Держись от него подальше, малыш.

— Что?

— Смотри внимательно, малютка, перед тобой беспощадный убийца! — смеется сквозь дым Джессика.

— Все так плохо?

— Он сердцеед, топчет сердца, как букашек. Ну правда, Икс. Тебе он совсем не пара.

Я внутренне негодую. В глазах Джесс я невинная простушка, однолюбка. В принципе, она отчасти права. По сравнению с ней я ничем не выдающаяся скромница. Сколько помню Джесс, она всегда развлекалась с выпивкой, сигаретами и мужчинами, кидалась на поиски приключений, заваливалась в три часа ночи с очередным безымянным барменом, чтобы поразвлечься с наркотиками и заняться сексом на кухонном столе. У меня же весь колледж был один парень, я даже убедилась, что влюблена, и, конечно же, усердно училась.

Но вскоре наши отношения стали пресными, вернее, я поняла, что пресный именно мой

парень. Зато усердие в учебе принесло свои плоды, хочу пойти в аспирантуру. Собственно поэтому я и в Италии, собираю материал для диссертации «„Каморра“ и „Коза Ностра“ [2]: История возникновения итальянской организованной преступности в Меццоджорно [3]».

Я хочу преподавать историю Италии, но настоящая причина, по которой я выбрала именно такую тему диссертации, другая. Это лишь предлог для поездки в Неаполь, где я смогу потусить с Джесс и наконец-то повеселиться. Подруга приехала сюда шесть месяцев назад, взяв в колледже академический отпуск, — учить язык и преподавать английский. Она так красочно все разрисовывала по телефону и в переписке: еду, сам город, мужчин. Да, мужчин! А почему бы и нет? Я просто жаждала присоединиться к ней.

Как же я хочу от души повеселиться! Мне двадцать два, и опыт мой невелик: двое парней и единственный раз — секс на одну ночь, да и тот был не на высоте. И все. Джессика в открытую насмеяется надо мной, называя почти девственницей или Мадонной Нью-Гэмпшира.

Я оборачиваюсь. Незнакомец смотрит на меня. На меня! Мельком, слегка озадаченно улыбается, будто не может припомнить, кто я такая. Затем его внимание вновь обращается к кофейной чашке.

— Он только что посмотрел!

— Ага! — смеется Джесс. — Иногда он и вправду поворачивает голову. Очень странно.

— Прекрати, для меня здесь все в новинку. — Я допиваю невероятно вкусный кофе. — Джесс, я совсем не привыкла к здешним горячим красавчикам. Парни из Дартмута поголовно носят нелепые рэперские джинсы, спадающие с бедер. Совсем как дети.

— Твой бывший носил... — Джессу передергивает от отвращения. — Парусиновые туфли на платформе.

— Мерзость! — хохочу я. — Парусиновые туфли с серыми носками! Пожалуйста, не продолжай.

— Ну настоящий матадор!

Лорд Роскаррик попивает кофе и больше не смотрит в мою сторону.

— Зато он соображал в математике, — защищаю я своего бывшего.

— Да, Икс, только выглядел он как затюканный ослик. Хорошо, что ты его отшила.

— Расскажи лучше, как у тебя дела. По-прежнему покоряешь мужчин Кампании?

— Ну да... Точнее, так было... — Пожав плечами и состроив недовольную рожицу, Джессика тушит окурок.

Невероятно элегантный официант тут же забирает переполненную пепельницу и, небрежно бросив: «Signorina!», изящным жестом ставит на ее место новую — стеклянную и довольно массивную, с буквами «CG» в стиле Прекрасной эпохи. Обслуживают здесь по высшему разряду. Кафе «Гамбринус» украшено фресками и люстрами, оно очень знаменитое. В мою голову начинают закрадываться сомнения насчет стоимости этих замечательных макияжа и восхитительных крошечных закусок: салями «Наполи» на нежнейших ломтиках чиабатты. Я шесть месяцев работала по вечерам в барах, чтобы скопить на трехмесячную поездку сюда. Мои финансы ограничены.

Но сегодня, в свою первую ночь в Неаполе, мне наплевать!

Вечер продолжается. Роскарик по-прежнему сидит за столиком, в шикарном костюме и с неповторимо красивым лицом, и старательно избегает взглядов в нашу сторону. Пора забыть про него: впереди меня ожидает целое море мужчин.

Улочки позади летнего кафе находятся в постоянном движении. Флиртуют прохаживающиеся мимо парочки, флиртуют улыбочивые копы, малолетки на неизменно зеленых скутерах «Пьяджо» и те флиртуют. Здесь все подернуто дымкой распутства, здесь торжествует жизнь. Как это по-неаполитански! Хотя откуда мне знать, ведь в Неаполе я впервые, как, впрочем, и в Италии. В Европе я прежде бывала лишь однажды, на свое восемнадцатилетие. Провела дождливую неделю в Лондоне — подарок от мамы с папой за получение стипендии в Дартмуте.

вернуться

1

Дартмутский колледж — один из старейших и наиболее престижных колледжей США, имеет статус университета; расположен в Ганovere, штат Нью-Гэмпшир. (*Здесь и далее прим. перев.*)

вернуться

2

«Каморра» — неаполитанская мафия. «Коза Ностра» — сицилийская организованная преступность.

вернуться

3

Меццоджорно — Южная Италия.

Папа и мама. На меня вдруг нахлынула ностальгия. Хотя нет, не могу я тосковать, ведь всего два дня назад я покинула наш маленький домик в Сан-Хосе с солнечным двориком и дождевальными установками — провинциальная американская жизнь.

Сейчас я в Европе — загадочной, мрачноватой, угасающей и грандиозной старушке Европе. Я уже обожаю ее. И полна решимости укрепить свои чувства.

— Здесь из-за парней свихнуться можно, — произносит Джессика.

— Что, прости? — удивляюсь я. — Ты же говорила, что в восторге от здешних мужчин. Присылала мне список имен, довольно внушительный.

— Правда? — криво и слегка смущенно усмехается подруга. — Ну да, конечно. Была у меня тут парочка. — Она замолкает. — Пара десятков. Они симпатичные, что остается одинокой девушке? Но, Икс, какие же они нарциссы, черт их дери, даже раздражает.

— В смысле?

— Половина из них маменькины сыночки. Они называются здесь *mamme*. Живут в родительском доме лет так до пятидесяти. Я уж молчу про одежду и аксессуары. Фу! — Джесс хмыкает и выпускает дым от девятой по счету сигареты. — Я про барсетки. Кто бы мог подумать, Икс, барсетки!

— Сумочки для мужчин?

— Они самые. Кожаные модные аксессуары! Метросексуалы проклятые! А носки? Вернее, их отсутствие. Что это за мода такая — надеть деловой костюм без носков? Так и хочется сказать: «Надень чертовы носки, придурок!» И прихорашиваются через каждые пять минут. В барах, например, в мужскую уборную очереди длиннее, чем в дамскую комнату. Через некоторое время это все начинает бесить. Вот посмотри, посмотри же! — От резкого взмаха рукой на изящном загорелом запястье Джесс бренчат серебряные браслеты. Мой взгляд следует через живописную *виа Толедо*, минует Оперный театр и огромную площадь с отелем «Роял палас», которая, как мне кажется, ведет к Тирренскому морю. — Посмотри на эти завалы мусора. Почему бы просто его не убрать? Хоть на минуту, черт вас дерит, прекратите думать о барсетках, Синьор-Без-Носков, и наведите порядок в своем городе. Так бы поступил настоящий мужчина!

Мы погружаемся в тишину.

— Мне надо выпить, — наконец прерывает паузу Джессика.

Заказываем напитки — парочку «Венециано», что бы это ни значило. Джессика обращается к официанту на почти безукоризненном итальянском, а я втайне завидую ей. За полгода она сделала скачок от неуверенных попыток и заикания до чуть ли не двуязычия. Я же едва могу сказать: «*Uno, due, tre*» [4]. Так что, пока я здесь, нужно разобраться и с этим: мечтаю выучить итальянский. А еще, даст бог, влюбиться!

Ох, как же я хочу влюбиться! По-настоящему. Без притворств, как с Занудой-Математиком Полом. Если я влюблюсь, то впервые в жизни. А мне уже двадцать два! Может, я просто неспособна полюбить, может, внутри меня нет благодатной почвы? Бедняжка Икс. Вы слышали про Икс? Она не может влюбиться! Доктора перепробовали все средства, но безуспешно. Теперь ей дорога прямиком в приют для старых дев.

— *Signorina, due aperitivi* [5].

Официант ставит перед нами выпивку. Большие бокалы на длинных ножках на три дюйма заполнены огненно-оранжевой жидкостью.

Я с подозрением смотрю на напитки.

Джесс расплывается в улыбке, а затем хохочет. Ее темные волосы выглядят очень ухоженными, отличная стрижка, подмечаю я. Это тебе не Дартмут.

— Икс, все в порядке. На вид как радиоактивные отходы, но попробуй. Клянусь, *delizioso!* [6] И к тому же модно.

Я подношу напиток к губам, на запах и вкус — апельсиновый, резкий и с горчинкой, а еще очень крепкий. То что надо!

— Белое вино, газировка и апельсиновый ликер «Аперол» — не «Кампари».

— Что?

— Икс, так его смешивают. «Венециано». Три или четыре бокала — а может быть, и пять — поднимут мне настроение на весь вечер.

После парочки коктейлей, или же пяти, нас окутывает беспроглядная ночь. Луна бесстыже взирает на нас свысока. Через улицу блистают в своих нарядах посетители оперы, а мы хихикаем и шутим, словно вновь оказались в нашей квартире в Гановере, штат Нью-Гэмпшир, со спятившим соседом снизу. Пока Джессика флиртует с официантом, таратора что-то по-итальянски, я украдкой поглядываю на *него*.

Весь вечер он сидит за тем же столиком, в своем безупречном костюме и девственно-белой рубашке, на манжетах — серебряные запонки с драгоценными камнями, на шее — шелковый сиреневый галстук. Иногда мужчина отвечает по ультратонкому телефону, иногда встает, чтобы поприветствовать знакомых.

Время от времени к нему за столик присаживаются удостоившиеся такой чести прохожие. И тогда этот мужчина, удивительно привлекательный, с грозным видом и хмурым взглядом, с темными кудрями, неповторимым образом спадающими на снежно-белый воротничок, с бледными, слегка печальными глазами и скулами неземной красоты, скорее прелестное видение, а не человек, — тогда он мощно и очень эмоционально жестикулирует. Он совсем не похож на других итальянцев, более сдержанный и сосредоточенный. Отрешенный. Может, даже замкнутый? Нет, все-таки отрешенный. И чуточку опасный.

С болью и грустью я понимаю, что этот мужчина — на вид лет тридцати, высокий, богатый, недостижимый — очень красив. Пожалуй, он первый действительно красивый мужчина, встретившийся мне: более смуглый, чем Байрон, скорее загорелый Джеймс Бонд. Мне и раньше попадались симпатичные парни — весельчаки со смазливой мордашкой и щуплым телом, любители гитары. Таких в Калифорнии навалом, и был по крайней мере один в Дартмуте — Джессика с ним переспала. Незнакомец же привлекает именно мужественной красотой. Даже отдаленно не смахивает на гея, не метросексуал, не «костюм без носков», таскающий за собой барсетку, а высокий, очень мужественный, солидный, суровый, стройный... О боже, кажется, я пьяна.

Подруга, как всегда, читает мои мысли. Допив четвертый по счету «Венециано» и смачно, но забавно рыгнув, произносит:

— Говорят, его жена погибла. Несчастный случай. А может, и нет... После он превратил семейные миллионы в миллиарды. Роскаррик. Отец — англичанин, мать — итальянка. Икс, спроси у друга «Гугла». Господи, как же я проголодалась. Может, пиццу закажем?

Она пьяна. Впрочем, я тоже. Одурманена всем, что меня окружает. И апельсиновыми аперитивами, и кислотно-желтой луной Неаполя, и мужчиной в дорогом английском костюме. Лорд Роскаррик. Лорд Маркус Ксавьер... как-его-там... Роскаррик.

— Черт возьми, Икс!

— В чем дело?

Я уже минуты две люблюсь небом. Теперь же перевожу взгляд на Джесс, которая, в свою очередь, в ужасе пялится на чек.

— Что? В чем дело? Сколько?

— Зачем мы брали здесь выпивку? — стонет Джесс. — Надо было пойти в бар рядом с домом. Подстава!

Мой желудок сжимается.

— Сколько там?

— Девяносто евро.

— Бог ты мой! Мы же только «Венециано» пили.

— А еще кофе, закуски. Чтоб меня! Какая же я тупица! Забыла, что ли, как здесь все дорого. Прости, милая.

У Джессики с деньгами туго, от преподавания она получает гроши. Живет от зарплаты до зарплаты, но как-то справляется. Так что напитки на девяносто евро могут изрядно подпортить ей неделю. Я нехотя достаю из кошелька кредитку, но вдруг подбегает официант и с улыбкой уносит счет.

— А как же кредитка? — кричу я ему вслед.

— Все в порядке! — любезно улыбается симпатичный официант. — Синьор заплатил за вас. Синьор Роскаррик.

— Что? Нет...

Сердце мое подпрыгивает в груди, я оборачиваюсь, дрожа от глупой радости и смущения, собираюсь вежливо отказаться: «Правда, не стоит, мы сами заплатим. Меня зовут Алекс. Александра. Александра Бекманн. Да. Верно. С двумя „н“. Вот мой номер телефона. Запишите. А лучше сделайте татуировку на руке».

Но столик пуст. Незнакомец ушел.

О стену палаццо облокотился коп в дизайнерской одежде и теперь молчаливо курит в сумерках.

2

Мне нужно выбросить *его*из головы, поэтому весь следующий день я увлеченно распаковываю коробки в своей крошечной однокомнатной квартирке рядом с Кастель-дель-Ово [7].

вернуться

4

Один, два, три (*ит.*).

вернуться

5

Синьорина, два аперитива (*ит.*).

вернуться

6

Вкусно! (*ит.*)

вернуться

7

Кастель-дель-Ово— средневековая крепость на острове в Тирренском море, который соединен узкой насыпью с Неаполем.

Пару недель назад Джессика позвонила мне в Штаты и пообещала договориться о квартире рядом с ней — в новом модном районе города под названием Санта-Лючия. Я босиком выхожу на миниатюрный балкончик, металлические прутья которого обвиты виноградной лозой. Теперь я понимаю, что такое «новый и модный» по меркам Неаполя. Это означает, что зданиям в стиле неоклассицизма не более двух сотен лет, а груды мусора на тротуаре не превышают человеческий рост.

И кого это волнует? Над головой божественно-голубое ясное небо, утренний воздух мягок, а если я привстану на носочки — чуть ли не падая с балкона, — то всего в двух кварталах от меня, между домами *виа Лучильо* увижу тонкую полоску Тирренского моря, сводящего с ума своей синевой. Далеко на горизонте вырисовывается темный и неровный силуэт острова. Должно быть, это Капри.

Я вижу со своего балкона Капри!

Проведя здесь всего сутки, я уже влюбилась в это место. Мне просто необходимо поделиться счастьем. Звоню Джессике на работу и все ей рассказываю. Подруга рывкает в трубку и обзывает меня сентиментальной дурой. Очень по-британски. Я, конечно же, хочу расспросить ее про незнакомца. Но не могу, она засмеет меня.

— Джесс, спасибо за квартиру.

— Рего [8]. А теперь возвращайся к распаковыванию вещей. И прекрати о нем думать.

— Откуда ты знаешь? — смеюсь я.

— Ты вчера всю ночь о нем болтала. Вряд ли сегодня взяла и забыла.

— Какая же я все-таки загадочная.

— Остынь, Икс. Да, Виконт Совершенство заплатил за выпивку. Ну и что? Расслабься, детка.

— Джесс, почему везде столько мусора? — перевожу я разговор на другую тему.

— Я же говорила: дело в «Каморре». Они заправляют сбором мусора и больше никому не позволяют этим заниматься. Рэкет, мошенники. Весь город словно сцена драматического произведения — бал-маскарад, и все — слышишь? — все в масках! Заруби себе на носу!

— И?

— Когда увидишь сборщиков мусора, помни, что они вооружены.

— Ух ты! Отлично!

Джесс на секунду замолкает, а затем хохочет:

— Ага! А если и вправду хочешь разведать побольше про «Каморру», то всегда можешь спросить ее предполагаемого сообщника.

— Ты о ком?

— Да есть тут один парень... Лорд Роскаррик. Слыхала о таком?

— Нет. Расскажи.

— Что ж... Полагаю, он довольно привлекателен, если ты, конечно, падкая на красивых, сексуальных, обаятельных миллиардеров. Многим девчонкам нравится такое сочетание.

— И?...

— Некоторые говорят, что он в верхушках «Каморры», другие же утверждают, что он противостоит «Мафии». В любом случае интересно. Позвони ему и попроси дать интервью.

— Джессика, ты предлагаешь, чтобы я вот так взяла и позвонила ему? Ни с того ни с сего? Тебе, наверное, там скучно, да? Скучно ведь?

— Ненавижу утро четверга! — Слышу в трубке ее стон. — Каждый божий четверг у меня полный класс *princesse* [9].

— А...

— Они только и делают, что подпиливают ногти и болтают об оргазмах. Но неважно. Послушай, Икс, я не шучу. Этот парень не такой уж недостижимый, если тебе интересно. И он точно спонсирует благотворительные организации, которые помогают жертвам мафии. Можно начать с этого. Он что, действительно так тебе понравился? Икс? Только не ври.

Я набираю в легкие побольше воздуха. Понравился ли он мне? Правда? Действительно ли я хочу откликнуться на его загадочный первый шаг? Хочу ли броситься с головой в омут из-за этого таинственного и слегка пугающего человека?

ДА. О боже, да! Определенно ДА. За мою короткую жизнь еще ни один мужчина так меня не волновал, не поднимал с глубин сокрытую во мне сексуальную энергию. У него же это получилось: вот так просто, не обращая на меня внимания в течение нескольких часов, может бросив разок в мою сторону хмурый взгляд, а затем исчезнув — и заплатив за наши напитки. И все. Но этого оказалось более чем достаточно.

ДА. Очень хочу. ДА, ДА, ДА, ДА, ДА!

— Возможно, — отвечаю я.

— Я и не сомневалась. Да ты на нем готова рубашку в клочья разорвать при малейшей возможности, шлюшка!

— Ты про его дизайнерскую рубашку из египетского хлопка, купленную на Джермин-стрит?

— Именно, — хохочет Джесс. — Сшиту вручную сиротками в Антверпене.

— Ну и...

— Если тебе действительно интересно... Он живет в известном палаццо в Кьяйя.

— Где?

— В Кьяйя. Это очень фешенебельный район. Всего в десяти минутах ходьбы от Санта-Лючии. Палаццо Роскаррик, глянь в «Гугле». Вы чуть ли не соседи, черт побери! Можешь наведаться туда после обеда, взять интервью у нашего лорда и часам к пяти утопать в посткоитальной неге. Если, конечно, тебя не пристрелят парни из его банды. Ну все, я побежала. Будь осторожнее!

Телефон разъединился. Сердце мое забилось чаще. Я смотрю на лазурное море и мерцающий силуэт острова вдалеке. Значит, Роскаррик живет совсем рядом. В палаццо. Конечно, в палаццо, глупая! Где же еще?

Так, стоя на балконе, я предаюсь грезам. Воображаю, как он — Маркус Роскаррик, молодой лорд Роскаррик, привлекательный синьор — входит в огромную комнату с огромными окнами, сквозь которые льется свет Кампании. Снаружи в саду шелестят пальмовые ветви, с улицы доносится приглушенный шум машин, будто ласкающий слух шепот. Может, в этот момент внутрь заходит дворецкий и, минуя старинные портреты, подает завтрак. Я буквально вижу серебряный кофейник и тарелочки с лаймовым пралине, лимонные дольки на фарфоровом блюде и свежавыжатый сок из красного апельсина, пролитый на безукоризненно белые простыни. Алая кровь на исключительной белизне.

А еще обнаженная девушка. Есть ли она в моей воображаемой сцене? Да, вот она — нагая, мечтательная и прекрасная — стоит возле окна, окутанная прозрачными занавесками из брюггского кружева. Марк Роскаррик поднимается с кровати — тоже обнаженный, стройный, возбужденный, его мускулистое тело словно вырезано из твердого и темного дерева лесов Амазонии. Ступая по паркетному полу, он подходит к девушке и обнимает за тонкую талию, целует бледную кожу на ее шее, прелестное создание в ответ томно вздыхает и поворачивается. И это я, именно я стою у окна спальни, обнаженная. Я его любовница, крепкие руки обхватывают мою талию, я поворачиваюсь, улыбаюсь и целую красивое лицо Роскаррика, затем в благоговении опускаюсь на колени и тянусь к его вожделеющему мужскому началу и...

И прямо под моим балконом, на виа Санта-Лючия, малолетка на мотороллере «Веспа» внаглую пялится на меня — босоногую, в шортах и с приоткрытым ртом, витающую в эротических фантазиях. Подростку где-то лет шестнадцать. Я вижу, как он ухмыляется, а потом уносится в сторону Кастель-дель-Ово, к горной дороге и пленительно-синему Тирренскому морю.

Нелепость какая! Что со мной? Эротические фантазии днем? Совсем не как в Нью-Гэмпшире. Совершенно не так.

Нужно сосредоточиться. Мне осталось распаковать одежду и ноутбук. Сперва одежду.

Как оказалось, довольно унылый процесс. Я привезла с собой кучу вещей от «Зары», обновила почти весь гардероб — в прошлом месяце отоварились в их магазине на Юнион-сквер в Сан-Франциско. Тогда это показалось мне отличной идеей. В Калифорнии одежда выглядела очень

европейской, элегантной и уместной, чуть ли не perfetto [10]. А еще обошлась недорого.

Но теперь я с содроганием достаю платья и брючные костюмы. Знаю, что «Зара» — испанская марка, но почему-то вся одежда выглядит очень... по-американски. Скорее даже провинциально и массово. На самом деле вещички симпатичные: черные хлопковые юбки-карандаш, коротенькие легкие платья с принтами, жаккардовая мини-юбка, забавная кружевная кофточка. Все очень милое и летнее, хлопковое и новое, но здесь, в Италии, оно кажется совершенно неизысканным, даже безвкусным. Такой гардероб неспособен произвести впечатление. Одеть мне нечего. Я здесь всего сутки, но уже знаю одно: на виа Толедо носят как минимум «Прада». Шелк, кашемир, дорогой лен. Даже регулировщики выглядят так, будто идут не по тротуару, а по подиуму.

вернуться

8

Пожалуйста (*ит.*).

вернуться

9

Принцессы (*ит.*).

вернуться

10

Совершенный, безупречный (*ит.*).

Но выбора нет, буду носить то, что есть. У меня нет денег на обновки. Придется положиться на природные преимущества.

Коими являются...

Подхожу к высокому старинному зеркалу, что висит на стене напротив моей кованой кровати. От окна наискось ложится свет. Я внимательно смотрю на себя. Стою в шортах, босая. Лицо перепачкано пылью от коробок.

Волосы почти в порядке, лежат мягкими волнами. Бульшую часть времени. Мой рост — пять футов и пять дюймов, а вес — 120 фунтов. Некоторые даже считают меня хорошенькой. И лишь однажды мужчина назвал меня красивой.

Всего один раз.

Я подхожу к зеркалу ближе, разглядывая себя, будто рабыню на невольничьем рынке. Римская рабыня на пьядца Меркато. Не зря я много читала из истории Неаполя.

У меня симпатичный вздернутый носик. А может, слегка кривой? И слишком много конопущек. Зубы почти идеальные. Уши предательски маленькие. От устриц меня воротит. И

переспала я лишь с тремя парнями.

Всего трое!

Мое зеркало вибрирует — это мимо проехал грузовик, громыхая на черных булыжниках переулка. Трое! У меня было три любовника, и ни с одним я не достигла оргазма. Видит бог, я хочу это изменить. Мне надоело быть хорошей, прилежной девочкой, которая только и делает, что учится. Пожалуйста, Господи, я прошу всего одно лето наслаждений. И секса. Много-много классного секса!

Может, я действительно распутная девица, может, Джесс права. Может, шлюха внутри меня только и ждала подходящего момента, словно блистательная бабочка, вырвавшаяся из девственно-белой куколки «порядочной дочери». Ночная бабочка Борджетто, блудница, балансирующая на туфлях «Прада», и бесстыжая молодая любовница очень богатого мужчины. Всего на одно лето я согласна стать любой из них. После этого и состариться не страшно: будет что рассказать ошарашенным внукам о летних похождениях их бабушки в греховном и чувственном Неаполе.

Ох, бабуля, ты такая выдумщица!

Наконец вся одежда аккуратно висит в большом и старом платяном шкафу. Осталось распаковать и подключить ноутбук. Это угнетает меньше, чем разбор вещей. В моей комнате нашелся даже немного расшатанный раскладной деревянный столик. Если приставить к стене, будет что надо.

Ноутбук уже работает, подключенный к общей с Джесс сети. Я приступаю к исследованиям. Изучаю историю организованной преступности на юге Италии. Этому посвящена первая треть моей диссертации, я почти ее закончила. Пора переходить к полевым работам. Интервью. Вылазки в город.

Приключения.

Перечитываю уже написанные отрывки.

«Каморра».

Происхождение «Каморры», преступной организации Неаполя, остается под вопросом. Возможно, она является ответвлением испанского тайного общества, основанного в 1417 году, во времена Неаполитанского королевства и правления Бурбонов. Есть вероятность, что она возникла из мелких криминальных группировок, действовавших среди бедных слоев населения Неаполя в конце восемнадцатого века...

Проходит несколько часов. Я напряженно пялюсь на экран. Палаццо Роскаррик. Всего-то и нужно набрать в «Гугле». Палаццо Роскаррик...

«Ндрангета» [11]... «Каморра»... «Сакра Корона Унита» [12]...

Черт возьми! Посмотри же в Интернете. Всего пара минут — и я нахожу, что мне надо: на сайте, посвященном неаполитанскому искусству и архитектуре. Джессика была права. Палаццо Роскаррик — шедевр в историческом смысле. И действительно, десять минут пешком от Санта-Лючии.

Меня охватывает дикое желание отправиться туда. Сейчас же! Но я не должна... Просто

обязана! Но я не могу... Еще как могу! Скорее, я не пойду. Но почему мне нельзя? Я же по делу — пишу диссертацию. У меня замечательный предлог, нет, даже причина! Можно было остаться дома в тоскливом Сан-Хосе и проводить исследования организованной преступности по Интернету, но я же здесь, в самом Napoli, чтобы увидеть все собственными глазами. Очевидно, Маркус Роскаррик сможет о многом мне рассказать, ведь он оказывает финансовую поддержку жертвам мафии.

Зачем? Совесть замучила?

Пока мой здравый смысл не взял верх, я сбрасываю шорты, наспех натягиваю джинсы, босоножки и белую майку. Ничего выдающегося. Добавить браслетик? Мне очень нравится, как серебряные кольца на запястьях Джесс подчеркивают их красоту и загар. Выбрать другой аромат? Да, так и сделаю. А солнечные очки? Нет.

Да!

Дорога должна занять не более десяти минут. Тем не менее я иду быстро, пробираясь сквозь жаркие многолюдные улицы. Мимо водителей и мотоциклистов, мимо тракторий и магазинчиков модной одежды, мимо раскрасневшихся мужчин с подносами свежего белого сыра моцарелла для элитных ресторанов, где повара наслаждаются предобеденным перерывом, гуляя по боковым улочкам и украдкой покуривая за кипарисами в кадках.

Улицы расширяются, становясь более просторными, древними и запутанными. Виа Кьяйя плавно переходит в мраморные ступеньки и прогулочные площадки. Я в растерянности оглядываюсь. Мимо спешат по делам бизнесмены в изысканных костюмах, полицейские поедают огромную пиццу в летнем кафе. Здесь город резко поднимается над уровнем моря. Стоп, я иду вверх или вниз? Взобравшись на один пролет по гладким древним ступенькам, я смотрю налево и направо. Начинаю уже волноваться, но нет. Стойте! Вот оно. Узнаю это место по фотографиям с сайта.

Громадное суровое здание шестнадцатого-семнадцатого века, с элементами готики и колоссальными стенами. Похоже на тюрьму, но очень красивую — персикового и коричневатокрасного цветов, окруженную пальмами, грандиозную и мрачную в лучах солнца. Читаю на табличке: «Палаццо Роскаррик».

Палаццо Роскаррик! Мне нравится, как это звучит.

Сердце барабанит в ушах. Словно во сне, иду по сужающейся улочке, приближаюсь к массивной двери. Мои неуверенные попытки постучать большим металлическим кольцом оказываются тщетными. Какая же я глупая! Будто сирота под дверьми исправительно-трудового лагеря. Все так нелепо. Нужно уходить.

Огромная дверь открывается. На улицу выглядывает мужчина в униформе. Кто он? Дворецкий? Камердинер? Я не сильно в этом разбираюсь.

Выглядит он озадаченным. Наверное, не ждал гостей. А может, я ошиблась дверью?

— Sì?

Вот и настал момент вспомнить школьный итальянский.

— Э... buon... э... giorno. Parla...

— Пожалуйста, вы можете говорить по-английски, — без какого-либо итальянского акцента произносит мужчина. Может, он британец. — Чем могу быть полезен?

— Э... Я хотела бы увидеть... э... мистера Роскаррика, в смысле, лорда. В смысле... — Как же жалко я выгляжу. Щеки мои вспыхивают румянцем. Не стоило мне приходить. — Я... э... американская студентка. Провожу исследовательскую работу. Я изучаю... «Каморру»... Нет, я имела в виду... — Что же мне сказать?

Слуга, если это, конечно, он, немного смягчается при виде моей паники. На его лице появляется сочувственная улыбка.

— А, милорд Роскаррик! Вы его хотите увидеть?

— Да.

— Что ему передать? Кто спрашивает?

Давай же, Алекс! Действуй! Не упusti свой шанс!

— Скажите, что пришла девушка из кафе «Гамбринус».

На секунду мужчина изгибает брови, а затем зазывает меня внутрь. Я прохожу сквозь грандиозные двери Палаццо Роскаррик. Того самого Палаццо Роскаррик, а не какого-либо другого.

Осматриваюсь по сторонам: здесь темно, сладковатый запах — от пчелиного воска и цветов, орхидей или лилий. Над головой — сводчатый потолок. Чуть дальше — тенистый двор под открытым небом, где на солнце искрится вода в фонтане.

Появляется слуга:

— Лорд Роскаррик примет вас.

3

Иду следом за дворецким или камердинером. Не уверена, как правильно назвать его. Мы минуем залы и коридоры этого громадного здания.

Я с открытым ртом озираюсь по сторонам. Палаццо Роскаррик такое, каким я его себе и представляла, даже лучше. Вдоль стен висят огромные и строгие портреты знатных особ. Огромные комнаты ведут в другие, я мельком замечаю бальные залы и комнаты с высокими окнами, многие из которых закрыты ставнями. В коридоре очень изысканные обои, мятно-зеленые, с завитками — возможно, китайские — и очень старые.

вернуться

11

«Ндрангета» — крупная итальянская организованная преступная группировка, происходящая из Калабрии — самой бедной провинции Италии.

вернуться

«Сакра Корона Унита» — криминальная структура, базирующаяся на юге Италии, на территории Апулии.

— Прошу сюда.

Насколько же огромен этот дом? И насколько богат его владелец?

Мне хочется задержаться, рассмотреть все как следует. И полюбоваться. Здесь есть и массивная испанская мебель из орехового дерева, и более легкая, английская, георгианского стиля, и совершенно противоположная этому — в стиле модерн. Мрачные, старые картины перемежаются с абстрактным искусством — агрессивными полосами удивительных и очень характерных для двадцатого века цветов. Сразу становится ясно, что здесь живет обладатель хорошего вкуса, молодой эстет. Здесь далеко не музей. Замечаю, что одна из стен украшена древними ружьями. По крайней мере мне они кажутся древними.

Слуга заводит меня за последний поворот, я прохожу сквозь огромные деревянные двери и ступаю в другой двор под открытым небом. Моему восхищению нет предела. Я зачарованно смотрю на величественную каменную двойную лестницу, поднимающуюся на целых пять этажей и напоминающую ребра позвоночника. Потрясающая архитектура и немного пугающая своей помпезностью.

— Раздваивающаяся лестница, в виде крыльев хищной птицы, типична для неаполитанского барокко. Спроектирована Фердинандо Санфеличе для моего предка, девятого лорда Роскаррика.

Голос, несомненно, принадлежит англичанину — мягкий, но в то же время глубокий и уверенный. Я знаю, это мой незнакомец, и стоит он прямо у меня за спиной. Неужели он шел следом, пока я, как потерявшая дар речи туристка, с вождением смотрела на этот до неприличия красивый особняк? Наблюдал ли он за мной?

Его речь по-прежнему льется как вода.

— Лестница была спроектирована для лошадей, поэтому она такая грандиозная. Когда кавалеристы возвращались в палаццо, то проезжали через главные южные ворота прямо во двор и поднимались по лестнице верхом. Лошадей обучили спускаться по второй лестнице и самим возвращаться в конюшню. Безумная идея, да?

Мой затылок горит под пристальным взглядом, щеки предательски краснеют. Сейчас мне совсем не хочется поворачиваться и смотреть в глаза этому мужчине, рассказывающему о лестнице для лошадей. Теперь босоножки кажутся нелепыми и дешевыми. Следовало одеться в бальное платье. Зачем я вообще пришла?

— Итак. Девушка из кафе «Гамбринус»... — Голос его смягчается, в нем появляется намек на улыбку. — Слово из романа.

Я все-таки поворачиваюсь. Он стоит передо мной. На его лице застыла легкая улыбка.

— Как и вы, — отвечаю я.

— Что?

— Это вы как из романа.

— Простите?

— Маркус Ксавьер Роскаррик, лорд Роскаррик. То есть в смысле...

Что за чушь я несу? Что, черт побери, творю?! Это почти оскорбление. Но мои мысли бешено скачут. Он не отрывает от меня взгляда. Я отвечаю тем же. Слуги замерли в ожидании.

На нем джинсы из мягкого, потертого денима, элегантные английские туфли из коричневой кожи и наполовину расстегнутая хлопковая рубашка, слегка напоминающая времена Байрона. Одной пуговицы не хватает. Безупречно-белая ткань выглядит поношенной. Очень дорогая, сшитая на заказ и даже старинная рубашка. Цвет туфель гармонирует с загаром, а может, это естественная смуглость его кожи. Зубы ослепительно-белые.

Бледно-голубые глаза не так уж и холодны. Улыбка скорее даже дружелюбная, слегка отрешенная. По крайней мере он не в черном фраке или же в вампирском плаще с капюшоном. Может, мои босоножки не такие уж нелепые. Был бы он хоть капельку менее привлекательным. Ну хотя бы чуть-чуть. Ведь это перебор.

— Вы хотели поговорить со мной о «Каморре»?

— Да.

— А вы осознаете, что это довольно-таки прямолинейно? — лучезарно улыбается он. — Даже слегка опасно?

— Да... Наверное.

Я такая тупица! И к тому же грубиянка. «Довольно-таки прямолинейно»! Но уже слишком поздно, я здесь, отступить некуда.

Кивнув, лорд Роскаррик поворачивается к слуге и что-то быстро и красноречиво говорит ему по-итальянски.

Я снова не могу оторвать взгляд от этого роскошного мужчины. Любуюсь им, нет, даже упиваюсь.

Потертые джинсы Роскаррика небрежно порваны над коленом — четко спланированный недостаток. Мне видна смуглая полоска кожи, как обещание скрывающегося за тканью зверя. Во рту пересохло.

Прекрати, Икс, возьми себя в руки. Разберись со своими мыслями. Он всего лишь красивый, загадочный тридцатилетний миллиардер-аристократ. В Неаполе. Подумаешь, такие на каждом шагу встречаются!

Роскаррик проводит рукой по черным волнам волос и снова поворачивается ко мне — это первый наигранный жест, который я за ним наблюдаю. Первый намек на тщеславие. Отлично! Теперь моя страсть слегка угаснет. Он тщеславен. Конечно же! Но его волосы такие кудрявые и... темные.

— Итак... на чем мы остановились? Простите за мою неучтивость. Можете называть меня

Марк. Марк Роскаррик. А как мне к вам обращаться... мисс...

— Бекманн.

Его глаза по-прежнему вопросительно смотрят на меня. Наверняка он хочет услышать полное имя. Заикаясь, я выдавливаю из себя:

— Александра. Бекманн. Зовите меня Алекс. Или Икс. Для всех я Икс.

— Икс? Правда?

— Да. Икс.

— Значит, не роман. Больше напоминает шпионский триллер.

— А кто злодей?

Лорд Роскаррик на секунду замолкает, а затем раздается его мягкий, веселый смех. Заразительный смех. Ослепительно-белые зубы, ослепительно-голубые пронзительные глаза. Да, он определенно зверь, излучающий энергию, хищник, ястреб, которого не посадить под замок. Его ледяные глаза чуть прикрыты. В них таится мощь и опасность. Возможно, он не тщеславен, а напряжен и оживлен одновременно. Я снова сдаю позиции. Его рубашка небрежно заправлена в джинсы, местами не застегнута. Мой взгляд падает на кусочек загорелого рельефного живота.

— *Per favore* [13]... — Марк говорит со слугой на беглом итальянском. Я отворачиваюсь, делая вид, что разглядываю взметнувшуюся к небесам каменную лестницу с люнетами, валютами и причудливыми завитками в стиле барокко.

Пытаюсь сосредоточиться, но я слишком взволнованна.

— Что ж, Икс, — произносит Марк с долей сарказма, но без злости. — Мы можем выпить по чашечке кофе в Галерее. Вы бы допросили меня и выяснили, являюсь ли я *самorrista* или нет.

Он ведет меня за собой, слуга незаметно исчезает. Путь не слишком долгий, мы поворачиваем налево, затем направо, и уже не в первый раз я восхищенно округляю глаза.

Комната соответствует названию: просторная и продолговатая галерея, декорированная деревянными панелями. Сквозь высокие окна сочится яркий свет Неаполя, на стенах современная абстрактная живопись вновь чередуется с работами старых мастеров. Мой взгляд останавливается на одной из картин: обнаженная женщина с молочной кожей стыдливо прикрывает низ живота алым шелком, нельзя не заметить ее соблазнительных изгибов.

— Да, это Тициан, — проследив за моим взглядом, говорит Марк и выдвигает для меня стул. — Еще есть парочка картин кисти Мантеньи. И много Ватто. И Буше. Слишком много Буше. Чем эротичнее, тем лучше. Нагота во французском искусстве. Мои предки были такими развратными. — Он смеется. — Но если б не их сексуальная ненасытность, меня бы, пожалуй, на свете не было.

— Простите?

Я присаживаюсь и роюсь в сумке в поисках блокнота. Можно хотя бы притвориться, что я здесь ради исследования, а не ради нелепых попыток заигрывания.

— Простите?

Марк тоже присаживается и вальяжно кладет ногу на ногу. Я крепко стискиваю ручку. Нас разделяет лишь низкий мраморный стол. Сквозь огромные окна сочится свет, покачиваются на легком ветерке ажурные занавеси. Мне жарковато, майка липнет к телу.

— Мои родственники по отцовской линии — англичане. У нас имение в графстве Нортумберленд, но в восемнадцатом веке девятый лорд Роскаррик по кличке Безумный отправился в Гран-тур и влюбился в Италию, а когда устал от всей этой сырости в Англии, то приехал жить в Неаполь, сюда, в палаццо. — Марк делает взмах рукой. — Однако, как сказал Гете: «Увидеть Неаполь и умереть». Через несколько месяцев после переезда девятый лорд Роскаррик подцепил сифилис, затем сошел с ума, попытался укусить игрока на клавесине при дворе во времена Бурбонов — и в приступе безумства испустил дух.

вернуться

13

Пожалуйста (*ит.*).

Я наспех записываю каждое слово. Речь Роскаррика быстрая и очень четкая.

— Но страсть к неаполитанской жизни и здешним женщинам стала частью нашего ДНК. С тех пор Роскаррики заключали браки лишь с местной аристократией.

На лице Марка на мгновение появляется едва уловимое, но совершенно иное выражение — сильного душевного страдания. Правда, оно тут же исчезает, будто облачко в ясный летний день, и я вновь вижу учтивую, дружелюбную улыбку. Еще некоторое время лорд Роскаррик говорит о своих предках, о коллекции произведений искусства, палаццо, дуэлях и пьянке, делится забавными случаями. Я рассказываю немного про себя: про свое увлечение историей, поэзией, политикой. Он вежливо слушает и улыбается, когда надо.

И хотя наш разговор очень занимательный, я не перестаю думать о другом. Я видела. Видела вспышку боли и трагических воспоминаний на его лице. Что это было? Почему никто не поможет ему? Почему он не найдет кого-нибудь, чтобы излечить свои раны? Может, он их отпугивает, как пугает и меня.

Я вдыхаю идущий от него аромат, наверное, это очень изысканный одеколон, ничего резкого. Запах соблазнительный, но ненавязчивый. Свежий, но отличный от других. Я вдруг понимаю, что как раз это и одурманивает меня: от Марка пахнет восхитительной, неповторимой чистотой. Как же мы с ним не похожи: он выше меня где-то на голову, его рост — более шести футов против моих пяти футов и пяти дюймов. И он сильнее. Богаче. Немного старше. Со щетиной. Гордый. Но все-таки в его сердце живет боль, нуждающаяся в исцелении.

В комнату заходит слуга и ставит серебряный поднос на мраморный столик. Пытаюсь избавиться от ненужных мыслей, я пью невероятно вкусный черный кофе с легким привкусом шоколада. Ничего у меня не выходит. Чувства помыкают мной, как рабыней. Голова идет кругом. Я словно под пристальным взглядом тайной полиции. Меня не покидает безумная мысль, что я встретила родственную душу. Нам так хорошо, когда мы вместе смеемся. Марк будто недостающий кусочек в моей мозаике. Но возможно ли это?

Успокойся, Икс!

— Почему вы заплатили за наши напитки?

Он легонько кивает, как если бы я задала справедливый вопрос.

— Я заметил, что вашу подругу явно ужаснул счет. Мне захотелось помочь. У меня достаточно денег, и я люблю помогать.

— И...

— Давайте начистоту. Есть другая причина... Почему бы мне не купить «Венециано» для красивой молодой девушки?

Сердце сейчас выскочит из груди, моя оборона пала. Все это слишком быстро, слишком резко, слишком дешево. Он пытается соблазнить меня. Ладно, может, я и хочу оказаться соблазненной, и в то же время не хочу. Не так грубо, а иначе. Я молча откидываюсь на спинку стула. Марк смотрит на меня с улыбкой:

— Ваша подруга и впрямь очень красива.

— Что?

— Милая девушка. Я не сдержался. Простите.

— Ах...

— Как ее зовут?

Теперь меня охватывает злость. Какая же ты глупая, Алекс!

— Джессика.

— А-а... Она тоже американка?

— Нет, англичанка.

— Так я и думал. И уж точно она любит выпить. — Он вежливо смеется. — Извините меня за откровенность. Надеюсь, я никого не обидел. Так вы хотели спросить меня про «Каморру»?

От злости все мышцы моего лица стягиваются. Я понемногу отпиваю кофе и внутренне негодую. Значит, он не пытался соблазнить меня. Не пытался меня соблазнить. Он думал, я Джессика. Какая ужасающая нелепость! Я так сердита на себя, на эти глупые эмоции! Все дело было в Джессике. Девушка из кафе «Гамбринус». Он согласился на встречу, потому что подумал, к нему пришла Джессика. А со мной общается лишь из вежливости и ненавязчиво пытается унижить.

Дура, вот же дура! Тупица!

Наше интервью подходит к концу. Кофе закончился. Лорд Роскаррик рассказывает про импорт и экспорт — именно так он превратил семейные миллионы в миллиарды. С напускной скромностью он добавляет, что любит содействовать благотворительным организациям — особенно тем, что поддерживают жертв преступности. Все это очень мутно и не сильно меня волнует. Делаю вид, что записываю. Возможно, лорд Роскаррик врет, а на самом деле он лишь

симпатичный гангстер, который пытается замести следы. Да и кого это заботит? Я полная идиотка. Он говорит, что любит Калифорнию, пустыни на Юго-Западе: настоящую Америку, фронтир. Он использует слово «фронтир». Меня тошнит от этого.

Лорд Роскаррик, очевидно, улавливает мою неловкость. Резко встает, прощается и дает мне визитку: чтобы я звонила, если понадобится какая-либо информация. Натянуто благодарю его, испытывая потребность присесть в реверансе или же поругать себя за бестактность, но вместо этого я тоже прощаюсь и, отказавшись от сопровождения, бегу вниз по холодным и широким мраморным ступенькам. Маршрут я помню: налево и направо, налево и направо, через зал, вниз по коридору, мимо нелепой вычурной коллекции оружия. Скорее уйти отсюда, уйти, уйти!

Солнце припекает. Я выхожу на шумную улицу. Смотрю на свой несуразный блокнот и кидаю его в огромную кучу мусора.

Затем замечаю полицейского с фотоаппаратом. Он снимает меня.

4

— Сколько там было копов?

— Кажется, трое... Я была совсем сбита с толку.

Мы с Джесс сидим на полу в ее квартире, по соседству с моей. В воздухе витает едкий запах лака для ногтей. Мы решили сделать себе домашний педикюр. И впервые нормально поговорили о том, «что случилось в палаццо» после моего побега оттуда два дня назад.

— Что ж, как я и говорила, ходят слухи о его причастности, — произносит подруга и машет рукой в сторону высокого французского окна, за которым открывается город. — Половина того, что прибывает в порт, — контрабанда. А разве он не этим занимается? Экспорт да импорт. — Она утвердительно кивает. — Правда, в Неаполе чертовски сложно преуспеть в бизнесе без поддержки банды. Все так или иначе с ней связаны. Даже голуби на виа Данте и те иногда выглядят слегка хитренькими. Смотрят на тебя так, будто что-то замышляют. Боже, они когда-нибудь высохнут?

Джесс берет журнал и, как веером, машет им над ногтями. Повсюду, среди журналов и книг в бумажном переплете, разбросаны ватные шарики. В квартире подруги, как всегда, беспорядок. Когда мы делили комнату в Гановере, меня раздражала ее нечистоплотность. Теперь же я живу по соседству, и такое разгильдяйство мне даже по душе. Самое важное — оно неизменно. В этом безумном мире Джессика, моя лучшая подруга, остается все той же: умной, веселой, практичной и привлекательной. Я совсем не против, что именно она понравилась чертову Маркусу Роскаррику.

Она.

Наши мысли идут в одинаковом направлении. Джесс переводит взгляд с вишневых ногтей на меня и говорит:

— Значит, он правда считает меня красивой?

И хотя я люблю Джессику, все равно испытываю укол зависти. В ее циничном взгляде я улавливаю нотку самодовольства.

— Да. Он действительно назвал тебя красивой...

Моя улыбка чересчур широкая и совсем не убедительная.

— Джессика Раштон. Зеница ока миллиардера? Нужно срочно подстричься.

— И что собираешься делать?

— Не знаю. Может, переспать с ним?

— Джесс...

Она хохочет, а потом вдруг замолкает и с серьезным видом смотрит в зеркало, что стоит у голой стены.

— Ну, правда, мне нужно к парикмахеру, если я буду появляться на страницах глянцевого журнала. — Она теребит в руках локон с секущимися кончиками и придирчиво смотрит на него. — Красавица Джессика Раштон расскажет нам о своей великолепной кухне, сделанной на заказ за сто триллионов долларов после развода с лордом Роскарриком. — Подруга кидает на меня взгляд. — Сможем купить «феррари». Я подарю тебе «феррари». Милая, прости, я знаю, что он тебе понравился.

— Нет-нет, Джессика, не глупи. — Опять я в неловкой ситуации, еле сдерживаю слезы.

И как этому идиоту удалось погрузить меня в столь жалкое состояние? Я совсем не знаю его. От него исходит скрытая угроза. Да, он мне понравился. Правда. Тогда. Мое сердце издало зов, и, как мне показалось, на него откликнулись. Теперь же мне так одиноко. Ах!..

Надеваю босоножки и собираю в кучу остатки разума.

— Правда, я в порядке. Я в Неаполе. Мне двадцать два года. У меня превосходное образование. *Avanti!* [14]

— Вот умница!

— А теперь я собираюсь поработать. Я же здесь ради работы.

Я так и делаю: работаю.

* * *

На следующие две недели я погружаюсь в размеренный и плодотворный рабочий ритм, уделяя лишь немного времени развлечениям. По утрам занимаюсь в своей светлой и солнечной квартире. Усердно занимаюсь. Хотя бы это у меня получается.

Сидя среди разбросанных книг, ноутбука и одноразовых стаканчиков от отвратительного капучино, я пытаюсь отбросить все мысли о мужчинах и сосредоточиться на спряжении глаголов «*credere*» и «*partire*» [15] и структуре времени «*futuro semplice*» [16].

Завтра ты приготовишь пасту путанеска.

Domani prepari la pasta alla puttanesca?

Так обычно проходит часа два.

После итальянского я принимаюсь за диссертацию. Между одиннадцатью утра и часом дня я изгоняю из памяти «лазурные, как Тирренское море» глаза Роскаррика и проверяю информацию о преступных организациях Южной Италии, особенно о «Каморре», хотя меня также привлекает более опасная и загадочная «Ндрангета», мафия с самого юга страны.

«Ндрангета» — это преступная организация, сосредоточенная в Калабрии. Она менее известна, чем сицилийская «Коза Ностра» или неаполитанская «Каморра», но, пожалуй, является самой влиятельной группировкой в Италии с начала двадцать первого века...

Само сочетание букв «ндранг» интригует меня. Манит, как табличка «Палаццо Роскаррик».

Принципиальное различие между группировками мафии заключается в методах вербовки. «Ндрангета» выбирает новичков, исходя из кровных уз. Отсюда развитая система кланов и неуязвимость для полицейских расследований. Сыновья 'ndranghetisti обязаны идти по стопам отцов...

Значит, членство в группировках напрямую зависит от кровных уз. Это наследственное?

Я невольно думаю о Роскаррике и его рассказах о безумном девятом лорде. Марк вполне подходит под описание. Но тогда все дело в крови — кровные узлы, наследие. Все друг другу родственники. А я человек из внешнего мира. И хочу узнать больше.

К обеду голова уже не соображает, решаю переключиться. После полудня я, как обычно, надеваю короткие носки, кроссовки и легкомысленное летнее платье от «Зары» и отправляюсь исследовать запутанные и древние лабиринты внутреннего Неаполя. Именно там «Каморра» черпает свою силу, вербует киллеров и развязывает охоту на врагов.

Не слишком ли смело я брожу по столь смертельно опасным местам? В Штатах я бы не додумалась гулять в одиночку в неблагоприятном районе большого города. И тем не менее я не чувствую угрозы. Почему? Возможно, причина в том, что здешние труппы манят и очаровывают мрачной, хаотичной, возвращенной на солнце бедностью. Здесь сложно ощутить опасность.

Гуляя по узким оживленным переулкам Спакканаполи или Испанского квартала, похожим на декорации оперетты, я будто становлюсь персонажем итальянского фильма, снятого лишь для Господа Бога, фильма под названием «Италия». Здесь все такое настоящее! У дверей домов сидят женщины и, громко сплетничая о сексе, чистят над ведром картошку и мохнатых синих мидий. Пожилые дамы в черном меняют цветы и лампочки в стеклянных алтарях Девы Марии. Хорошенькие мальчуганы поедают треугольники пиццы прямо на небесно-голубых скутерах «Ламбретта», они слегка наклоняются вперед, чтобы romodoro не упал на их дорогие штанишки; высоченные feminelli — транссексуалы — ковыляют на каблуках по черным булыжникам из вулкана Везувий, торопясь к парому ради выгодной встречи с богачом на острове Искья или Капри.

Менее привлекательны неестественно тихие, заваленные мусором пятачки в районе Матердеи, где при моем появлении исчезают за поворотом упитанные полупьяные мужчины в деловых костюмах. Я остаюсь в одиночестве на этом зловеще тихом солнцепеке сиесты, в платье от «Зары» и со старым плакатом Диего Марадоны перед носом.

А затем, конечно же, происходит невообразимое!

Сегодня четырнадцатый день с начала моего жесткого рабочего режима, в котором нет места для мыслей о нем. Все идет на удивление хорошо. Я нахожусь в Испанском квартале. У меня

небольшое похмелье. Прошлой ночью неподалеку от университета мы с Джессикой и ее итальянскими друзьями пили дешевое вино «Перони» и «Раффи». Отлично провели время, повеселились. О неммы больше не разговаривали и старательно избегали кафе «Гамбринус», как, впрочем, и другие фешенебельные и дорогие места, где можно с нимстолкнуться.

Но сегодня утром у меня легкое головокружение. К тому же я потерялась. В итоге я забрела в безлюдный и темный, как открытая пасть, тупик. Смотрю наверх, на голубую полосу неба, зажатого между высокими домами трущоб. Какая жара! На едва ощутимом ветерке покачивается белье. Я очень хочу пить. Смотрю на вызывающе яркие трусики и эротичное дамское белье — красное, синее, черное, — что колыхается на воздухе, будто анархичные знамена сексуальности.

— Эй!

Я оборачиваюсь.

— Soldi!

— Dacci i soldi! [17]

В конце переулка стоят четверо детей — нет, подростков. Метрах в пяти от меня. Долговязые и тощие. Подходят ближе, они хотят денег. Моего скудного итальянского достаточно, чтобы это понять.

«Отдавай деньги!»

Я разворачиваюсь и тут же прихожу в отчаяние. Совсем забыла, что я в чертовом тупике. Нервно смотрю наверх. Может, кто-нибудь стоит у окна, дышит свежим воздухом. Но слышу я лишь звук закрываемых ставен. Люди отворачиваются, уходят. Не смотри, не становись свидетелем, держи рот на замке. Омерта.

— Dacci i soldi!

— Но у меня нет денег!

Почему я так поступаю? Почему сопротивляюсь? Эти малолетки наверняка наркоманы. Четверо из тысячи таких же пристрастных к героину неаполитанцев, рабов «Каморры». Грязные джинсы, желтушные лица, красные глаза — да уж, плохие новости. Им всего-то нужно пару евро на дозу. Так ведь?

Но у меня мало денег, я много работала, чтобы скопить их. Поэтому мне вдруг хочется дать отпор.

— Денег нет! Оставьте меня!

— Васса, — с ухмылкой говорит один из пареньков, самый высокий и худощавый. — Васса Americana!

«Американская корова».

Будь они неладны! Уже готовлюсь побежать напролом, крича во все горло, просто пробиться сквозь их компанию. Вот что я должна сделать. Бежать и пробивать путь к главной пристани Испанского квартала, где в резиновых сапогах стоят торговцы рыбой и выливают на мощенную

темным булыжником дорогу серебристую чешую и рыбью кровь — блески на красных волнах.

Один из наркоманов достает нож. Длинный и кровожадный, он сверкает на жарком южном солнце, что все ниже сползает по полоске неба над трущобами.

Паренек улыбается.

И тогда я понимаю, что все намного хуже простого ограбления.

5

Вот черт! Стану сопротивляться, они запросто убьют меня, даже ненамеренно — но этот сверкающий нож... Длинный и злоеущий.

Один из худощавых парней, со свежей и некачественной татуировкой на шее, похожей на лишай, делает шаг вперед. Хочет загнать меня в угол. Будто я очередная крыса в неаполитанском переулке.

Нож — продолговатый и твердый, как фаллос. В отчаянии смотрю на небо, откуда нет спасения, затем на безжалостную темноту переулка за спинами подростков. Нет. Надежды нет ни там ни здесь — игде. Я сама по себе.

А вдруг получится вымолить спасение, прибегнув к тем итальянским словам, которые я знаю? Обращаюсь к лидеру шайки, пристально глядя на него.

— Per l'amore del cielo — во имя любви Господней, я умоляю тебя — ti prego di tutto cuore.

Из горла паренька вырывается омерзительное кудахтанье, слабо напоминающее смех.

вернуться

14

Вперед! (*ит.*)

вернуться

15

Верить; уходить (*ит.*).

вернуться

16

Будущее простое время глагола (*ит.*).

вернуться

17

— Деньги!

— Дай нам деньги! (*um.*)

— Ah, *belleza, belleza!* [18]— Он поворачивается к своим улыбающимся приятелям, затем снова смотрит на меня. — Чертовски секси. *Si?* Девчонка секси.

Может, он ничего больше не знает по-английски.

«Чертовски секси».

Во мне вспыхивает страх. И ярость. Мерзавец всего в паре метров, в паре секунд от моего тела, которое он собирается облапать. Я уперлась спиной в старую сырую стену. Такую темную, обособленную и холодную, будто ее никогда не касалось солнце. Его лучи вряд ли проникали так глубоко в трущобы, как и в сердца этих парней. Еще один подросток похотливо улыбается и говорит:

— *Divertiamoci...*

Что переводится примерно как «поиграем». Я понимаю, что на самом деле они затеяли. Грязные ладони касаются моей руки, тянут за платье в попытке его сорвать. Под веселые возгласы легкая ткань падает с одного плеча, обнажая бюстгальтер. Вторая ладонь пытается нащупать грудь, бретельку бесцеремонно поддевают ножом.

Я кричу ругательства в их адрес и прикрываюсь. Снова ругаюсь.

Мальчишки лишь смеются в ответ. Они окружили меня со всех сторон, такое ощущение, что их не меньше десяти. Их руки повсюду: хватают меня за волосы, лапают за ноги, пытаются разжать кулаки на груди.

— Прекратите!

Я отбрыкиваюсь и размахиваю руками. Мне плевать, что их больше, а я зажата в угол. К черту их! Не позволю прикоснуться ко мне! Не позволю «поиграть» со мной!

Отчаянно, извиваясь, как змея, пытаюсь вырваться. Но их просто слишком много: четверо долговязых и ухмыляющихся итальянских подростков. Возможно, с одним подонком я еще справилась бы — ударить коленом в пах, потом повалить на землю. Но с четверыми? Слишком много. Я тону под грузом их рук, они тянут за подол платья, лапают мои бедра...

— Нет, прекратите! Стойте! Умоляю! Пожалуйста!

Они смеются, их смех эхом разносится по пустому переулку, отражаясь от разбитых окон и крошащейся стены. Мой рот накрывает холодная ладонь, не давая крику вырваться наружу. В голове проносится мысль: не помолиться ли мне? Я уже давно не молилась, может, пришло время. Но затем я цепляюсь за последнюю надежду: кусаю ладонь, что зажала мой рот, и ору во все горло: «Я знаю Марка Роскаррика! Он мой друг! *Lui* и *miò amico!*»

Реакция молниеносная. Парни замирают на месте. Убирают руки. Главарь подозрительно щурится на меня, будто пытается проверить, лгу я или нет. Другой качает головой:

— *Guarpo* [19].

Остальные кивают — бледные, страшные лица в темном переулке.

— Я знаю его! — снова кричу я. — Роскаррик! E un buon amico! [20]

Но это не срабатывает. Я не убедила их. Либо они считают, что я вру, либо им плевать. Может, имя Роскаррик ничего для них не значит. Ухмылки превращаются в оскал. Парни опять надвигаются на меня — с новым интересом. Вновь зажимают рот грязной ладонью, водят рукой по телу, я почти сдаюсь. Вот, думаю я, именно так это и происходит, вот как чувствуешь себя при изнасиловании. Мой рассудок затуманивается, я закрываю глаза и тону в океане боли и унижения...

— *Lasciala sola.*

Что?

Это новый голос: «Отпустите ее».

— *Coniglio!*

«Трус».

Кто это?

Я вижу, как на одного из подростков обрушивается кулак. Паренька отбрасывает в сторону, будто его выдернуло некое божество или великан. Подросток в буквальном смысле отрывается от земли и падает на землю. Главарь шайки оборачивается и с ужасом кричит, но кулак настигает и его, от ударов шея с татуировками вертится из стороны в сторону. Повсюду, словно красные чернила, кровь.

В сумраке переулка вижу суровое, но красивое лицо. Кто это? Не Роскаррик, никто из знакомых мне мужчин. Но он вмешался: хорошо одетый, в компании молодых товарищей. Они ввязались в драку с подростками. Один наркоман со стоном повалился на грязные булыжники, другие еще пытаются дать отпор. Я прижимаю к себе порванную одежду и ищу взглядом, куда мне убежать. Все это омерзительно. Драка в самом разгаре. Кого-нибудь обязательно порежут.

Но затем раздается другой голос — очень мужественный, более взрослый и надменный, все стихают.

— *Cazzo! Porco demonio!* [21]

Вот это точно Роскаррик, ошибок быть не может. Он мчится к нам — сверкают белые зубы, лицо потемнело от злости. В его пронзительно-голубых глазах непередаваемая ярость.

Реакция подростков шокирует. При виде Марка их буйный оборонительный настрой тут же испаряется. Они переглядываются, затем в отчаянии, как перепуганные малыши, смотрят на Марка. Роскаррик подходит к главарю шайки и со всей силы бьет его кулаком по лицу. Раз, но крепко.

А потом его губы расплываются в улыбке.

Марк улыбается! И эта улыбка таит в себе больше угрозы, чем удар. Подросток всхлипывает. Слезы льются по щекам, из носа струится кровь. Ссутулившись, он отходит к стене. Парень скован страхом. Страхом перед Марком Роскарриком. Никогда раньше я не видела такого

выражения лица: будто он знает, что умрет.

Почему он так перепугался? Кто такой Марк Роскаррик, если смог нагнать столько ужаса на паренька?

В голове слишком много вопросов. Я сдерживаю слезы страха и, поправляя одежду, по-прежнему наблюдаю за сценой. Подростков за воротники оттаскивают с «места преступления», будто провинившихся школьников перед наказанием. Хлопают дверцы дорогого автомобиля, следом раздается визг колес по мощеной дороге. Наступает тишина.

Теперь в переулке лишь мы с Марком Роскарриком. На нем молочного цвета льняной костюм и голубая рубашка, на мне — порванное платье. Я выгляжу жалко и уязвимо, тем не менее я спасена.

В его взгляде буря эмоций: ярость и сострадание.

— Икс, ты в порядке? Мне так жаль. Очень жаль, прости.

— Но... но...

Я уже проверила, нет ли травм. Все в порядке. Пара синяков и царапин. Но на душе — боль, злость, растерянность. Кто этот мужчина, что сначала отвергает меня, а потом спасает?

Мне нужно выяснить!

— Откуда ты узнал, где я? Как? Как?... Я не понимаю, что происходит!

Марк осматривает меня — отнюдь не сексуальным взглядом, скорее оценивающе, как врач. На голых коленках ссадины. Смотрю вниз, на живот, где на голубой ткани платья остались брызги крови. Но это не моя кровь, а того парня, главаря шайки, которому так технично врезал Марк.

Ну и потасовка. Я по-новому смотрю на Роскаррика. Может, он и аристократ, но есть в нем нечто первобытное. Нет, не первобытное, но определенно суровое, ничем не облагороженное. Вспоминаю рваную штанину на его джинсах при нашей последней встрече и лоскуток загорелой упругой кожи. Зверь, скрывающийся под маской цивилизованного мужчины. Само его присутствие парализовало тех наркоманов.

Не знаю, что и думать.

— Александра, тебе нужно к врачу?

Мой мозг понемногу возвращается к нормальному состоянию.

— Нет. Я... в порядке... наверное. Они не... Они не зашли так далеко... Ты подросел вовремя... но я не...

— А что насчет полиции? Ты хочешь туда обратиться?

Я замолкаю в нерешительности. С одной стороны, мне хочется кричать во все горло от злости с горы Везувий, с другой — незамедлительно обо всем забыть: ведь произошло это исключительно по моей глупости. Я сама отправилась на прогулку по злачным трущобам этого полного опасностей города, знаменитого своей преступностью не меньше, чем головокружительными красотами. Безмозглая девчонка, наивная и глупая янки за границей.

— Дай мне подумать про полицию. Я пока не знаю.

Его улыбка мрачная и виноватая. Пришло время задать по-настоящему волнующий меня вопрос:

— Но как... — Мне действительно нужно знать правду. — Как ты нашел меня?!

— Прости, Икс, понимаю твою растерянность. С твоего прихода в палатку я не перестаю думать о тебе.

Он что, покраснел? Нет, показалось. Но его обычное самообладание явно пошатнулось. Марк взмахивает рукой, будто отгоняя смущение:

вернуться

18

Здесь: красотка, красотка! (*ит.*)

вернуться

19

Бандит, громила (*ит.*)

вернуться

20

И он хороший друг! (*ит.*)

вернуться

21

Вот дерьмо! Чертова свинья! (*ит.*)

— Позволь забрать тебя отсюда, приведешь себя в порядок, а потом я угощу тебя обедом. И все объясню.

Кто такой Марк Роскаррик? Что происходит?

Мне плевать. Плевать мне! Только что красавец-мужчина спас меня от собственной глупости и кое-чего похуже — даже думать об этом не буду, а теперь предлагает помочь. Я слишком ранима сейчас, чтобы отказываться. Мне хочется просто ему подчиниться.

— Да, — говорю я. — Пожалуйста, отвези меня домой.

Несколько мгновений он молчит, затем кивает. Берет меня за руку, подносит ее к губам и нежно целует. Тишина между нами растет. Как же я хочу, чтобы он снова поцеловал мне руку.

Всего лишь поцелуй...

6

Нет. Я отдергиваю руку, как прокаженная. Во что я ввязываюсь? Я не доверяю собственным желаниям. Меня еще немного трясет после нападения.

Показываю на окровавленное платье:

— Я хочу вернуться к себе.

— Конечно-конечно, — заботливо кивает он. — Тебе нужно переодеться. Иди за мной, Икс, я припарковался на виа Сперанцелла, метрах в ста отсюда.

Не знаю, чего ожидать. «Мазерати»? «Бентли»? А может, карету с лошадьми и ливрейным лакеем? Серебристо-синий автомобиль Марка — сдержанный, но очень дорогой «мерседес» спортивной модели: шикарный, быстрый, изящный, блестящий. Небольшая роскошная машина для узких грязных улочек.

Сажусь рядом с водителем. В машине все пахнет им: чистотой и изысканностью, с ненавязчивым ароматом одеколона — божественным и едва уловимым. До Санта-Лючии мы добираемся за считанные минуты, мимо трущоб и бульваров, миниатюрных bassi — крошечных домиков бедняков — и высокоэтажных зданий в неоклассическом стиле более нового района Неаполя.

Едем почти молча. Не знаю, что сказать. Я слишком измотана, опустошена. И меня слишком уж тянет к Марку Роскаррику. Неужели я паду жертвой своей чувственности? Прекрати, Икс! Он всего лишь обычный мужчина.

Но безжалостно сексуальный.

Он уверенно ориентируется в сумасшедшем дорожном движении Неаполя, с полным спокойствием лавируя между многочисленными «фиатами чинквеченто». Марк мельком смотрит на окровавленный кулак. Затем коротко усмехается:

— Боже правый, выгляжу как боксер после шести раундов. Не собирался бить его с такой силой.

Слова Марка побуждают к разговору. У меня накопилась уйма вопросов.

— Кто он? Кто они?

— Как говорят местные женщины: «Si buca sai, renzo si buca».

— Что, прости?

— Bucarsi, — говорит он и качает головой. На его лице ни тени улыбки. — Дословно — проделывать в себе дырки.

— В смысле, наркоманы?

— Да.

По крайней мере я не ошиблась. Любители героина. Искали, как получить дозу, а нашли кое-

что поинтереснее. Даже не знаю, как к ним относиться. Ненавидеть или жалеть? Испытываю и то и другое.

— Что будет с этими... наркоманами? Кто те люди, что помогли мне?

— Мои друзья и помощники. Первым до тебя добрался Джузеппе. Мой слуга.

— Что твои помощники с ними сделают?

— Не беспокойся, мои «собратья» никого не убьют, — пожимает плечами Марк. — Всего лишь припугнут их гневом Господним.

— И что потом? Их отдадут полиции?

— Карабинерам? — Марк отрицательно качает головой. — А смысл? Чтобы разместить всех наркоманов, им придется построить тюрьмы отсюда до Палермо, тем более что половина полиции коррумпирована. — Он резко поворачивает налево, на мою улицу, и паркуется. — Нет, — говорит Марк, — мы позволим им уйти, но преподав хороший урок. Вряд ли они станут после этого нападать на женщин. — Он вздыхает. — До кого я действительно хочу добраться и засадить за решетку, так это до подонков, что снабжают хулиганов героином. «Каморра». «Ндрангета». — Его красивое лицо искажается злостью, наводя страх. Марк поворачивается ко мне: — Икс, я так ненавижу их. Они отравляют все, к чему прикасаются. Этот город мог бы быть прекрасен, но в большинстве случаев он отвратителен. Посмотри, что случилось с тобой. — Он поворачивает ключ, и мотор замолкает. — Приехали. Я подожду тебя в машине, хорошо?

— Подождешь?

— Я хочу отвезти тебя на обед.

— Но...

— Если ты, конечно, в состоянии. Я хочу объясниться, и желательно самым культурным способом. — Я зачарованно смотрю на твердую линию его подбородка. — И помимо этого, Александра, думаю, тебе не стоит сейчас оставаться одной.

Я в растерянности. Мне и впрямь хотелось бы перекусить, а еще лучше выпить спиртного, чтобы выжечь из памяти сцену нападения. Возможно, Марк прав. Мне не нужно оставаться одной.

— Да... — отвечаю я. — Да, хорошо, но...

— Собирайся, сколько нужно.

Я выхожу из машины, бегу вверх по ступенькам и устремляюсь в душ: смыть с себя прикосновения грязных рук, что лапали меня, смыть все воспоминания о сегодняшнем утре. Затем переодеваюсь в новое платье от «Зары»: темно-синее, отделанное ажурной вышивкой. Мне хочется выглядеть нежной и красивой. Через десять-пятнадцать минут я готова. Стою посреди комнаты: тихая, задумчивая, печальная. Нужно выкинуть из головы последние события.

Каким-то образом мне все-таки это удастся. Через мгновение я уже сижу в «мерседесе». Проезжаем пару сотен метров. Марк останавливается и выпрыгивает наружу. Мы

припарковались на набережной, ведущей к небольшому мосту, который, в свою очередь, ведет к Кастель-дель-Ово.

Я столько раз смотрела на этот каменный причал, на замок, что величественно сокрушает море. Я читала о его истории: он построен там, где, по легенде, на пустынный берег Средиземного моря вынесло прекрасную русалку. Из замка вырос целый город, новый город сибаритских греков — Нео-Полис. Новый Город. Неаполь.

Правда, это мой первый визит на «остров».

Марк, словно шофер, открывает мне дверцу, и мы идем через великолепный каменный мост к замку, охраняемому железными воротами. Затем уходим влево.

К своему восторгу, я вижу вереницу симпатичных летних ресторанчиков, пристроенных к стенам замка. Укрытые под сине-белыми тентами, они выходят на Неаполитанский залив.

Мы садимся за столик первого же ресторанчика. Официантка встречает Марка лучезарной улыбкой, в то время как еще одна девушка пододвигает мне кресло. Я сажусь и попадаю в приятную тень зонтика.

— Signorina, buongiorno [22]— e, Signor Roscarrick!

Очевидно, что Марк — завсегдатай здешних мест. Его приезд вызвал небольшой, но ощутимый переполох среди других посетителей, а в особенности среди персонала. Интересно, скольких женщин он сопровождал к этим столикам под ярким итальянским солнцем, на столь приятном и ласковом бризе.

Да мне и не важно. Грызю традиционные итальянские хлебные палочки — гриссини, — я смотрю по сторонам и вздыхаю. Ужасы последнего часа постепенно выветриваются.

Если что и может успокоить смятенную душу, так именно такое место. Здесь потрясающий вид: передо мной с рыцарской щедростью предстает восхитительная бухта, от древнего, ослепительного в своем величии центра Неаполя, мимо нависших высот Везувия, к скалам и пляжам Вико и Сорренто. На мягком ветерке развеваются итальянские флаги, по роскошным лазурным водам курсируют яхты, элегантно одетая полиция рассекает на моторных катерах морскую гладь, оставляя за собой изящные V-образные следы. Я люблюсь полотном под названием «Средиземноморская идиллия».

— Здесь очень мило, — непроизвольно говорю я.

— Тебе нравится? — Марк, кажется, искренне рад.

Его белозубая улыбка идеально вписывается в общую картину. Океан? Есть. Солнце? Есть. Красивый мужчина? Есть! Все на месте. Хмм...

— Официантка знает тебя, так? Наверное, часто здесь бываешь...

В моем вопросе сквозит явная подозрительность. Ругаю себя за грубость. Тем не менее Марк отвечает непринужденно и благосклонно:

— Я знаю хозяйку. Это синьора Манфреди. Ее муж был полицейским. «Каморра»... убила его. — Марк качает головой и опускает взгляд на меню, но я уверена, что он знает там каждую букву. Просто прячет свои эмоции. Несколько секунд он молчит, затем его лицо вновь

проясняется. — Я помог ей основать это заведение, предоставив небольшой заем. В ответ она пообещала подавать все мои любимые блюда. И мои вина. Посмотри. — Марк наклоняется вперед и указывает на что-то в меню. — Видишь это?

вернуться

22

Добрый день, синьорина (*ит.*).

Пытаюсь прочитать название. Невероятно сложное.

— Pesci ang... basilic... — Все, сдаюсь! — Это какая-то рыба?

— Да, какая-то, — кивает Марк. — Вообще-то, это морской черт с ризотто, базиликом и суфле из лобстера. Бесподобно. Попробуешь?

Я смотрю на него, он на меня.

Сбрасываю босоножки, откидываюсь на спинку стула и, забыв о тревогах, наслаждаюсь мгновением. Всего одним мгновением.

— Почему бы и нет, Марк. Выбери ты. Выбери для меня.

— Хорошо, — еле заметно улыбаясь, кивает он.

Я улыбаюсь в ответ. Я сижу босоногая на теплом солнце, мое тело наконец расслабляется, будто подействовал наркотик: притупляет боль после утренних злоключений. Вокруг нас обедают и приятно щебечут счастливые итальянские семейки. В воздухе витают запахи лимона и вкусной пищи, с моря долетают освежающие брызги.

— Как насчет вина? Позволишь мне выбрать?

— Даю официальное разрешение. В особенности потому, Марк Роскаррик, что ты платишь.

Откуда это взялось? Может, угроза жизни раскрепостила меня, заставила расслабиться и пофлиртовать? Какая разница! Главное, он смеется.

— Справедливо. Хорошо, тогда мы попробуем вина из Альто-Адидже. Ты знаешь, где это?

— Нет.

— Это самый север Италии, Южный Тироль, где все говорят по-немецки. Может, однажды... — Он вдруг качает головой, будто отгоняя нелепую мысль. — Вина там просто превосходные, но почти неизвестные за пределами региона. У моей семьи там виноградники и шлосс, то есть замок.

— Ну конечно, — с легкой улыбкой говорю я. — У кого нет шлосса? Был у меня тут один, но потом наскучил. Шлоссы — это прошлый век! Теперь мне бы палаццо.

— Ага, дразнишь меня.

— Ты миллиардер. Первый миллиардер, которого я встретила.

— Икс, даже не знаю, радоваться ли этому.

— Ну и каково это, иметь столько денег? — спрашиваю я, хрустя гриссини.

Мой наглый вопрос вызывает у Марка улыбку. Над его головой развевается выцветший на солнце бледно-голубой европейский флаг.

— Не думать о деньгах — то же самое, что не думать о погоде, — пожимает плечами Марк. — Это незримое преимущество. Я знаю, что мне очень повезло. Но, чтобы заработать целое состояние, пришлось потрудиться.

А с богатством приходят новые трудности.

— Например, слишком много частных самолетов? Докучающая толпа красивых женщин, жаждущих с тобой переспать?

— Нет. — Наши взгляды встречаются, в его глазах пляшут искорки. — Деньги очень... усложняют жизнь. Скажем, ты купил виллу в Тоскане. Тебе придется платить кому-нибудь, чтобы тот присматривал за ней, потому что большую часть времени ты там просто не бываешь. Затем нужно заплатить людям, чтобы охранять человека, присматривающего за твоей виллой. Потом ты наймешь кого-нибудь для проверки человека, который охраняет другого человека, который в свою очередь... в общем, скука несусветная. — Он медлит, а потом фыркает со смеху — лениво и заразительно. — Я не жду сочувствия.

— Ты его и не получишь.

Приносят заказ. Выглядит все необычно, но красиво: куски нежной белой рыбы, обрамленные «суфле из лобстера», словно полупрозрачной пенкой из бледно-розовой икры. Все это лежит на зеленом островке ризотто — риса вперемешку с базиликом.

Я все-таки пробую блюдо.

— О боже!

— Нравится?

— Это... — Я просто не нахожу слов. — Восхитительно! Никогда не ела ничего подобного.

— Вот и отлично!

На лице Марка появляется широкая ослепительная улыбка. Мой взгляд скользит к его груди, где рубашка с расстегнутым воротником обнажает темный треугольник кожи. И темные, слегка выгоревшие на солнце волоски. Изящные руки тянутся к бутылке вина в серебряном ведерке.

— А теперь очередь «Гевюрцтраминера» [23]. Это вино привезено из Тремена, долины реки Эч. Там был впервые выращен этот сорт. Он идеально подходит к пряному вкусу базилика и морского черта.

Мой прошлый опыт в дегустации «Гевюрцтраминера» сводился к дешевому немецкому вину и еще более дешевой калифорнийской версии. Я нехотя делаю глоточек, но Марк прав. Могу поспорить, он всегда прав! Вино очень вкусное. В нем нет приторной сладости, которую я

ожидала: богатый букет, тем не менее оно сухое, с легким цветочным шлейфом. Черт побери, оно просто идеально!

Так, за едой и вином наш разговор становится более дружелюбным, он буквально льется рекой. Я рассказываю Марку веселые истории из студенческой жизни, обо мне и Джессике. Они, конечно, не такие уж веселые, однако Марк смеется, кажется, искренне. Гармония постепенно завлакивает мой разум. Будто события в переулке случились с кем-то другим, в другое время.

Вино терпкое, прохладное и приятное на вкус. Солнечный день в самом разгаре, вокруг меня оживленно болтают на итальянском, лучшей музыки и представить нельзя. Я рада, что не понимаю слов: разговоры восхитительным образом теряют свое значение, бормотание иностранцев ласкает слух.

Наконец Марк откидывается назад. Склоняет набок свою потрясающе красивую голову и с любопытством смотрит на меня:

— Икс, ты так и не спросила меня про сегодняшнее утро. Тебе больше неинтересно?

Он прав. Не спросила. Почему?

Может, отчасти мне не хочется портить момент. А еще моя голова затуманена мыслями. И не об утренних событиях, а о сексе. Прямо сейчас, сию секунду, я хочу заняться любовью с Марком. Хочу ощутить его ладони на своей коже, губы на моих губах, он будет ласкать меня бесконечно долго. Представляю нас двоих на пустынном пляже. Надо мной солнце, надо мной Марк...

Роскаррик смотрит так, будто хочет меня не меньше. Пару минут назад я встала и пересела в другое кресло, чтобы скрыться от бьющего в лицо солнца. Я видела, как он взглянул на мои ноги, на голые ступни. С неподдельным и всепоглощающим желанием. Марк старался делать вид, что его это не волнует, но все же пялился. А как пристально он смотрит мне в глаза!

Между нами повисло эротическое напряжение, мы так близко, что можем прикоснуться друг к другу. Восхитительно и невыносимо. Сладкое мучение. Так не может дальше продолжаться. Не должно. Этот период засухи обязан закончиться, а дождь — вернуться. Но все же на небе нещадно светит солнце.

Марк поднимает руку:

— Думаю, нам нужно выпить еще.

— Нужно ли?

Он кивает:

— Но на этот раз другого вина. Особенного.

Я смотрю на стол и понимаю, что наши тарелки унесли, а я и не заметила. Меня это не удивляет: вокруг Марка Роскаррика все происходит как-то само собой, надлежащим образом и тем не менее неуловимо.

Вместо тарелок на столе появилось новое серебряное ведерко. Марк извлекает оттуда изящную бутылочку, поворачивает и показывает этикетку:

— Это «Москато роса» из Сан-Лауренца, все тот же Альто-Адидже.

Марк наливает на доньшко в крошечный бокал и пододвигает его ко мне.

Вино выглядит как жидкий янтарь, смешанный с кровью святого. Аромат божествен. Марк указывает рукой на мой бокал с розово-золотистым напитком:

— Мы производим лишь пару сотен бутылок в год, большую часть времени это вино вообще не получить. Погодные условия должны быть perfetto. В мире всего десять гектаров таких виноградников.

Перед тем как попробовать, я медлю. Время пришло: пока мы не зашли слишком далеко, а я не выпила слишком много. Мне нужны ответы!

— Марк, как ты узнал, что я в Испанском квартале? Откуда узнал, что меня нужно спасти?

Ткань зонтика слегка трепещет на ветру. Марк бережно возвращает бутылочку в серебряное ведерко, затем смотрит на меня:

— Когда я первый раз мельком взглянул на тебя, Александра, в кафе «Гамбринус»... — Он беспомощно делает взмах рукой, как человек, раскрывающий сокровенную тайну. — Я подумал тогда: ты самая прелестная девушка, которую я когда-либо видел.

Я могу лишь смотреть на него. Мой разум отказывается постичь услышанное, а душа ликует. Ликует! Какая же я дура! Но ничего не могу с собой поделать. «Самая прелестная девушка, которую я когда-либо видел».

Я!

вернуться

23

«Гевюрцтраминер» — знаменитое эльзасское вино; производится из белого винограда сорта «гевюрцтраминер».

— Икс, прости, если мои слова слишком просты и поверхностны, но это правда. Мне хотелось подойти и заговорить с тобой. Сразу же.

— И? — выдавливаю я.

— Я сдержался. Но подслушал ваш разговор. Прости. Затем я заплатил за напитки. Не смог не сделать хотя бы такую малость. А после ушел, пока не натворил глупостей.

— Почему ты не заговорил со мной?

Марк пропускает мой вопрос мимо ушей.

— Но потом ты пришла в палаццо. Поступила довольно дерзко. И тогда я понял, что ты не такая уж наивная, какой показалась сперва. Ты открылась с новой стороны — забавная, умная и... В общем, мне было сложно опять противиться себе. Я не из тех, кто предается сентиментальности.

Что он такое говорит? Я таю от его слов. Таю. Но я не должна. Мне необходимо знать про Джессику. Почему он сказал, что она ему понравилась? Но не успеваю я спросить, как он произносит:

— После твоего ухода из палатки я попросил друзей — приятелей, коллег, слуг — присматривать за тобой. Прости меня еще раз. Я не имел права вмешиваться без спроса в твою жизнь. Этому нет оправдания. Но ты показалась мне все же... слегка наивной, может, даже слишком дерзкой.

— Ты устроил за мной слежку?

— Не совсем. Назовем это охраной. Да. «Охрана» звучит лучше. Потом я узнал, что ты исследуешь жизнь трущоб, Матердеи, Скампью — очень опасные места, — и попросил своих людей быть более бдительными. Да, последнюю пару дней за тобой следили.

Не знаю, как к этому относиться. Должна ли я испытывать шок и отвращение, что в мою жизнь вторгаются? Но в моей душе все наоборот. Я под защитой! Марк Роскаррик защищал меня. Невозможно злиться на него.

— Я был на виа Толедо, — говорит он, — когда позвонил один из моих парней, Джузеппе, и сказал, что ты в беде. Он добрался до тебя первым, а я приехал, как только смог.

— И спас меня. Спасибо.

Марк отмахивается от слов благодарности:

— С моей стороны это был чистой воды эгоизм. Я не достоин твоей благодарности.

— Прости, я правильно расслышала? Эгоизм?

Легкий ветерок на мгновение пропадает. Семья, что сидела за нами, ушла. Наступила тишина.

— Икс, — слышу я голос Марка. — Я спас тебя... для себя. Мне дурно от одной мысли, что с тобой может что-то случиться. Как ты уже поняла, именно ты понравилась мне с самого начала.

Теперь я просто обязана спросить.

— Но ты сказал, что Джессика...

— Я соврал, чтобы уберечь тебя от меня.

Его глаза потемнели — от злости или же от печали, а может, от чего другого.

— Не понимаю, Марк...

Он вздыхает и отворачивается, будто разговаривает сам с собой. Вглядывается в голубизну побережья Сорренто вдалеке.

— Александра, для тебя это опасно. Но я все равно неуклонно двигаюсь вперед... — Он медленно поворачивает голову и впивается в меня взглядом. — Ничего не могу с собой поделать. В тебе есть что-то особенное, не только красота, а что-то в самой тебе. Я увидел это, как только ты вошла в палатку. Твоя смелость, бесстрашие. Острый ум. Меня непреодолимым образом потянуло к тебе. Как по закону гравитации. — Он на секунду замолкает, а потом

говорит: — Как там было у Данте? В конце «Комедии». Про любовь, что «движет солнце и светила»? Ах да. «L'amor che move il sole e l'altre stelle».

На этом он замолкает. Я тоже не произношу ни слова. Да и что мне сказать? Что я чувствовала то же самое? Или похожее?

Чтобы подавить свои глупые слова, я отпиваю вина. «Москато роса». Непередаваемый вкус, насыщенный и одновременно утонченный. Сладость без сладости как таковой. Сейчас будто наступил самый важный момент в моей жизни.

— Мне тоже нравится Данте, — слегка дрожащим голосом произношу я. — Одна из причин, почему я приехала сюда. Хочу изучить итальянский, чтобы читать литературу в оригинале.

— Любимый отрывок? — В его глазах вспыхивают огоньки.

— В «Комедии»? — Я обдумываю ответ. — Наверное, отрывок из «Paradiso» [24]. Когда души возносятся к Господу...

Не скрывая восхищенной улыбки, Марк заканчивает предложение за меня:

— Да! Как воспаряющие снежинки! Это и мой любимый отрывок.

Наши взгляды вновь встречаются. Марк произносит строфу на певучем итальянском:

— «In su vid' io cosi l'etera addorno, farsi e fioccar di vapor triumfanti...» [25]

И вновь тишина. Марк делает глоток вина.

Затем ставит бокал на стол, его алые губы увлажнились от сладкого «Москато роса». Он пристально смотрит мне в глаза. Тянется рукой через стол и накрывает мою ладонь своей. Подается вперед чуть сильнее. От его прикосновения меня словно пронзает током, каждая клеточка тела жаждет раствориться в этом невероятном мужчине. Мир вокруг нас меркнет.

— Марк... — выдыхаю я.

Я связана по рукам и ногам. Другого выхода не остается. Не хочу больше тянуть. Наши губы совсем близко. Мир теряет смысл, Вселенная — ничто, есть лишь этот момент: наш столик на солнечной террасе, я, Марк Роскаррик, его прекрасное лицо и влажные сладкие губы, что вот-вот прильнут к моему жаждущему рту.

— Я не могу, — говорит он. — Не могу поцеловать тебя. Это слишком опасно. Для тебя. — Он мрачно вздыхает. — Ты мне очень нравишься, Икс. Не помню, чтобы я желал кого-то так сильно. — Длинная и гнетущая пауза. — Но это невозможно.

7

— До меня по-прежнему не доходит — почему?

— Мы не зашли далеко.

— Странно. Очень странно. Угощает тебя обедом, говорит, что чуть ли не обожает тебя, что ты самая красивая девушка со времен Елены Троянской, если не симпатичнее... а потом заявляет: «Видишь ли, я не могу из-за мрачной и ужасной тайны...» Затем провожает до дома — и все?!

— Он предложил мне свою машину и водителя, чтобы я изучала Неаполь... без приключений.

Подруга кивает.

— Джесс, почему он так поступил? — не унимаюсь я. — Почему?

— Дай подумать. А чтобы лучше думалось, мне нужна доза никотина.

Подруга прикуривает сигарету и выпускает сизый дым под хруст пиццы «Маргарита».

— А может, он и правда очень влиятельный camorrista? — выдает она. — И не хочет, чтобы его мерзопакостные секреты всплыли на поверхность? Выглядит он как довольно опасный тип. — Джесс фыркает со смеху. — Может, дело в другом. Может, у него просто герпес!

Не язвительные ли нотки появились в ее голосе? Она моя лучшая подруга, не хочу, чтобы она завидовала мне или расстраивалась. Пока что ее реакция была одобрена здоровым чувством юмора, с присущим ей цинизмом и очаровательным сарказмом. За это я и люблю Джесс. Именно она привносит в мою жизнь стабильность. Иначе я рискую упустить нить событий.

— Но опять же, — задумчиво говорит подруга и выпускает дым кольцом, — может, это имеет отношение к его жене. Ее смерти.

Мы весь вечер обсуждаем Марка в маленькой пиццерии неподалеку от порта. Джессика поддерживает тему, за что я ей очень признательна. Но ведь именно она потащила меня в то кафе.

Мы сидим на улице, наслаждаясь знойным вечерним воздухом. В то же время я вижу, что происходит внутри пиццерии: там здоровяки с демоническими прическами накачиваются в баре крепкой граппой. Они залпом опрокидывают жидкость в горло, затем оборачиваются, словно в ожидании аплодисментов. У некоторых на руках шрамы — ожоги или порезы.

Джессике нравятся такие злачные места. Ей они кажутся очень душевными и настоящими. Иногда я с ней соглашаюсь, иногда нет. Прямо сейчас меня это мало волнует. Я еще не отошла от шока, а на горизонте маячит депрессия.

Марк Роскаррик испытывает те же чувства, что и я. Но он не может позволить себе быть со мной?

Он также предлагает мне машину с водителем. Джузеппе. Зачем делать это, если наши отношения не продвинутся дальше?

Смотрю на заваленный бумажными салфетками стол, а потом на Джессику:

— Джесс, я веду себя глупо, да? Думаешь, мне стоит забыть его?

В ответ подруга пристально смотрит на меня:

— Да.

вернуться

24

«Рай» (ит.).

вернуться

25

«Так здесь эфир себя в красу облек,
Победные взвевая испаренья,
Помедлившие с нами долгий срок...»

Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай. Песнь XXVII. Перевод М. Лозинского.

Откровенно говоря, я разочарована. А еще я знаю, она права.

— Однако... — добавляет Джессика, смачно пожевывая сигарету. Ее слова вырываются в ночной воздух вместе с дымом. — Знаю, что ты этого не сделаешь.

— Что, прости?

— Не сможешь забыть, правда ведь, дорогая? Это уже зашло слишком далеко, так ведь?

В голосе Джесс звучит нехарактерная для нее нежность. На лице — понимание и мудрость. Иногда мне кажется, что она знает меня лучше, чем я саму себя.

— Что ты имеешь в виду?

— Да ладно тебе. Икс, ты влюбилась в него. Я тебя еще никогда такой не видела, мрачная и мечтательная... В духе Кэтрин и Хитклиффа [26].

— Но...

— И это совсем не как с Занудой-Математиком, верно? Теперь все по-настоящему. Ты буквально проливаешь реки слез из-за какого-то обеда! Сама подумай. — Она пожимает мою руку. Мне вдруг вспоминается прикосновение Марка за обедом. — Послушай, ты же хотела приключений, хотела слегка рискнуть. Приехала в Италию в поисках чего-нибудь нового и потрясающего. Вот и оно. Разве нет? Может, он и разобьет тебе сердце, но ты с такой же легкостью можешь разбить его.

— Но если он замешан... в чем-то?

— Что ж, коли так, смирись. Здесь это естественно. Когда находишься в Риме, спи с римлянами!

— Это что, поговорка такая?

— Нет, — тихо смеется подруга. — Это чистая правда. Кстати, у мафии свои плюсы. Никаких чертовых туристов поблизости! Неаполь — последний из истинно итальянских городов. Последний город, не оккупированный толстыми иностранцами с фотоаппаратами.

— Если, конечно, он мафиози. Но я... я не могу... Ты понимаешь.

Безнадежно. Все это безнадежно. И бессмысленно. Марк Роскаррик сделал из меня зануду. Как мне поступить?

Снова смотрю на бар. Возможно, половина здешних мужчин *camorristi*. Выглядят они как самые обычные портовые грузчики — крепкие и с татуировками. Но возможно, они дни напролет проворачивают аферы, подделывают накладные, перевозят контрабанду и посылают подарки женам таможенных работников. А после идут в переулки за Ворота Капуи и выпускают пар, выбивая дух из соперника.

Да, уверена, так и есть.

К тому же я уверена, что Марк не из таких. Он смешной, проницательный, с чувством собственного достоинства и очень умный. А еще эта присущая ему непринужденная манера и утонченность, — правда, может, все дело в дорогом английском образовании и изысканном европейском воспитании? Может, все это лишь напускное. Может, он очередной танцор в маске на костюмированном балу неаполитанской жизни.

А как он атаковал напавшего на меня хулигана! Не могу не вспомнить про это. Серьезный был удар, всплеск расчетливой агрессии, будто он применил смертельное оружие, причем знал наверняка, как с ним управляться.

Кровь на его кулаке. Смуглая кожа, белые зубы. Хищник, а не человек. Как же съезжились наркоманы при его появлении.

— Эй! — Джессика машет рукой у меня перед лицом, будто я ослепла.

— Прости.

— Дай догадаюсь. Ты задумалась о лотерейных номерах? Стоимости поленты?

— Он не хочет больше видеть меня, Джесс, так что все бессмысленно.

— Правда?

— Он четко дал понять. Возможно... у него есть чувства... но мы не можем быть вместе.

— Ой-ой! — Джессика отмахивается от моих жалобных слов. Она ловит взглядом официанта и просит счет. — Да брось ты, детка. Ясно как день, что он хочет увидаться с тобой, просто есть какая-то загвоздка. Но на этой стадии сексуальное влечение подчиняется собственной логике. Если желание возникло, ничто не сможет встать на его пути. Поверь мне. — В сумерках я вижу ее улыбку. — Он вернется.

Как же я хочу, чтобы это оказалось правдой. Я напугана, но мне это нужно. Хоть сейчас бери и лети домой: подальше от опасностей и сердечных ран.

Джессика оплачивает счет, и мы поднимаемся, игнорируя внимательные взгляды здоровяков с выпивкой. Идем вдоль береговой линии Неаполя до Санта-Лючии. Над Капри зависла бледная луна — белолицая северная вдова под черной южной вуалью — мантильей. Вдруг все разом омрачается в моих глазах. Щебечущие компании итальянцев и семьи на прогулке больше меня не воодушевляют. Все это так глупо, что хочется плакать. Что со мной происходит? Мои чувства явно надуманны и неоправданны, тем не менее они как настоящие. Я подавлена, я тупица, мне так больно, жалею себя. Смотрю на Марка Роскаррика...

Маркус Роскаррик!

Стоит в свете луны и фонарей около моего дома, один. Облокотился о свой серебристо-синий «мерседес». На нем джинсы и однотонная темная рубашка. Смотрит он в сторону бульвара на кусочек освещенного звездами моря. Выглядит отрешенным, такой высокий, задумчивый и одинокий. Видение, а не человек. Сумрачный свет подчеркивает скулы на его лице. Сейчас он более молодой и грустный, чем когда-либо. Но и более мужественный.

— Видишь, — произносит Джессика. — Я же говорила.

Марк поворачивается на ее голос и видит меня. Мой рот открыт, но я молчу. Я будто стою на сцене в свете прожекторов, а скрытая темнотой публика города следит за спектаклем. Тишина окутала нас всех.

— Я, пожалуй, пойду в бар... — говорит Джессика и многозначительно улыбается мне.

Затем подруга растворяется в темноте ночи, оставляя меня наедине с Марком. Мы словно единственные люди во всей Кампании. Только он, я и созвездие Ориона, отбрасывающее свет на Сорренто и Капри.

По его угрюмой, печальной улыбке я понимаю, что-то изменилось. Что-то необратимое. В стене, существовавшей между нами, возникла брешь.

Он делает шаг навстречу, но я уже бегу к нему в объятия.

8

Губы соприкасаются быстрее, чем тела. Это наш первый поцелуй, первый из множества, а может, единственный. Откуда мне знать? Да меня это и не волнует. Он страстный и горячий. Марк собирает мои белокурые волосы в кулак и запрокидывает мне голову. Я ощущаю легкую боль — о да, мне это нравится. Его рот впивается в мои губы — теплый, влажный, солоноватый, жадный. Язык сразу же находит путь внутрь, следуя по наитию. Я перестаю думать. Я и есть сам поцелуй. Восхитительный поцелуй под Орионом.

Наши языки схлестнулись, исследуя друг друга. Поцелуй вызывает во мне трепет. Марк целует меня крепче и искуснее, чем кто-либо в моей жизни. По всему телу вспыхивают искорки наслаждения.

Он на мгновение отстраняется, я люблюсь его длинными ресницами и слегка прикрытыми голубыми глазами, сияющими в свете фонарей, — так близко от меня. Мое обоняние улавливает запах геля для душа, доминирующую нотку восхитительного одеколона, сладковатый аромат потной кожи, и все это он, он, только он.

— Прости, Икс... — говорит Марк. — Не могу устоять. Что ты творишь со мной...

— Еще.

На этот раз я сама привлекаю его. Мы опьяневшая от любви пара, скользящая по заоблачному танцполу. Вцепились друг в друга, как утопающие. Понемножку движемся назад, смеемся, но остаемся предельно серьезными, неистово целуемся. Его губы крепче прижимаются к моим, на этот раз сильные мужские руки скользят вниз по моей спине.

На мне легкое черное платье из тонкого хлопка. Марк яростно сжимает мои ягодицы,

притягивая к себе, а другой рукой обнимает за шею. Ненасытные, мы целуемся снова и снова. Затем его ладонь ложится на мою талию. Будто партнер в танце, он приподнимает меня и кружит. Ставит на землю и зарывается лицом в шею, теплые губы касаются моей кожи.

— Ты пахнешь клубникой, Икс, — шепчет он, — вином и клубникой.

Марк по-прежнему держит меня за талию, наши пальцы — мои бледные, его смуглые — переплелись. Внутри зарождается желание более сильное, чем секс, но и секс тоже, еще как!

— Наверх, — говорит он. — Сейчас же.

Марк выбирает. Я и хочу, чтобы меня выбрали. Руки мои дрожат, колени подгибаются, пока я пытаюсь вставить ключ в замок. Наконец дверь открывается, и Марк бежит за мной по лестнице, смеясь и рыча, как великолепный зверь, кинувшийся за своей добычей. Он почти настигает меня, когда я, хихикая, забегаю в квартиру. На мгновение остаюсь одна, но вдруг визжу от страха — слегка притворного. Роскаррик кидается на меня с вожделием и снова преследует до кухни. Мы стоим возле холодильника, Марк снимает с себя рубашку.

вернуться

26

Кэтрин и Хитклифф — персонажи романа Эмили Бронте «Грозовой перевал».

На кухне почти темно. Сюда через окно попадает лишь свет от уличных фонарей и серебристо-белой средиземноморской луны.

Теперь Марк стоит без рубашки. Лунный свет черно-белой фотографией ложится на мускулистую грудь, твердые, но тонкие на вид ребра, подтянутый живот. Грудь его оказалась шире, чем я ожидала, более рельефной. Он выше и сильнее меня, я испытываю легкий прилив страха вперемешку с животным желанием. Как же сильно я хочу его! Он бросает рубашку на пол и подходит ближе.

Мы целуемся снова, и еще раз. Встаю на цыпочки, чтобы дотянуться до мягких губ, один раз, другой. Они такие нежные, трепещущие, чувственные. Мой язык скользит внутрь и возвращается назад. Что я творю?

— Довольно, Икс. Теперь — кровать.

Марк подхватывает меня, как пушинку, будто жених, что должен перенести невесту через порог. Идет в спальню и кидает на кровать. Та жалобно скрипит, вот-вот развалится. Но, если честно, мне наплевать.

Марк Роскаррик длинной темной тенью нависает надо мной, его торс обнажен.

— Остайся так, — просит он. — Именно так.

Я лежу на кровати, руки закинута. Но я не могу остаться в таком положении — я слишком хочу его. Яростно сбрасываю босоножки. И тогда Марк хватает меня за тонкую щиколотку и целует внутреннюю сторону стопы, вызывая всплески желания во всем теле. Божественное ощущение! Я вся горю от страсти. Он отпускает мою ногу на одно невыносимо долгое мгновение, опьяняющее мгновение, и в полутьме смотрит на меня:

— Хочешь, чтобы на мне что-то было?

Мгновение перерастает в тишину. Хочу ли я? Хочу ли, чтобы он надел презерватив?

Ради всего святого, НЕТ! Пусть на нем ничего не будет. Хочу его голым, таким же, как я, и внутри меня. Всю свою жизнь, разумную, послушную, прилежную жизнь паиньки, я просила парней предохраняться — тех немногих, с кем спала. Но сейчас меня это не волнует, мне хочется быть легкомысленной. Я пью таблетки, этого достаточно, а теперь поторопимся!

— Возьми меня скорее.

Марк снова нависает надо мной. Как хищник. Как неземное существо, невероятно красивое по человеческим меркам. Горячо целует меня в шею, вдыхает запах моей кожи.

— Хочу видеть тебя голой...

Я замираю и смотрю на Марка. В нем бушует непонятная мне ярость.

— Хочу видеть тебя целиком...

Пару секунд он возится с пуговицами на платье, я приподнимаюсь на локтях, чтобы помочь ему. Он лишь смеется — а может, даже скалится — и срывает с меня легкую ткань, вот так просто, срывает с моего полуобнаженного тела. Затем отбрасывает в сторону оставшиеся от наряда клочки. Пытаясь возразить, заглядываю Марку в глаза:

— Но мое платье...

— Я куплю другое! — рычит он. — Чертову сотню платьев!

Он проворно расстегивает бюстгальтер и тоже отбрасывает его. Смотрит на мои белые груди с еле сдерживаемым желанием, а потом осыпает их поцелуями — прохладными и теплыми одновременно, сначала левую, затем правую. Его пальцы нежно и умело теребят соски. Марк играет с ними, покусывает. Они каменеют и с каждым прикосновением становятся все тверже.

Его желание дотронуться до самого сокровенного моего места становится непреодолимым. Я влажная, готовая принять его. Отчаянно жду. Бедра тянутся ему навстречу. Марк знает, чего я хочу. Его губы спускаются по моему бледному животу, ниже и ниже. Он целует мой пупок. Этот мужчина словно некая темная волна, что омывает мое тело и ласкает его, как песчаный берег.

Мои трусики скользят вниз по бедрам, обнаженные ступни трепещут при соприкосновении с тонким хлопком. И вот последний барьер пал, и сладкие губы Марка касаются самого низа моего живота, средоточия желаний, моей промежности, клитора.

Влага между ног смешивается с влагой его губ, крепкие руки стискивают мои бедра. Он целует меня, пощипывает, и тут его язык выстреливает и... о да!.. попадает в самую точку. Марк со знанием дела находит клитор и своим мягким, но напряженным языком лижет меня, двигаясь ритмично и сладко, как мерцающий огонек. Его прикосновения нежные, словно перышко. Мое сердцебиение учащается, тело гудит от наслаждения, я вся дрожу от непрерывных вспышек удовольствия, но Марк неумолимо ласкает мою промежность, слегка покусывая клитор. И тут мир взрывается, ослепляя меня розовым светом, а с губ произвольно слетают слова:

— Боже, Марк, о боже!

— Carissima [27].

Мгновение смотрю на его красивое лицо:

— Марк, прошу, НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ!

Кто говорит это? Я ли? Или некто во мне? Нет, это я, я! Язык Марка опять на клиторе, мучает его с жадностью и страстью, но еще и с нежностью. Он поворачивает голову и пробует на вкус мягкую трепещущую кожу на внутренней стороне бедра. В темноте комнаты слышен мой легкий стон. Смакуя удовольствие, я ерзаю из стороны в сторону и прерывисто дышу. Тело сотрясают сладостные судороги. Я совершенно беспомощна и желанна.

И Марк снова лижет меня там, между ног, где наслаждение схлестывается со страстью. Шепчу его имя и запускаю пальцы в черные кудрявые волосы — шелковистые, растрепанные и прекрасные. Я сильнее прижимаю лицо Марка к своей ненасытной промежности, предвкушая оргазм, он приближается. Я что, правда кончу?

О да, боже, да, сотни раз да! И вот оргазм настигает меня. Марк неумолимо лижет, ласкает мой пульсирующий клитор, и я наконец сдаюсь и срываюсь в пропасть. Я лечу в долины блаженства, откуда нет возврата.

Теперь я не просто дрожу, а бешено трясусь, мое тело будто охвачено спазмами, восхитительными и беспощадными. От нестерпимого удовольствия я закусываю кулак, сдерживая крик. Тело взрывается от наслаждения — глубокого и бесконечного, внутри вспыхивают алые фейерверки, внизу, между моих ног, и распространяются повсюду.

О Боже... Боже Всевышний, да, да, как же хорошо! Серебристые искры по-прежнему вспыхивают в моем теле, каскадом спускаются по ногам. А затем дрожь вновь охватывает меня, я беспомощна. Кожа трепещет, сердце все еще бешено стучит.

— Это было... это было... — Я едва могу выговорить слова.

Смотрю на смуглое красивое лицо Марка, его щетинистый подбородок по-прежнему между моих ног.

— Первый... о черт... черт возьми...

Марк, кажется, улыбается, а еще я слышу его бормотание. Он нежно целует мой живот и сильнее раздвигает ноги.

— Sei un servo — un servo bianco [28]. — Он расстегивает джинсы. — Александра...

Я беспомощно растянулась на кровати, хихикая от восторга. Влажная, обезумевшая от желаний. Пускай делает со мной все что хочет. Пускай хоть изнасилует, разорвет на части, опустошит. Лишь бы был внутри меня.

И он это знает.

— Алекс...

— Да?

— Ты уверена? Точно, cara mia? [29]

— Уверена, Марк. Я вся твоя, целиком.

Да, я и вправду уверена, я так сильно желаю его!

В приглушенном свете наблюдаю, как он снимает ботинки, стягивает носки и становится похож на босоногого воителя, высокого, прекрасного грека, доблестного героя. Он избавляется от джинсов, и да — Господь Великодушный — да! Теперь я вижу его возбужденную плоть, твердую, мощную, готовую для меня. Не успеваю я и глазом моргнуть, как Марк проскальзывает внутрь меня, какая же я влажная, а он — огромный и сильный. Даже агрессивный.

Непередаваемые ощущения! Мы подходим друг другу слишком уж хорошо. Будто Марку предназначено оказаться внутри меня, накрывать своим телом целую вечность, обладать мною. Мои бедра поднимаются ему навстречу, я уступаю перед его силой, будто бы это борьба или изящный танец. Но нет, мы не танцуем: мы трахаемся — он трахает меня. Властно и нежно. И мне хочется поцеловать его, пока наши тела слиты воедино. Тянусь к нему бледными руками, обхватываю лицо — прекрасное в лунном свете и сосредоточенное. Он опускается, и мы целуемся, наши языки тоже ведут бой, как и его мужское орудие внутри меня.

— Обожаю, когда ты внутри меня.

— Обожаю трахать тебя.

вернуться

27

Милая (*ит.*).

вернуться

28

Ты олень — белый олень (*ит.*).

вернуться

29

Моя дорогая (*ит.*).

Мы снова целуемся. Легонько покусываю его губы, Марк же пощипывает мою шею. Я парю[?], пока он вонзается в меня снова и снова.

— Нет, подожди. Я обязан трахнуть тебя сзади...

Марк ловко подхватывает меня властными руками, как балерину, голую балерину, а затем одним ловким движением переворачивает. Не знаю, как он это сделал — как? Я уткнулась лицом в матрас, прижавшись щекой к подушке. Марк алчно раздвигает мне ноги, теперь я открыта для его вождедеющей плоти. Он вновь проникает в меня, на этот раз жестче. Я

чувствую внутри уверенные толчки, чувствую его вес, грудь прижата к моей спине. Я в восторге!

Как же здорово ощущать на себе его крепкое тело, он все сильнее и сильнее вонзается в меня. О боже! Бог ты мой! Со стонами и вздохами я поворачиваю голову и смотрю на Марка. Он хмурый, серьезный, яростный, с легкой улыбкой на губах.

— Моя красивая девочка.

— Трахай меня сильнее.

Тяжело дыша, он глубоко и медленно погружается в меня, я вся в его распоряжении. Мельком смотрю на лицо мужчины, что владеет моим телом целиком и полностью. Правой рукой он скользит вниз моего живота, направляясь к клитору, не переставая неумолимо трахать меня сзади.

О боже, нет! О боже, да! Безнадёжно дрожа, я утыкаюсь лицом в подушку, судорожно вздыхаю, когда рука Марка достигает сокровенное место. Он слегка надавливает пальцами на клитор, вызывая прилив удовольствия, разминает и массирует его, постоянно двигаясь внутри меня. Уже во второй раз я подхожу к пику наслаждения, достигаю гармонии. Я испытываю совершенно новый оргазм, сладостное сочетание пальцев на клиторе и вонзающегося в меня члена. Это уже чересчур хорошо.

О да!

Да, да, да!

На этот раз оргазм более мощный и несколько другой, первобытный, опустошающий. Я слышу свой сдавленный крик, приглушаемый подушкой. Вцепляюсь зубами в ткань в попытке сдержать рвущийся наружу вопль наслаждения.

— Никогда еще, никогда... — лихорадочно бормочу я.

Стискиваю простыни в кулаках, пальцы на ногах сводит судорога удовольствия. Я сдаюсь, белый флаг. Пока волны наслаждения захлестывают меня, пульсируя и постепенно отступая, я понимаю, что Марк тоже близок к оргазму.

— Кончи в меня, Марк, кончи в меня.

Его необязательно просить. Марк вдавливает меня лицом в подушку, так неистово сжав мою шею, что мне кажется, я задохнусь. Он вздрагивает и изливается внутрь меня. Теряет над собой контроль. Его тело вибрирует, как воткнутый в дерево кинжал. Сладкая истома растекается по моим венам, пока Марк сотрясается от оргазма, ловит ртом воздух и шепчет непонятные мне итальянские слова.

Наконец я слышу его вздох, полный муки и облегчения. Марк обрушивается на меня своим телом, затем перекачивается на бок — умиротворенный и размякший. А я по-прежнему лежу лицом вниз и поскуливаю. Точнее, даже всхлипываю. Вообще-то, даже плачу. Реву. Я всю жизнь ждала этого чуда.

9

Я пробуждаюсь в темноте. Марк еще спит в моей постели. Он бесстыже красив, сурово, по-

мужски. Его сладкие, созданные для поцелуев уста слегка приоткрыты, лунный свет подчеркивает белизну зубов, черные кучерявые волосы растрепаны. Но мой взгляд останавливается на неподвижно застывших в полумраке руках — мужественных, но нежных. Безукоризненных и невинных. Невинных ли? После прошлой-то ночи?

Во рту у меня пересохло.

Набрасываю ночную сорочку и ускользаю на кухню. Там выпиваю стакан холодной минеральной воды. Понятия не имею, что со мной происходит. Может, Джессика права, я влюбляюсь.

Пару минут я стою посреди наполненной тенями кухни. Смотрю в окно, на небо, где луна любит свое отражение в водах Тирренского моря.

Я тихонько забираюсь в постель и ложусь поближе к Марку, ощущая его тепло и размеренное дыхание.

* * *

Просыпаюсь утром. Яркое солнце Кампании уже пробивается сквозь щели моего перекошенного жалюзи, образуя на голых стенах штрихкоды. Он ушел? Я тут же прихожу в панику. Сердце колотится в груди. Нет. Только не так, не так, нет — только не на одну ночь — не после такого. Пожалуйста.

Успокойся, Икс, успокойся!

На подушке Марк оставил девственно-белый листок. Изящная записка сложена вдвое, а сверху перьевой ручкой написано: «Икс». Откуда он взял бумагу и ручку? Как ему удаются эти маленькие фокусы? Я нетерпеливо хватаю записку и читаю:

«Во сне ты выглядела такой счастливой. Я ушел за завтраком. В семь лакомимся sfogliata [30]. Р. Целую».

Я снова счастлива. Тут же проверяю на телефоне время: 6.40. Марк вернется через двадцать минут. Я быстро принимаю душ, переодеваюсь в симпатичное серое платье из хлопка и не успеваю посушить волосы, как раздаётся звонок в дверь.

— Buongiorno, — слышу я голос Марка по старенькому домофону. — La colazione и servita [31].

Через мгновение лорд Роскаррик уже стоит на пороге — с великолепной улыбкой, пакетиком выпечки и due sarrusini [32] на картонном подносе.

На Марке свежая темно-синяя рубашка, джинсы и потрясающие дизайнерские туфли. Как? Может, запасные рубашки лежат в «мерседесе»? Волнующие меня вопросы исчезают, когда я пробую восхитительный кофе. А затем мы едим пирожные: внешне они немного напоминают круассаны, но вот начинка...

— Ух ты, вкусно как!

— Из ресторана «Скатуркьо» на улице Спакканаполи. Там их выпекают целое столетие.

— Бесподобно! А что внутри?

— Мягкая рикотта с цукатами и пряностями. Одно плохо: десять штук сразу не съешь, — улыбается Марк.

Я отвечаю тем же. Удивительно, но неловкости нет, хотя это наш первый совместный завтрак. Сидим на балконе, на пластиковых стульях. Вдалеке, по ту сторону залива, нежно-белые ленты облаков окутывают верхушку Везувия, а Капри мечтательно подернулся пеленой.

— Итак, — начинает Марк, отставляя в сторону пустую тарелку. — Насчет прошлой ночи...

Моя улыбка дрогнула. Вряд ли мне хочется начинать такой разговор. Прошлая ночь была удивительной! Но лучше оставить ее такой, не обсуждая, не анализируя. Одна ночь совершенства. Ночь пылкого, животного, восхитительно безрассудного секса. Никаких вопросов, никаких обсуждений. Она такая, какая есть.

— Прошлая ночь была *perfetto*, — говорит Марк. — Возможно, даже слишком.

— Прости?

Он чуть склоняет голову набок и спрашивает меня:

— Ты знаешь выражение... «*coup de foudre*»?

— Да. — Внутри меня всю колотит. — *Coup de foudre*. Дословно — «вспышка молнии».

Он кивает. Я недоуменно смотрю на него.

Значит, вот что он думает о нас? Вот, что это было? Вспышка сумасшествия и похоти? Нечто скоротечное? Чему уже не быть на следующей неделе?

Марк, видимо, уловил мою неловкость.

— Икс, мне просто нужно кое-что знать, прежде чем мы двинемся дальше.

— Что именно?

— Знать... — Он отводит взгляд. — Готова ли ты. Если ты действительно хочешь продолжить наши отношения, есть кое-что... — Голубые глаза вновь останавливаются на мне. — Кое-что, о чем ты должна знать.

Должна знать? Ну, хватит.

Я ставлю на стол тарелку:

— Марк, скажи мне, что это за величайшая тайна? Просто скажи. Я справлюсь. У меня даже есть водительское удостоверение, я уже взрослая.

— Я заметил, — улыбается он.

Притворяюсь, что хочу бросить в него пакет от пирожных. Марк виновато улыбается и прикрывается рукой:

— Хорошо, прости. Но это... очень сложно. Не хочу отпугнуть тебя в тот самый момент, когда мы только встретились. Икс, ты мои «самые лучшие новости», как сказал поэт. — Марк на миг замолкает. — Но некоторые стороны моей жизни очень важны для меня, стороны, о которых ты

обязана знать, если мы продолжим встречаться. И если ты не сможешь принять это, лучше нам не заходить дальше. Мы просто не сможем идти вперед. Ради тебя и ради меня.

вернуться

30

Булочки из слоеного теста с начинкой из творога, цукатов, ванили и т. п.

вернуться

31

Завтрак подан (*ит.*).

вернуться

32

Два капучино (*ит.*).

Мне совершенно не нравятся его слова. В них мало хорошего. Я молча жду, чтобы он развил тему. Но сердце мое не на месте, оно бешено стучит, пребывает в смятении.

Марк делает последний глоток кофе.

— Ты когда-нибудь слышала о мистериях? — наконец спрашивает он.

— Нет, кажется. — Роюсь в памяти, перебирая уроки истории в школе. — Что-то до периода христианства? В университете я в основном изучала современную историю.

— Мистерии — это древние культовые мероприятия с таинственными ритуалами посвящения. Они являлись неотъемлемой частью средиземноморского общества Греции и Рима. Некоторые стали очень популярными, например мистерии Митры. Некоторые сохранили противоречивый и оргиастический характер, такие как мистерии Диониса.

Я с изумлением гляжу на Марка. Дионис. Оргии. Куда он клонит?

— Я не понимаю.

Марк смотрит на тихую улочку раннего утра.

— У тебя есть сейчас пара часов? — спрашивает он.

— Да, я сама себе хозяйка.

— Хочешь проехаться до Помпей? — Он бросает взгляд на часы. — Мы будем на месте раньше открытия. Я знаю администратора там. В Помпеях есть нечто способное все тебе объяснить лучше любых слов.

Это так внезапно и стремительно, но я, кажется, начинаю привыкать. С Марком такое в

порядке вещей. Он спонтанный и решительный. Мне это даже нравится, нет, я это просто обожаю. Зануда-Математик не увлек бы меня в древние Помпеи. Правда, у него не было ничего общего с тайными культами и оргиями.

Двадцать минут спустя мы мчимся через унылые окраины Неаполя. Мимо проносятся серые бетонные здания, изуродованные граффити, однако вокруг шелестят оливковые рощи и ароматные лимонные сады, спускающиеся к блестящему морю. Даже среди всеобщей запущенности они выглядят чудесно. Возможно, разруха — это важная составляющая Неаполя. Как жестокость для любви или увядание для роз.

Мы обгоняем небольшие трехколесные фургоны, водители которых — ссохшиеся старички, перевозящие дыни.

— Фабио! — говорит по телефону Марк. — Buongiorno...

Насколько я понимаю, он разговаривает с администратором в Помпеях.

Вскоре мы подъезжаем к внушительным железным воротам. Нас уже ждет низенький, элегантно одетый мужчина — в белых джинсах и очень дорогих солнцезащитных очках от Армани. Он с раболепием приветствует Марка, даже с капелькой страха, а затем поворачивается ко мне и целует мою руку.

После этого милого фарса администратор открывает ворота и впускает нас в Помпеи.

Помпеи!

Я мечтала оказаться здесь еще со школы — своими глазами увидеть сохранившийся до наших дней известный римский город, погребенный под пеплом после извержения Везувия. И сейчас мне дарована невероятная привилегия: осмотреть его без туристов.

Сидящий внутри меня историк хочет изучить каждый уголок, но Марк шагает вперед, ведя меня мимо руин, мимо римских публичных домов и бань, магазинчиков и таверн.

Наконец мы останавливаемся. На улице жарко, я покрываюсь потом.

— Вилла мистерий, — объявляет Марк.

Мы заходим внутрь, оставляя администратора позади. Передо мной открывается двор, боковые комнаты и яркие мозаичные полы. Заворачиваем за угол и оказываемся в более темной комнате, мастерски украшенной фресками. Им две тысячи лет, на багровом фоне, окаймляющем каждое изображение, слоем лежит вековая пыль.

Веревка отгораживает пространство перед фресками. Наверное, чтобы уберечь их от туристов. Марк перешагивает через нее и, взяв меня за влажную руку, помогает сделать то же самое.

Теперь я в центре комнаты, любуюсь поэтической и мечтательной прелестью этих изображений. Танцующие девушки, трогательные сатиры, печальные и прекрасные женщины. Здесь царствует красота изящества, яркая и живая, спасенная от забвения.

— Эти фрески показывают ритуал инициации, — объясняет Марк. — Девушку посвящают в мистерии.

Я изучаю огромные древние изображения с возрастающим любопытством.

Слева элегантную девушку готовят к изощренной церемонии. Кто-то играет на флейтах. Молодую красавицу тщательно омывают. Она что-то пьет — вино или одурманивающие напитки. Это не важно, но после этого девушка пускается в пляс. Танцует до умопомрачения.

Во рту у меня пересохло. Смотрю направо. На последней фреске девушка проходит обряд посвящения, ее одевает рабыня, укладывает волосы в прическу. Все это время девушка печально смотрит на меня со стены, даже с сожалением, но есть в ее выражении нотка пресыщения.

Пресыщения чем?

Делаю шаг вперед.

Парадоксально, но самая важная, кульминационная сцена спрятана в дальнем темном углу комнаты. Девушка, стоя к нам спиной, наконец сняла одеяния и предстала почти обнаженной. Изгибы ее белоснежного тела восхитительны. Она выглядит божественной и невероятно возбужденной, будто откликается на некую эротическую стимуляцию.

Сердце бьется чаще. До меня доходит, в чем дело. Девушку бьют хлыстом.

10

— Что все это значит? Я не понимаю, — говорю я, попятившись от фресок.

Марк внимательно смотрит на меня в полумраке виллы, будто заглядывает в самую душу, в мое прошлое...

— Как видишь, Икс, это инициация.

Голос его слишком спокойный, даже неестественный. Мой же срывается на крик.

— И к... к чему это имеет отношение? — (Он ничего не отвечает.) — Марк, поговори со мной. Объясни эти фрески... Зачем ты привел меня сюда?

Между нами повисает тишина. Я слышу пение птиц на улице, отдаленный шум дороги. Однако на Виллу мистерий будто лег покров безмолвия: мы осквернили ее своим разговором. Но можно ли осквернить это? Снова смотрю на женщину на самой дальней и значимой фреске. Затем окидываю взглядом остальные изображения.

Кто этот улыбающийся бог, откинувшийся назад, будто в опьянении? Кто эта женщина с лавровым венком и серебряным подносом? И почему, черт побери, ту молодую девушку бьют хлыстом?! Почему она принимает такое?

Фрески вызывают слишком много вопросов. Мне не хочется тщательно изучать их и разбираться во всем. Тем более скоро сюда хлынут туристы. А наше присутствие здесь против правил. И вообще это ошибка.

— Марк, мы можем отсюда уйти?

— Конечно. — Он машет рукой в сторону освещенного солнцем дверного проема. — Можем пройти здесь, а потом...

Не собираюсь ждать, когда он закончит. Я стремительно перешагиваю через порог и вырываюсь на свежий воздух. Правда, выхожу я в какой-то внутренний дворик с изящной

статуйей Меркурия из позеленевшей меди на пьедестале — стройный, красивый юноша в крылатых сандалиях. Не припомню эту статую.

— Но здесь нет выхода!

— Икс, подожди. Надо всего лишь повернуть налево.

Налево? Спотыкаясь на камнях, я тороплюсь за угол. В моих мыслях сумятица. Ступали ли по этой же самой тропе молоденькие римские невесты? С голыми, гибкими телами, скрытыми под туниками, в алых сандалиях с золотой отделкой, заходили ли в ту темную комнату в ожидании порки?

И какое это имеет отношение к Марку и ко мне? К нам?

Я заблудилась. По обе стороны тянутся коридоры. Стоя за моей спиной, Марк нежно и успокаивающе кладет руку мне на плечо и направляет меня. Я скидываю его руку и упрямо шагаю по темному проходу. Не хочу, чтобы лорд Роскаррик прикасался ко мне. Слишком уж это напоминает о прошедшей ночи.

О том, как он беззастенчиво раздел меня. Как вдавливал лицом в подушку — нежно и властно, с примесью ярости.

И все же мне это понравилось. Правда. Как он обладал мною, раскрывая и поглощая целиком. Мне понравилось. Я уступила перед его ненасытностью, он пожирал меня, будто свежесловленного гисси: морского ежа, которого подают в лучших ресторанах Позиллипо. Если я стану думать о нашем восхитительном сексе, то вновь сдамся. Но прямо сейчас я готова обороняться.

— Куда идти? — Мой голос звучит натянуто.

— Сюда, Икс, — мягко говорит Маркус. — Всего лишь пройди здесь.

Я чуть ли не бегу. Мне отчаянно нужен свежий воздух, а не эта тысячелетняя пыль. Торопливой походкой иду по темному коридору, мимо других фресок и мозаики. Вдалеке — наконец-то! — виднеются желтые полевые цветы, покачивающиеся на солнце Кампании. Выход из этого лабиринта. Я выбегаю на свет, летний ветерок окутывает меня. Облегченно вздыхаю.

Я даже вспотела. Пребываю в легкой панике.

Маленький щеголь в белых джинсах испарился. Древняя римская дорога, усыпанная могилами и домами, уходит в бесконечность. Здесь так тихо. Я оглядываюсь, что-то мне это напоминает. Но что?

И тут меня осеняет. Здесь такая же зловещая атмосфера, как и в Лос-Анджелесе. На освещенных улицах никого нет. Никто не гуляет. Иногда калифорнийские города с их полным отсутствием пешеходов напоминают мне о местах, пораженных чумой или пострадавших от стихийного бедствия. И вот опять я здесь. В городе мертвых.

Маркус выходит на солнце следом за мной.

— Икс, приношу свои извинения. Не хотел тебя огорчить.

— Ты и не огорчил, — грубо отвечаю я. — В смысле, в смысле... О боже...

— Присядем?

Да, мне и правда нужно сесть. Я оглядываюсь по сторонам и нахожу обломок мраморной римской колонны, в которой вырезано импровизированное сиденье. Подхожу и сажусь. Разглядываю ногти на ногах.

Мы красили их вместе с Джесс. Как же мне хочется оказаться сейчас с ней в моей квартире, смеяться, сплетничать, пить дешевое кьянти из супермаркета и болтать про наши веселые деньки в Дартмуте. Теперь все изменилось. Моя развлекательная поездка в Неаполь превратилась во что-то иное, мрачное. И лучше, и хуже. У меня был умопомрачительный секс, который, возможно, изменит всю мою жизнь. Но сейчас все покрыто завесой тайны, очень темной и пугающей.

Вдохнув полной грудью аромат трав и диких цветов, выросших в этом археологическом месте, я поворачиваюсь на своем мраморном троне и говорю:

— Хорошо, Марк. Рассказывай.

— Спрашивай что пожелаешь.

— Значит, ты говоришь, что раньше люди делали то... что изображено на тех фресках.

— Да. Делали. — Он пристально смотрит на меня, даже не мигая. — И до сих пор делают.

Теперь завеса тайны приподнимается.

Мне совсем не нравится то, что я слышу. Совсем.

— Мистерии... существуют и сейчас?

— Да, — с серьезной улыбкой говорит Марк.

— Где? Как? Когда?

— По всей Италии, иногда во Франции, Великобритании и так далее. Но в основном в Италии.

— Кто их проводит?

— Не могу рассказать, — отрицательно качает головой Марк.

— Ты же сказал: спрашивай что пожелаешь!

— Ты можешь спрашивать все, что угодно, про меня. — Он искренне разводит руками. — Я не могу нарушать частную жизнь других.

Справедливо ли это замечание? Не знаю. Не знаю, что думать обо всем этом. Возникшая передо мной правда слишком ужасна.

— Хорошо. Что это за люди? — с трудом задаю я следующий вопрос.

— Как правило, богатые и интеллигентные. Умные и образованные.

— Но зачем?

Марк пожимает плечами, будто этот вопрос ниже его или же моего достоинства. Меня это не волнует.

— Когда проводят мистерии? — допытываюсь я.

— Каждое лето. Они начинаются в июне и завершаются в августе или сентябре.

— Значит, они начнутся очень скоро?

— Да.

Мне придется спросить. Но я не хочу спрашивать об этом. Не могу. Однако у меня нет выбора. Марк прав в одном: наши отношения не смогут развиваться, если я не буду знать правду. А если я ее узнаю, то, может, не захочу увидеть Марка вновь. Может, моя жизнь снова изменится, во второй раз за двенадцать часов.

— Ты участвуешь в них, да? — медленно произношу я. Он кивает. — И ты хочешь, чтобы я тоже стала их частью?

Ужасающая пауза.

— Да.

— И что будет со мной, Маркус? — резко говорю я. — Я буду как та римлянка на фреске? Меня будут хлестать кнутом, точно лошадь?

Он не отвечает. Может, я и рада этому.

Слева от меня жужжит пчелка, паря над ярко-алым цветком. Марк делает несколько шагов прочь, глядя на старый римский магазинчик с мраморным прилавком, в котором вырезаны ровные круги.

— Здешние места, магазины... — произносит Марк. — Из всех достопримечательностей Помпей именно эти маленькие магазинчики больше всего трогают меня. — Он опускает взгляд, ласково проводит рукой по старому мрамору. — Раньше эти отверстия использовали для мисок с горячей едой навынос. Здесь были харчевни. Ресторанчики фастфуда. — Он делает широкий взмах рукой. — Икс, разве ты не видишь ее? Слегка подвыпившую римскую женщину, которая подает еду на этот прилавок, отгоняет мух от баранины, вытирает руки о фартук и вспоминает о своем муже, ушедшем служить в легион... — Пауза. — Живая история. Вот что действительно трогает меня. Человеческие судьбы. Благородная трагедия повседневности.

Марк поворачивается. Возвращается ко мне, от его походки и выражения лица веет опасностью. Этот мужчина привык получать желаемое. Может, он даже привык брать желаемое силой.

— Бичевание — часть мистерий, — после небольшой паузы говорит он.

— Ты даже не отрицаешь этого, Марк?! — чуть ли не кричу я. — Признаешь? Они бьют женщин?

— «Бьют» — неверное слово. Совершенно неверное.

— Ах да, прости. Я такая глупая. Как надо сказать? Лупят? Истязают? Какое слово правильное, Марк!

— Бичевание. И лишь по согласию. Вся суть в том, что участник соглашается на обряд инициации. Он или она должен изъявить желание и подчиниться. Здесь нет принуждения. Без готовности участников мистерии теряют смысл. Тогда величайшая тайна не будет достигнута. Последняя преобразующая мистерия, пятая мистерия, «катабазис», остается нераскрытой.

— Значит, люди сами хотят поучаствовать. Значит, это кучка извращенных франкмасонов.

Лорд Роскаррик печально качает головой и дарит мне обворожительную и всепрощающую улыбку. Мне вдруг хочется ударить его... а еще поцеловать. Все-таки больше тянет поцеловать, хотя я и испытываю к нему легкую ненависть. Мне словно нужно вывести Марка из себя, разозлить, чтобы он побежал вслед за мной, как и прошлой ночью, когда с хищным оскалом преследовал меня на лестнице.

Чтобы проглотил, как морского ежа из Позиллипо.

Будь он проклят! Дважды!

— Александра?...

Не смотри, Икс, не смей на него смотреть.

Он тоже садится на обломок римской колонны и, подавшись вперед, тихо говорит:

— Алекс, мистериям где-то три тысячи лет. Они восходят к Древней Греции, рощам и миртам Аттики. Это не клоунада, не поверхностный культ глупцов в нелепых костюмах.

Его голос с великолепным британским акцентом словно льется сквозь меня. Можно ли возбудиться от одного лишь голоса? Как такое возможно? Что мне делать? Заткнуть уши?

Но пока придется послушать.

— Мистерии олицетворяют сексуальные, эмоциональные и духовные истины, приближают к осознанию души. Я прошел инициацию в очень юном возрасте. То, что я познал, теперь часть меня. Мистерии помогли мне достичь высот небывалого экстаза и откровения, я не могу описать свои эмоции, но хотел бы поделиться ими. С тобой, Икс.

— Поэтому ты хочешь, чтобы меня раздели и избили?

— Я хочу, чтобы ты испытала радость и истину, которую обрел я. Тогда у нас есть шанс... быть по-настоящему вместе.

— Порка принесет мне радость, так, что ли?

Марк качает головой.

— Хорошо, — вздыхает он. — Хорошо... Прости меня. — Он проводит рукой по черным кудрям. — Может... мне следовало рассказать тебе об этом в другое время, может, я слишком увлекся.

— Знаете что, лорд Роскаррик... — Я резко встаю. — Вряд ли в принципе есть подходящее время для слов: «Ой, кстати! Меня очень заводит бить женщин, притворившись римским сенатором...»

— Икс, подожди.

— Но я рада, что ты мне все рассказал. Теперь я со спокойной совестью сяду на обратный поезд до Санта-Лючии.

— Икс!

Марк сурово окликает меня, будто я нашкодившая школьница. Я прихожу в еще большее бешенство. Когда он подает голос, я веду себя сдержанно и спокойно.

— Икс, я показал тебе это потому, что, когда мужчина проходит полный обряд посвящения, завершает пятую мистерию, ему запрещается вступать в серьезные... отношения... с неинициированными женщинами. Таковы правила.

— Что? Что еще за правила?

— Древние, строгие правила. — Он пожимает плечами. — Им следует подчиняться.

— Значит, ты не можешь быть со мной... пока я не соглашусь на это? Не пройду все ритуалы?

— Да. Боюсь, все так и есть, именно это я и хотел тебе сказать. На самом деле мне не следовало проводить с тобой ночь, но, как я уже говорил, ты обезоруживаешь меня, Икс. Я неспособен противостоять. Правда, теперь мне придется совладать с собой. Пока ты не согласишься. Ради нашей безопасности.

— Ты мне угрожаешь? — презрительно фыркаю я.

— Конечно нет! Если ты не согласишься, с тобой ничего не случится. Но больше мы никогда не встретимся. — В его глазах блестит грусть. — По крайней мере мое желание слишком сильно. Но мистерии не такие ужасные, Алекс, они божественны, они дар. Ты поймешь, обещаю тебе, если согласишься. Но это лишь твой, и только твой выбор.

Мне отчасти хочется дать Марку последний шанс. Под этим знойным солнцем он выглядит печальным, спокойным и идеальным. Он даже не вспотел. Лишь единственный локон темных волос упал на восхитительные голубые глаза, будто с небес спустился ангел мужской красоты и сказал: «Ах, он само совершенство. Пускай хотя бы упадет один локон». Правда, от этого Марк выглядит еще более perfetto. Твердая линия подбородка, с легкой щетиной. Загорелая крепкая грудь. Линия скул — резкая, суровая и прекрасная.

Хватит! К черту его совершенство. Может, он и красавчик, но я не допущу, чтобы меня из-за кого-то пороли.

— Ciao! [33]

Я поднимаюсь и иду прочь, очень быстро, несмотря на нарастающую жару. Позади раздается голос:

— Икс, per favore, ricordati di me.

Я не обращаю внимания и иду вперед. В самом конце римской дороги вижу первых туристов. Они все в одинаковых бейсболках и фотографируют один и тот же экземпляр римского театра.

Помпеи. Ох, мне даже хочется сплунуть. Я так радовалась, когда мы сюда приехали. Теперь все пошло наперекосяк. Все в руинах.

Вскоре я пробираюсь сквозь дебри туристов, потом прохожу турникеты, хотя все остальные

проталкиваются внутрь.

Я знаю, что поступила правильно. Но в голове отчетливо раздается голос Марка.

«Per favore, ricordati di me».

Зачем говорить это?

Забудь, Александра. Забудь и его, и фрески, и мистерии — забудь все. Темноволосые мужчины, сидящие в маленьких кафе, широко улыбаются мне, как в рекламе пепси. Я бегу вниз по склону к станции Вилла-деи-Мистерии и вокзалу Чиркумвезувиана, чтобы сесть на поезд до Неаполя.

«Пожалуйста, помни меня!»

11

— Вообще-то, очень умно.

— Почему?

Джессика морщится на ярком солнце, ложится на спину и поправляет очки фирмы «Рэй-Бан» на своем изящном носике.

— Подумай сама, крошка.

Мы в районе Позиллипо: на городском пляже за пять евро в день. Здесь много визжащих, плескающихся и бросающих мячи детей, за которыми присматривают тучные неаполитанские мамы. Они курят «Майлд севен», оставляя на сигаретах ярко-красный след от помады. Итальянские женщины красятся на пляж сильнее, чем я, выходя на улицу. Я пока не решила, как к этому относиться.

Но это первое действительно жаркое летнее воскресенье, все счастливы, улыбаются и с предвкушением ждут долгий неаполитанский обед с белым вином «Туфо» и большими порциями кассаты [34]. Все, кроме меня. Я же в задумчивости.

«Помни меня!»

Почему это умно?

— Ладно, сдаюсь. Почему это умно?

— Потому что, Икс, это заставляет тебя задуматься. Если он хочет, чтобы ты вернулась к нему, а я в этом не сомневаюсь, тогда самый верный способ — озадачить тебя.

— Прости?

— Его слова могут трактоваться как угодно. Имел ли он в виду: «Помни меня, потому что ты никогда больше меня не увидишь»? Или: «Помни меня, потому что я самый сексуальный мужчина за всю твою жизнь и тебе ПРИДЕТСЯ меня запомнить»?

— Спасибо.

— А может, он говорил это с оттенком печали и скорби, может, он знает, что на следующей

неделе где-нибудь на дороге в Ла-Саниту его зарежут парни из «Ндрангеты». Так что в следующий раз ты увидишь лорда Р., когда его труп появится на первой полосе «Иль маттино».

Подруга улыбается, приподнимает очки и подмигивает мне. Потом поправляет завязку на бикини. Солнце печет как никогда. На Джесс новый роскошный купальник изумрудно-зеленого цвета, может, от Феррагамо? Или, по крайней мере, это очень хорошая подделка под Феррагамо, сшитая на какой-нибудь фабрике «Каморры» в Казаль-ди-Принчипе.

Мое бикини отнюдь не новое и роскошное, не насыщенно-изумрудное — идеальное сочетание с глубоким загаром Кампании. Оно нежно-розового цвета и очень симпатично смотрелось на мне в Кали. Не здесь. О боже! У меня открылась мания на новые вещи. Денег нет, но надоело уже экономить.

И тут в мысли вторгается полный секса и страсти голос. Это Марк. В кровати. Со мной. Царственно овладевает мною и говорит: «Я куплю тебе чертову сотню платьев!»

Нет! Как ошпаренная вскакиваю с пляжного полотенца. Что со мной не так? Как я могу вообще об этом думать? Если богатство — одна из причин моей страсти к Марку, тогда кто я после этого? Меркантильная шлюха? Уличная проститутка? Нет, это не я!

— Ты в порядке? — Джесс кладет ладонь мне на руку.

— Да нет, — резко отвечаю я. — Пустяки.

— Что?

— Ладно, я просто вспомнила, что отшила миллиардера.

— Что ж, — усмехается Джесс. — Уверена, тебе сейчас нелегко.

Она отпускает мою руку и тянется к пачке «Мальборо лайтс» с фотографией Балотелли. Это какой-то футболист, красивый брюнет-итальянец.

— Объясни-ка мне еще раз, Бекманн: почему ты его отшила?

Я делаю глоток воды и хмурюсь.

— Он втянут в этот странный культ, — отвечаю я. — Мистерии.

— И что это такое?

— Что-то извращенное и религиозное, пришедшее из Древней Греции и Рима. Они бьют женщин кнутом.

Джесс поднимает на меня взгляд и кивает:

— И в чем проблема? Все лучше парусиновых туфель.

— Джесс...

Я брызгаю холодной водой на ее нагревшийся от солнца живот, она визжит и хихикает:

— Пляжная садистка!

Теперь мы обе хохочем. Все опять хорошо. На мгновение облака рассеиваются, мои угрюмые мысли исчезают, голова проясняется, как утреннее небо над Неаполитанским заливом и море, что протянулось до сверкающего скалистого побережья Капри. Очень скоро я обязательно наведаюсь на этот остров.

— Нет, ну правда, — говорит Джесс. — Эти ребята из мистерий, парни в тогах, любят бить женщин? Почему?

— Не бить, вообще-то, а бичевать. Ритуальная порка. Эротический обряд подчинения.

— Что-то вроде БДСМ? [35]

— Наверное... — Я допиваю «Сан-Пеллегрино» и закрываю бутылку. — Марк подчеркнул, что все это добровольно и без принуждения.

Внезапно на лице Джесс появляется серьезное выражение. Она привстает:

— Знаешь, Икс, есть вещи похуже шлепков по попе и щекоток. У меня был парень, который увлекался скейтбордом! В свои тридцать два года, черт побери, он перепрыгивал трехдюймовые барьеры, а я смотрела и притворялась, что впечатлена. Вот это действительно угнетает!

— Но порка?! Это извращение.

— Может, и так. Значит, у Марка странноватые пристрастия. И что из этого? Икс, на самом деле глубоко внутри все мужчины извращенцы. И если хочешь знать мое мнение, женщины тоже, просто мы долгое время находились под гнетом патриархата. — Подруга тушит сигарету о песок — неряшливый, но весьма неаполитанский жест. Я подавляю желание поморщиться. — Знаешь, что говорят? — спрашивает Джесс. — Женщин не возбуждают либерально одетые мужчины. — Я прыскаю со смеху, но подруга не унимается: — Икс, разве тебе хоть немного не интересно? Почему бы не попытаться, моя любительница ванильного секса? Пора исследовать свое либидо. У тебя ведь оно есть, так?

— Я же говорила тебе.

— Ах да, самый лучший секс в твоей жизни. Да, крошка, ты все про это мне рассказала. Твой лорд сорвал с тебя платье! Ну, понравилось ведь?

— Да, немножко... Ладно, очень!

— Может, так же тебе и другие вещи понравятся. Секс втроем, вчетвером, лесбийская ролевая игра, поездка голышом в «феррари» с дико сексуальными миллиардерами. Бедняжка моя!

вернуться

33

Пока! (ит.)

вернуться

34

Кассата— торт с начинкой из сыра и фруктов.

вернуться

35

БДСМ(*англ.*BDSM) — психосексуальная субкультура, основанная на эротическом обмене властью, ролевых играх в господство и подчинение. (*Прим. ред.*)

Как прилежная девочка, кладу пустую бутылку в сумку. Может, в словах Джесс есть смысл. Но провинциалка Икс все еще сопротивляется, и очень стойко. Даже помимо мистерий, вокруг Марка сплошные тайны. Легкая, но присутствующая опасность. Намек на сдерживаемую агрессию. Интерес полиции к Палаццо Роскаррик. Гибель его жены.

Подперев голову, Джесс курит очередную сигарету и в открытую пожирает глазами итальянского парнишку в плавках. Смотрю мимо ее симпатичного профиля на странное здание в конце пляжа. Там находится огромная вилла, внушительное и историческое палаццо.

На вид где-то пятнадцатого века и вся в руинах. Темнеют пустые глазницы окон, вместо крыши раскинулись пальмовые ветви. Почему? Почему там запустение? Место просто безупречное — над пляжем Позиллипо, с видом на Неаполитанский залив, Везувий и величественное море. Если ее восстановить, она будет стоить миллионов десять долларов.

Но нет, там царит разруха.

— Она называется Вилла Донн'Анна, — проследив за моим взглядом, небрежно бросает Джесс. — Говорят, там водятся привидения... Во всех ста комнатах. А еще ее использовали для оргий.

Я молча смотрю на палаццо. Этот город по-прежнему приводит меня в смятение. Нужно узнать побольше. Осмыслить. И я не вернусь к Марку Роскаррику, но мне хочется понять, почему он стал таким, почему Неаполь столь испорченный. И все же неотразимый.

Так и поступаю. Как только я возвращаюсь в квартиру, слегка перебравшая уцененного розового вина, открываю ноутбук и приступаю к исследованию. Но перед тем как ввести в «Гугл» «Мистерии», вижу уведомление. Письмо. От мамы. Тема: Еду повидаться с тобой!

Что?!

Я ошарашенно открываю письмо.

Привет, Алекс...

Очень типичное для мамы письмо, написанное на одном дыхании и с пунктуационными ошибками. Но суть ясна: лучшая подруга мамы, Марго, состоятельная дама, собирается провести отпуск в Амальфи с друзьями, мама едет с ней. Она жертвует своими последними сбережениями, чтобы прилететь в Италию, повидаться с дорогой дочуркой и отдохнуть. Приедет через три дня.

Знаю ты не хочешь чтобы мама обременяла твои каникулы поэтому не волнуйся, милая. Я не задержусь надолго. Но мы можем провести в Неаполе пару дней вместе. Мне очень хочется попробовать *delizioso* мороженое!

Закрываю письмо. Моя дорогая мамочка, провинциальная и отгороженная от внешнего мира американка. Что она подумает про Неаполь? Вряд ли это совпадет с ее романтическим представлением об Италии. Но я рада, что она приезжает. Я и правда соскучилась по всей семье. Мы с мамой очень близки. Когда я была ребенком, она вела себя как образцовая мать. Не ее вина, что мне наскучил Сан-Хосе и «Чик Фил-Эй» [36].

Что я скажу ей про Марка? И скажу ли?

Лучше пока об этом не думать. Пишу в поисковике «Мистерии» и читаю следующее:

Мистерии процветали в греко-римском мире с пятого века до нашей эры до конца Римской империи, примерно до 400 года нашей эры. Главной доминирующей чертой мистерии является тайный характер обрядов инициации, которые приводили участников к духовному просветлению. Самыми распространенными мистериями в Древней Греции и Риме были Элевсинские мистерии, однако популярностью пользовались и Орфические, Дионисийские и мистерии Митры.

Так в какой мистерии участвует Марк? После двухминутного поиска, я склоняюсь к мысли, что это Дионисийские мистерии или какая-то вариация.

Дионисии, или Дионисийские мистерии, были распространены во всей Древней Греции. Дионис (????????) был древнегреческим богом вина, а также плодородия и растительности.

Участвующие в обряде посвящения мужчины и женщины проходили инициацию разными путями. Девушки-последовательницы назывались менадами, или ???????? «безумствующими», или вакханками, «женщинами Вакха». Женский обряд посвящения сопровождался употреблением алкоголя, пением и иногда безумными танцами, зачастую с завыванием, похожим на звериное. Имеются сведения, что инициация также включала активную сексуальную деятельность, от бичевания до оргий, а кроме этого...

Кроме этого?

На три часа я погружаюсь в причудливый мир Орфея и божеств экстаза. Я завершаю исследование, голова пухнет от мыслей. Устало печатаю: «Марк Роскаррик». Зачем? Зачем себя мучить? Мне просто хочется знать. Хотя я толком не понимаю, что именно собираюсь найти.

На странице появляется новостная статья. Зевая после выпивки, я кликаю мышкой на экран. Это сайт о знаменитостях. На итальянском. Написана статья также на одном дыхании, как и послание от моей мамы.

Я вчитываюсь, с трудом переводя слова.

Узнаю из статьи о том, что «molto bello e scapolo» («очень красивый холостяк») лорд Роскаррик был замечен в Лондоне на каком-то фестивале итальянского кино.

К тексту прилагается маленькая фотография, которую я тут же увеличиваю. На ней видно, как Марк покидает модный ресторан в «il West End di Londra» [37] и адресует камере папарацци свойственную ему отрешенную, слегка грустную и ослепительную улыбку. Он в компании нескольких молодых девушек, конечно же красавиц. Марк смотрит в камеру, я смотрю на сопровождающих его женщин: с длинными, как у жеребят, ногами, они похожи на личные пони для игры в поло какого-нибудь миллионера. Роскошные, очень дорогие женщины. Модные англичанки и итальянки. Тоже участницы мистерий?

Мне понятно лишь одно: я могла бы быть там. На этом самом фото. Если бы пожелала. Но я не хочу.

Закрываю страницу с легким оттенком ревности и уныния, но и с облегчением. Все, закончили.

Ciao, bello! [38]

* * *

Через три дня приезжает из Сан-Франциско мама.

Она вся на эмоциях, мчится из аэропорта, как реактивный самолет. Мы с Джессикой ковыляем за ней, одновременно хихикая и морщась от тяжести сумок. В такси, по дороге в Санта-Лючию, мама трещит обо всем и ни о чем сразу. Она забронировала номер в дешевеньком отеле рядом с моей квартирой. Оставляем ее в пыльном фойе, рассчитывая, что ей понадобится пара часиков отдохнуть и привести себя в порядок. Но уже через десять минут мама стоит на пороге моей квартиры. Ее волосы с проседью еще влажные после душа.

— Дорогая! — хватает она мою руку. — Отведи меня в кафе «Гамбринус»! Я слышала, это роскошное место. О нем написано во всех путеводителях!

Я, конечно, опасаюсь встречи с Марком, но ведь сейчас его нет в стране. Поэтому мы пойдем туда, куда пожелаем.

Мама берет меня под руку, и мы выходим на виа Санта-Лючия. Солнце понемногу склоняется к горизонту. Мама по-прежнему щебечет про отцовский гольф, пенсию и про моих братьев.

Мы гуляем. Она болтает. Гуляем, болтаем, и тут мои глаза распахиваются. Сердце уходит в пятки, я смотрю вперед. Переходим широкие пустынные тротуары на пьядца дель Плебисчито, солнце окрашивает небо в розовый цвет над Анакапри.

А нам навстречу идет Марк Роскаррик.

Пока он меня не заметил. О чем-то увлеченно говорит по телефону, взгляд устремлен налево.

— Скорее, мам, идем сюда!

— Что? — удивляется она. — Но я уже вижу «Гамбринус». Вон же оно.

— Сюда, мам! — Тяну ее за собой.

— Что случилось?

Мама выглядит огорченной. О боже! Слишком поздно.

Мы метрах в трех от «столкновения». Роскаррик идет напрямик на нас. Поднимает глаза и видит меня.

Нам не избежать встречи.

12

Он как ни в чем не бывало улыбается мне и моей маме, будто между нами нет неловкости. На

его лице все та же уверенная, печально-обворожительная улыбка. Лорд Роскаррик протягивает ухоженную руку. На нем безукоризненный костюм темно-серого, почти черного цвета. Рубашка ослепительно-белая. Шелковый галстук зеленовато-голубого и лимонного оттенков. Я уже и забыла, какой Марк высокий.

— Buona sera [39], Икс.

вернуться

36

«Чик Фил-Эй»— американская сеть ресторанов быстрого питания, специализирующаяся на сэндвичах из курицы.

вернуться

37

Вест-Энд Лондона (*ит.*).

вернуться

38

Пока, милый! (*ит.*)

вернуться

39

Добрый вечер (*ит.*).

— Э... — Я совершенно теряюсь, заикаюсь как дура. Смотрю то на маму, то на Маркуса. — Э... а... э...

Мама! Боже мой! Она пялится на Марка так, будто сам Иисус сошел с небес, чтобы подарить ей сумочку от «Булгари». На ее лице застыло обожание с примесью желания. Бесспорно. Я вижу это внезапное влечение!

Хуже того, я слегка смущена из-за мамы. Теперь я смотрю на нее глазами Марка: полноватая американка в одежде из универмага, в джинсах «Гэп», с растрепанными седыми волосами. Что он подумает?

Но почему меня должно волновать, что подумает Марк Роскаррик? Будь он неладен! Это моя мама, я безумно люблю ее, а он может катиться ко всем чертям в своем нелепом дорогом костюме. Какое он имеет право показывать свое превосходство?

А чего я так злюсь, если он меня не волнует?

— Икс?

Голос Марка внедряется в мои мысли. Спокойный, но твердый.

Вздрыгнув, я прихожу в себя. Секунд двадцать я предавалась своим думам. Теперь Марк и мама оба смотрят на меня.

— Извините. Э... Извините.

Давай же, Александра, возьми себя в руки!

— Mam, это... Марк. Марк Роскаррик. Он... Он... — Говори же! — Он мой друг... Мы здесь познакомились. В Неаполе. — Просто супер! — А это, Марк, моя мама, — тараторю я. — Анджела. Из Сан-Хосе. Она в отпуске. Мы идем в «Гамбринус» выпить по чашечке кофе.

Загорелой рукой Марк берет ладонь моей матери, подносит к губам и легонько целует — грациозно и галантно, с забавной беззаботностью традиций Старого Света.

— Рад возможности познакомиться, — говорит он и пристально смотрит в ее спрятанные за очками глаза.

Мама чуть ли не падает в обморок.

— Разве это не мило! — фальцетом восклицает она. Голос ее звучит комично, будто она только что глотнула гелия. Такого я раньше не слышала. — Как же я счастлива познакомиться с вами! Так счастлива!

Бог ты мой!

— Ну, мам... Марк и я...

Я пытаюсь объяснить нашу дружбу, но в смущении замолкаю. Да и что тут сказать? Ах да, мам, познакомься с Марком. Он миллиардер, аристократ и увлекается древними садомазохистскими обычаями, а прошлой ночью он трахал меня до искр в глазах. Может, кофе выпьем? Мне даже хочется сказать все это. Похвастаться. Поделиться, что я — да, я, Алекс Бекманн, порядочная дочь и дважды победительница в номинации «Старая дева года» — поймала в силки роскошного миллиардера! А потом отшила!

Но не важно, о чем я думаю, мама занята своими мыслями: она пытается говорить по-итальянски.

Проблема в том, что она его совсем не знает! Она ведь никогда не говорила на иностранном языке. Изо всех сил стараюсь не залиться краской и не закрыть глаза от стыда, перевожу взгляд на пинии на углу площади, рядом с обшарпанным королевским дворцом, и слышу:

— Ага! — говорит мама. — Так... э... *buon gonna, senor.*

Senor? Она что, думает, он испанец?

— *Due...* — запинаясь, произносит она. — *Senor Раскорр... Mie amigo.*

Мама! Остановись! Прошу тебя!

Наконец она понимает, что выглядит нелепо. Вижу, как покрываются румянцем мамины щеки, ей очень неловко. Зачем Марк так унижает ее?

Не успеваю я ударить его или сделать какой-нибудь отвлекающий маневр — напасть на голубя, например, — как Марк с улыбкой касается ее плеча и дружелюбно смеется.

— Миссис Бекманн, — со свойственным ему спокойствием говорит Марк. — *Per favore*, печальная правда в том, что большинство неаполитанцев не говорят по-итальянски, так что не утруждайтесь из-за меня.

Всего лишь небольшая милая шутка, но ее хватает, чтобы вывести маму из смущения. Теперь она хихикает, как девчонка, стеснение ушло. Вот только мое смятение никуда не делось. Марк поступил по-джентльменски, мама опять чуть ли не падает в обморок, а мне сейчас очень хотелось бы улететь в Рим.

— Так вы направляетесь в «Гамбринус»? — обращается ко мне Марк.

— Да...

— Ты позволишь угостить тебя и твою очаровательную маму аперитивом? Это доставит мне огромное удовольствие.

Сейчас я не в той ситуации, чтобы отказываться. Марк знает, в какое кафе мы идем. А мама выглядит как собачка, которой только что пообещали стейк из Японии за триста баксов.

— Конечно, — нехотя уступаю я.

Мы пересекаем пьядца дель Плебисчито, а когда добираемся до «Гамбринуса», официанты принимаются суетиться возле Марка. С раболепными поклонами и улыбками провожают до его привычного столика, самого лучшего столика в самом лучшем кафе Неаполя. Мы сидим втроем, пьем «Венециано» и смотрим на оживленную, в виде треугольника пьядца Триесто и Тренто. Время от времени нам приносят напитки, а Марк все рассказывает моей матери увлекательные истории про Неаполь. Она смеется, попивая ярко-оранжевый коктейль, проглатывает крошечные кусочки прошутто и опять смеется.

Наконец Марк поднимается, оплачивает наш счет и дает щедрые чаевые официанту. В последний раз целует маме руку — наверное, она ее неделю мыть не будет — и исчезает в сумерках Неаполя.

Мама потрясенно смотрит на меня и качает головой:

— Ну надо же! Какой чудесный мужчина! Почему не поделилась, что у тебя такие замечательные друзья? Расскажи про него все!

Делюсь с ней парочкой фактов и еще немного привираю. Говорю, что встречала его на паре вечеринок в Марекьяро и Кьяйя. Подчеркнула, что мы друзья. Мама ошарашенно смотрит на меня и пьет «Венециано». Кивает и доедает последний кусочек вкуснейшей миниатюрной пиццы.

— Он ведь сногшибательно красив, да?

— Мам!

— Разве нельзя сказать?

— Ну и что?

— Может, я и трехсотлетняя старуха, Алекс, но не слепая. И я по-прежнему женщина.

— Ну ладно, он ничего.

— Богат, наверное... Его манера... Манера одеваться и держаться. С уверенностью, что ли.

Бормочу что-то про «импорт-экспорт» и «парочку миллионов». Мама не отрывает от меня заинтересованного взгляда. Я ерзаю на стуле, как капризный ребенок. Все так предсказуемо. Не знаю, чего люди волнуются о старении. Всего-то и надо пообщаться с предками, и лишних лет как не бывало. Именно родители в считанные секунды могут снова превратить тебя в плаксивого, избалованного подростка. Волшебство какое-то.

Но пора двигаться дальше.

— Может, поужинаем? Съедем пиццу. Рядом с моей квартирой, на виа Партенопе, есть отличное местечко.

Мама кивает, вытирая губы салфеткой.

— Он женат? — тут же спрашивает она.

— Кто?

— Дорогая!

— Нет.

— Помолвлен?

— Не знаю. Да и откуда? Он встречается с моделями и актрисами. Ну, понимаешь, девушками из журнала «Пипл». Такими вот женщинами.

— Богатый красавец в поисках жены, — задумчиво произносит мама, рассчитывая что-то в уме.

— Мам, даже не пытайся выдать меня замуж. Помнишь, что было с Джеффом Миерсоном в Сан-Хосе?

— Но у него акции в «Эппл».

— Да он ростом всего пять футов и шесть дюймов.

— На свадьбу он мог бы надеть туфли на каблуках.

Мы вместе хохочем. Снова между нами воцаряется гармония разумности, как между мамой и дочкой. Встаем и под ручку идем к берегу, к ресторанам и пиццериям на виа Партенопе. Поедая «Маргариту» с соусом маринара, мама рассказывает семейные новости. Как мой младший брат Пол — сейчас спортсмен из высшей лиги, собиравшийся прежде заниматься медициной, — преуспевает в Техасском университете в Остине, как старший брат Джонатан — любитель покурить травку, который вряд ли когда-нибудь остепенится, — наконец взял себя в руки, начал встречаться с милой девушкой и нашел хорошо оплачиваемую работу в «Гугл», а значит, все-таки может остепениться.

Я с умилением слушаю все это, попивая «Монтепульчиано» — самое дешевое вино в меню. Ничего из сказанного мамой для меня не новость. На выходных я общалась с братьями по

скайпу, как делаю каждую неделю. Но есть что-то успокаивающее в ее беззаботной, славной болтовне. Я будто снова в Сан-Хосе, сижу на большой кухне, где пахнет лимонами и выпечкой, солнце льется сквозь окна, а мама экспериментирует с шербетом и смеется, когда по сторонам летят брызги.

У меня было счастливое детство. Мои родители — добрые и любящие люди. Я обожаю своих братьев. Даже собачка и та была милой. Мне стыдно признаваться, но это правда. До двенадцати-тринадцати лет меня окутывало безмятежное счастье. Но в подростковые годы нахлынула скука, хотя, может, это было нечто глубинное — экзистенциальная апатия, которую нельзя искоренить. Я поехала учиться на Восточное побережье в надежде утолить жажду, но этого оказалось мало. Мне хотелось настоящего опыта! Чего-то большего! Жизнь ведь состоит не только из выпечки, шербетов, детишек и милой собачонки, какими бы чудесными они все ни были.

Мама исчерпала запас своих сплетен, и теперь мы идем обратно в отель. Целую ее на прощание в вестибюле, говорю, как много для меня значит этот приезд. И я не лукавлю! Договариваюсь встретиться с ней в десять часов утра и повести на осмотр достопримечательностей.

Так и поступаю. И, как я и предполагала, все идет по наклонной.

Маме совсем не нравится Неаполь.

Я подозревала, что так и будет. Это место совершенно не для нее. Слишком дикое, скандальное, возмутительное. Куда бы мы ни пошли, мама вздрагивает при виде груд мусора, цокает из-за граффити или же с явным неодобрением смотрит на вьетнамских проституток, вульгарно сидящих на диванах посреди захудалых и дурно пахнущих узких мощеных улочек рядом с отелем «Стационе централе».

Отчасти мне хочется возразить маме. Сказать, чтобы она сняла свои буржуазные провинциальные очки и разглядела под грязью и запущенностью красоты Неаполя: неподдельный, настоящий город с удивительной историей. Увидела, как пожилые женщины начищают священные черепа в пещерах кладбища Фонтанеле, уже много веков кряду. Заглянула в узенькое окошко bassi, где стареющие волосатые мужчины в растянутых майках поедают фриарелли [40] в домах, построенных на погребенных римских храмах. Или просто вышла бы на мой балкон и посмотрела на улочки, заложенные еще древними греками, затем перевела бы взгляд на запад, и сердце бы ее замерло при виде заката над Сорренто — словно кассата с нежно-розовым, бледно-лиловым, винно-красным и фисташковым кремом, — плавно переходящего в черноту ночи и бриллиантовое сверкание звезд.

Но мама видит кругом лишь грязь и наркоманов, и ей это совсем не нравится. Ей даже не нравится отсутствие туристов — одно из достоинств Неаполя.

Мы сидим на террасе летнего кафе в Старом городе, неподалеку от археологического музея. Мама хмурится и устало говорит:

— А где все?

Вокруг нас без умолку болтают итальянцы, яростно жестикулируют, смеются, спорят. Мы еле нашли приличное свободное место, а мама удивляется: «Где все?», что можно перевести как: «Где все нормальные люди?» — туристы, такие же американцы, как и она, говорящие по-английски.

Я могла бы сказать маме, что их отпугнули грязь и криминальная жизнь Неаполя, репутация различных мафиозных группировок, но вряд ли это поднимет ей настроение. Или же мне.

Если для мамы эта пара дней стала разочарованием, то для меня и вовсе пыткой. После встречи с Марком я сама не своя, вся на нервах, в растерянности, опять скучаю по нему. Что еще хуже — куда бы мы ни пошли, все напоминает о нем!

В Дуомо — кафедральном соборе — мы увидели древнюю реликвию, хранящую священную кровь святого Януария, что напомнило мне о божественном розовом вине, которым Марк угощал меня за обедом, «Москато роса». Каждый палаццо на виа Толедо, напоминал про самый грандиозный из всех них — Палаццо Роскаррик.

Затем мы пошли в музей «Каподимонте» — сурового вида дворец эпохи Бурбонов, строгий и заброшенный, одиноко стоящий в убогом сквере на освещенном солнцем холмике. Один из величайших музеев мира. Наконец-то мама ожила. Счастливая, она погрузилась в мир Рафаэля и Тициана, Эль Греко и Беллини, а все мое внимание переключилось на картину Караваджо.

«Бичевание».

Что тут поделывать? С моей чудесной мамой я, конечно же, милая девочка. В последний день перед ее отъездом мы берем такси до вокзала: на поезде, что идет вдоль побережья, она доедет до своей подруги Марго в Амальфи.

Сейчас четыре часа дня. Мама смотрит на официанта и на чуточку улучшившемся итальянском с гордостью произносит:

— Un cappuccino, per favore.

Я стараюсь не морщиться. Неужели я была такой же, когда только приехала? Заказывала капучино после полудня? Теперь-то я знаю, что это совершенная бестактность. Неужели я ела спагетти вилкой и ножом, как мама? Наверное. Бог ты мой! А больше всего я ненавижу себя за то, как оцениваю маму. Ужас какой-то! Марк, что ты со мной сделал?

Мама сидит и пьет капучино, стараясь не смотреть в сторону привокзальных попрошаек. Решаюсь быть честной.

— Мам, — говорю я, — извини, что тебе не понравился Неаполь.

— Милая! — вздыхает мама. — Не сказать, что не понравился, просто здесь все... иначе.

— Уверена, в Амальфи тебе будет лучше. Там красиво. И чисто.

Она кладет ладонь поверх моей руки.

— Мне нет дела до Неаполя. Или Амальфи, — говорит мама. — Меня волнуешь лишь ты, моя дорогая единственная дочурка. Я очень тобой горжусь.

— Почему?

— Потому, — отвечает она и ставит кофейную чашку на стол. Ее пронизательные глаза неотрывно смотрят на меня. — Потому что ты умница и красавица и поступаешь так, как следовало поступить мне. — (Я удивленно гляжу на маму, не понимая, к чему она клонит.) — Александра, ты живешь по-настоящему! Ты живая! Открываешь для себя мир. Жаль, что я не

сделала того же.

— Мам, ты о чем?

— Икс, я люблю твоего отца и обожаю своих детей, всех троих, даже Джонни — в большинстве случаев. Но...

Никогда не видела маму такой. Она борется со своими внутренними демонами, затрагивает болезненные для нее темы. Ее взгляд теперь устремлен на тающую пену капучино.

— Знаешь, Алекс, — говорит она и поднимает на меня глаза. — Я ведь так и не побыла молодой. По-настоящему. Это очень и очень печально.

— Как...

— Я не понимала, что значит молодость, пока не стало слишком поздно. Пожалуйста, не повтори моей ошибки.

Вот так. Мама стоит на вокзале, ее поезд готов к отправлению. Помогаю донести чемоданы до вагона, она выглядывает из окна и машет мне на прощание. Поезд трогается, а глаза мамы блестят будто бы от слез. Одними губами она шепчет мне: «Я люблю тебя» — и я в ответ отчаянно размахиваю рукой. Стою и смотрю вслед поезду, пока тот не растворяется на горизонте. Хочется плакать.

Весь день меня переполняет неугасаемая ни на секунду печаль. Я словно поникшая, запыхавшаяся пальма на Партенопе. «Я ведь так и не побыла молодой... Не повтори моей ошибки».

Мне хочется нового опыта. Я молода. Вот и все. Я больше никогда не окажусь в Неаполе двадцатидвухлетней девушкой.

На следующий день, ближе к вечеру, я беру в руки телефон. Кладу на место. Потом прячу под подушкой. Достāju, набираю номер, считаю секунды, жду.

— Sì?

— Buona sera [41]. Э...

— Да?

— Могу я поговорить с Марком? Синьором Роскарриком?

— Как вас представить?

— Александра. В смысле, Икс. Скажите ему, что звонит Икс.

Пауза. На линии появляется Марк.

— Алло? Икс?

Боже мой, этот чудесный голос! Акцент! Как мне хочется расцеловать Марка прямо по телефону. Поплакать на его плече. А потом поцеловать еще раз.

— Алекс?

— Марк, я... Боже... я... я хочу... Просто мне жаль... Я думала, может... Что ты сейчас делаешь?

— Ты хочешь увидаться?

Вот оно!

— Да, — отвечаю я.

— Приходи в «Гамбринус».

— Что, прости?

— Встретимся там вечером, в семь. Сперва мы должны поговорить.

Щелчок.

13

Ну конечно, «Гамбринус»! Здесь все началось, здесь все и закончится — или продолжится. Нервно ерзаю за столиком, пытаюсь не смотреть на часы. Я пришла на десять минут раньше. Может, стоило загадочным образом опоздать? Или одеться как следует? Я в джинсах и простой майке. Сначала раздумывала насчет коротенького платья, но потом решила, что буду выглядеть слишком доступной.

Может, я и доступная. Но только для Марка. Он нужен мне. Его божественные поцелуи. Пью джин с тоником — напиток покрепче, для храбрости — и пялюсь на площадь. Нервничаю. Жду. Снова смотрю на часы.

Вот и Марк. Пришел ровно в семь.

Когда он подходит к столику, я демонстративно смотрю на часы. Нужно разрядить обстановку пустяковым разговором.

— Ты всегда такой пунктуальный?

— Скажи спасибо моей матери, — учтиво говорит он и садится. — Она буквально вбила в меня, что точность — вежливость королей.

вернуться

40

Фриарелли — неаполитанский овощной гарнир.

вернуться

41

Добрый вечер (*ит.*).

— Или достоинство уставших от жизни?

Он смотрит на меня и смеется, я отвечаю тем же. Затем вспоминаю, как мы подходим друг другу. На уровне самых примитивных инстинктов. Надо держаться за эту мысль, если я собираюсь сделать то, что задумала.

— Итак, — уже без смеха произносит Марк. — Ты могла позвать меня лишь по одной причине.

— Да.

— Ты согласна пройти инициацию.

Я отпиваю джина с тоником.

— Да.

Он пристально смотрит на меня. Берет за руку. Разглядывает мои бледные пальцы на своей смуглой ладони.

— Алекс, ты уверена на все сто?

Я застываю в нерешительности, всего на секунду. Нет, не на все сто. Но довольно уверена.

— Да, уверена.

— Значит, в следующий раз мы увидимся в Палаццо Роскаррик.

— Что?

Марк внезапно встает и оставляет щедрые чаевые.

— Невеста и жених не должны видаться до свадьбы. Такая ведь традиция в Калифорнии?

— Я не понимаю...

— Приезжай в палаццо завтра в полночь.

— Завтра? Но, Марк! Что я должна делать? Что мне надеть?

Он слегка наклоняется ко мне и целует руку. Затем отходит и машет на прощание.

— Приезжай такой, как всегда. Возьми такси. Я заплачу. Завтра в полночь. E síao.

* * *

Такси останавливается возле мрачных красновато-коричневых стен Палаццо Роскаррик. Улицы Кьяйя в темноте выглядят иначе: тихие, гулкие, словно бы выжидающие. А еще — зловеще пустынные. Я рада, что Марк предложил взять такси. Мне бы совсем не хотелось в одиночку прогуляться здесь.

Я выбираюсь из машины и придирчиво осматриваю себя.

Три часа подряд я терла себя до дыр, одевалась и собиралась: аккуратно выщипала брови, покрыла блеском губы, с особой тщательностью посушила волосы и добросовестно побрилась везде, где можно. Надушилась лучшими духами, на самом деле моим единственным нормальным парфюмом. Марк велел не беспокоиться об одежде, но все-таки под джинсами и

майкой я должна быть на высоте. Отчасти такие старательные приготовления были нужны мне самой, чтобы успокоиться перед посвящением.

Правда, не очень-то сработало. Мозг трещит от нервного перенапряжения. Что со мной произойдет? Случится ли все прямо сейчас? Будет ли сегодня первая из мистерий? Не поэтому ли мне приказали явиться сюда в полночь? Но неужели мистерии начнутся прямо дома у Марка? Он намекал, что существуют особые места в Италии, Великобритании, Франции. Домашним уютom от его слов не веяло.

— Grazie, grazie mille [42].

Роюсь в сумочке в поисках евро, расплачиваюсь с таксистом, который смотрит сперва на деньги, потом на меня, а в итоге на массивную дверь Палаццо Роскаррик.

Не сочувственная ли и понимающая улыбка появилась на его лице?

Такси уносится прочь, задевая несколько пустых коробок из-под пиццы. Те отлетают в сторону, а машина скрывается за поворотом.

Надо мной нависает огромная дверь. Отгоняю прочь одолевающие меня страхи и сомнения и торопливо берусь за тяжелое железное кольцо. По улице эхом разносится непристойно громкий шум, будто явившийся прямиком из древности. При ночном освещении все выглядит более старинным, даже античным. Отовсюду веет историей, враждебной и причудливой.

Дверь отворяется. Передо мной появляется один из слуг Марка: тот самый мужчина, что встретил меня, когда я впервые сюда наведалась.

— Buona sera.

Я рада увидеть знакомое лицо, но мужчина держится так, будто мы раньше не встречались. Он протягивает мне пятьдесят евро за такси, хотя это слишком много. Пытаюсь возразить, но слуга не берет сдачи. Не улыбаясь, он отступает внутрь палаццо и зовет меня за собой. Ведет он себя серьезно и церемонно.

Что происходит?

Переступаю через низкий деревянный порог и захожу в коридор, где на стенах поблескивают восточные мечи — самурайские? Китайские? Впереди, в лунном сиянии, одиноко мерцает фонтан. Воздух, как и в прошлый раз, наполнен дивным благоуханием лилий, роз и южных, тропических цветов.

— Сюда, — направляет меня слуга.

Мы идем по безмолвным длинным коридорам. Здесь неестественно тихо. Меня переполняет желание убежать отсюда со всех ног. Мне не по себе от такой атмосферы. Это словно тишь леса, где притаился хищный зверь.

Прекрати, Икс!

— Куда мы идем?

Спрашивать бессмысленно. Я и не рассчитываю на ответ. Задаю вопрос, лишь бы только нарушить гнетущую тишину. Слуга, конечно же, не отвечает и все так же идет вперед.

Вдруг новые звуки заставляют меня запаниковать. Замедлив шаг, я всматриваюсь в благоухающий сумрак. Да. Мне кажется, я услышала приглушенный смех. Через несколько дверей от нас, девичий смех — и вновь тишина.

Может, кто-то следит за мной сверху? В коридорах и переходах слишком тускло: от свечей в изящных старинных канделябрах из позолоченного дерева и хрустала исходит ненавязчивый свет.

Живущий внутри меня историк пребывает в восторге: освещение полностью соответствует периоду возведения этого палаццо — семнадцатому или восемнадцатому веку. Некий ценитель реставрировал или же невероятным образом сохранил эти осветительные приборы, возможно за немалые деньги.

Не сомневаюсь, что это был Марк. Мужчина, носящий столь элегантные костюмы, знает толк в том, как с изяществом обустроить дом.

Но если историк во мне ликует и восхищается вкусом Марка, то растерянная девушка переживает до потери сознания. К черту канделябры! Мне нужны ослепительные неоновые лампы, способные прогнать тьму, рассеять тени. Чтобы никто не смог хихикать, притаившись в черном углу.

Наконец слуга ровным голосом объявляет:

— Пришли.

Мы стоим перед довольно непримечательной серой дверью. Слуга со скрипом поворачивает ручку цвета слоновой кости и приглашает меня внутрь.

— О боже! — непроизвольно выдыхаю я.

Красота внутреннего убранства комнаты резко контрастирует со скучным видом двери. От свечей в стеклянных сосудах с чугунной решеткой исходит мягкий свет. Стены декорированы в стиле Помпей: фресками с длиннохвостыми птицами и прыткими антилопами, что окружили молодых римлянок с угольно-черными глазами. Обнаженные девушки застыли в танце, их окутала аура эротики и притворной застенчивости. Насыщенно-алые бордюры с виноградными лозами завершают композицию.

— Снимите вашу одежду и наденьте вот это, — произносит слуга.

Он дает мне сложенное платье из гладкого шелка, столь невесомое, что его будто и нет на моей ладони.

— Но...

— Всю одежду. Когда будете готовы, пожалуйста, выйдите через эту дверь.

Слуга указывает на второй выход, замаскированный среди алого декора Помпей: он представляет собой хитроумную римскую дверь, которая выглядит как фальшивая. Элегантный *trompe-l'oeil* [43].

— И запомните еще одно, — монотонно добавляет мужчина. — Если вам в какой-либо момент захочется все остановить, произнесите: «Морфей».

— Что?

— Если вдруг вам... будет некомфортно, вы должны громко сказать: «Морфей». Если вы не сможете говорить, хлопните три раза в ладоши.

Так вот. Слуга закрывает первую дверь и оставляет меня одну. В отдалении слышу приглушенные звуки музыки. Пение хора прекрасно, мелодия будто льется сквозь века, живая, но умиротворенная, некое подобие литургии.

И звучит она очень кстати. Как в мире этой великолепной музыки может произойти что-либо плохое?

Икс, просто снимите одежду. И все. Мне нужно снять одежду.

В мерцании свечей я освобождаюсь от футболки, кроссовок «Конверс», белых носков и джинсов. Одеюсь так, как мне сказали. Единственная моя прихоть — белье. Я выбрала очень красивые трусики. Зачем? Может, я всего-навсего подозревала, что большей части одежды на мне не будет, так что и не стоило тратить на нее время.

И вот я полностью обнажена.

Простое шелковое платье, что мне дали, весит не более трех унций. Я как на Луне. Мгновение люблюсь аккуратными строчками, а потом надеваю наряд через голову. Тонкая материя с аристократическим вздохом спускается до колен. Шелк изумительный, такой мягкой и дорогой ткани я еще не встречала.

вернуться

42

Спасибо, большое спасибо (*ит.*).

вернуться

43

Обманка (*фр.*); технический прием в искусстве, целью которого является создание оптической иллюзии того, что изображенный объект находится в трехмерном пространстве, в то время как в действительности нарисован в двумерной плоскости.

В неровном свете платье напоминает огненно-оранжевое, почти красное зарево. А еще оно прозрачное. Отчетливо виден треугольник внизу живота, гладкий после депиляции воском.

Я не смогу. Просто не смогу. Уступая робости, я вновь натягиваю черные кружевные трусики, затем закрываю глаза и считаю до семи.

Успокойся, Икс, успокойся.

Такое чувство, будто в горле песок, ладони увлажнились от нервного напряжения. Полированный паркет холодит голые ступни. Я открываю дверь-обманку, спрятанную в красной стене.

Делаю шаг внутрь.

За порогом очень странный свет: непрерывное мерцание, нескончаемый вихрь отблесков. Поначалу ничего не понимаю, и лишь через несколько секунд меня осеняет: я в фарфоровой комнате.

Изучая историю Неаполя, я читала про такие комнаты — фарфоровые кабинеты. Они были созданы самыми богатыми представителями знати на пике славы и могущества города. Безумно непрактичные, почти неподлежащие уборке, однако неповторимым образом очаровательные. Белый фарфор стен и потолка украшен дикими нарциссами и извивающимися синими морскими драконами, также сделанными из фарфора. Комната освещается канделябрами из дерева и серебра. Четверо слуг — из плоти и крови — держат их в руках.

Проверяю еще раз. В каждом углу комнаты вижу симпатичного молодого человека в униформе. Вероятно, это ливрея семьи Роскаррик. Слуги неподвижно смотрят прямо перед собой, а не на меня. Единственный свет в комнате исходит как раз от их канделябров.

Посреди комнаты, спинкой ко мне, стоит огромный деревянный стул, без каких-либо прикрас. Он возвышается, как трон для короля Темных веков. Воздух пронизан музыкой, которая льется из невидимых колонок: призрачная, божественная, эротичная.

— Икс, подойди, — доносится от стула голос Марка.

Я рада, что не сняла трусики. Иначе под этой прозрачной тканью я была бы совершенно голой. Босоногая, обнаженная, стыдливая, как девушки с фресок на Вилле мистерий. От прохладного воздуха фарфоровой комнаты мои соски твердеют. Как бы я ни противилась себе, все равно прихожу в возбуждение. Постыдно. Но это так.

Обхожу стул и останавливаю взгляд на Марке, его лицо спрятано в тени, виден лишь благородный профиль.

— Не смотри на меня.

— Что мне надо делать?

— Нагнуться, Икс.

— Что?

— И лечь мне на колени. Первая из мистерий являет собой обыкновенное подчинение, публичное. Я отшлепаю тебя перед моими слугами.

Мне хочется засмеяться, однако обстановка не располагает к шуткам. Возмутительно! Он собирает меня отшлепать? Перед слугами?

Ну уж нет!

— Ты можешь уйти. Или подчиниться.

— Марк...

— Ты должна обращаться ко мне Celenza. Во время мистерий ты можешь называть меня лишь Celenza.

— Марк...

— С итальянского это переводится как «ваше превосходительство», а первая буква произносится как «ч». Так что либо зови меня Celenza или сир, либо уходи. Со всеми вытекающими последствиями.

Хочу убежать отсюда. Феминистка внутри меня приказывает немедленно уйти. И все же — признаюсь — я отчасти желаю, чтобы Марк отшлепал меня. Я ли это? Может, всему виной опьяняющая музыка, мерцание свечей и фарфоровой комнаты? Или же я всего-навсего испытываю к Марку страсть и соглашусь на что угодно?

Голова идет кругом. Мне хочется, чтобы кто-то решил все за меня. Хочется подчиниться. Лишь бы скорее все закончилось.

— Celenza, — произношу я, сама не веря своему поступку, — отшлепай меня.

Мое тело напряжено. Подхожу ближе к Марку и ложусь ему на колени, лицом вниз. Босые ступни зависли в воздухе, одной рукой упираюсь в пол, чтобы сохранить равновесие. Чувствую на себя взгляды слуг. Но меня это сильно не беспокоит. Ох, как же это возбуждает и в то же время невероятно тревожит. Я возмущена, и все же между ног я такая влажная...

Марк с нежностью задирает юбку моего шелкового платья и цокает языком.

— Так-так, Икс, — неодобрительно произносит он.

— Celenza?

— Трусики?

— Я всего лишь... Я не...

Не дожидаясь объяснений, он начинает стягивать мои лучшие трусики от «Викториас сикрет». С темными кружевными оборками. Я инстинктивно тянусь к ним рукой и останавливаю Марка, ведь на меня смотрят мужчины, конечно же, они не должны ничего видеть, но мое запястье хватает крепкая рука.

— Икс, ты должна разрешить мне, — говорит Марк.

Я хочу, чтобы он остановился. Я хочу, чтобы он продолжал. Я хочу его!

Закрыв от стыда глаза, я убираю руку. Тело вибрирует от возбуждения. Почему?

— Celenza.

Марк получил мое разрешение. Он медленно и аккуратно спускает трусики по бедрам, обнаженным щиколоткам и бросает в какую-то корзину. Мне не разглядеть. Прохладный воздух касается моих ягодиц. Вот он, этот момент. Сейчас Марк будет меня шлепать. Перед всеми этими мужчинами, которых я раньше в глаза не видела. Его слугами. Моя растерянность не менее гротескна, чем стиль барокко. Но внутри меня полыхает огонь желания. Давай же, сделай это. Сделай!

И он делает. Его ладонь со шлепком касается моей кожи, причиняя жгучую постыдную боль. Ягодицы горят.

— Считай.

Что? Что он имеет в виду?

— Celenza? — выдавливаю я из себя.

— Ты должна считать, пока я шлепаю тебя. По-итальянски.

Пауза. Марк наклоняется набок и что-то делает. Вдруг я понимаю, что он пьет красное вино. Его непринужденная манера наверняка неотъемлемая часть моего подчинения: инициации. И это тоже причудливым образом волнует меня. Внизу живота возникает сладостное, острое напряжение, что предшествует величайшему наслаждению — будто в меня впиваются сотни булавок, вызывая непреодолимое удовольствие. Еще, пожалуйста! Прошу! Утоли мою жажду. Не останавливайся, не останавливайся! Прекрати! Нет, не останавливайся!

Марк снова шлепает меня, на этот раз крепче. Я распростерлась перед ним с голым задом, а он шлепает меня. Слуги смотрят. Я считаю, вслух.

— Uno.

Шлепок.

— Duo.

Шлепок.

— Раздвинь ноги.

Я сопротивляюсь, как только могу. Но его сильная рука проскальзывает между моих обнаженных бедер и заставляет их раскрыться. Может, мне даже хочется этого. Ведь я истекаю соками.

Он шлепает меня.

— Tre!

Марк шлепает снова и снова, мое дыхание становится более отчаянным. С губ срывается легкий стон, полный стыда и предательского восторга. Не знаю, откуда он взялся. Как и не знаю, откуда взялось столь постыдное желание. Но оно великолепно и ослепительно, оно есть мерцание свечи на дивном фарфоре, оно есть розово-красное великолепие. Хочу, чтобы Марк шлепал меня сильнее! Унижение восхитительно!

— Celenza!

— Икс?

— Шлепайте меня сильнее, сир. Прошу.

Он повинуется. Какая сладкая боль! Во мне переизбыток эмоций, я вот-вот достигну пика. Девять, десять, одиннадцать.

Шлепок!

Будто некто аплодирует моей наготы. Я в безумстве, хочу быть полностью голой. Дрожу,

приближаясь к оскорбительному и неожиданному оргазму.

— Ты сбежала из Помпей.

Шлепок!

— Ты не сделала того, что я сказал.

Шлепок!

Постанываю от удовольствия. Изнываю от страсти.

— Простите меня, Celenza, бейте сильнее.

Шлепок!

Его рука на моей голой заднице — восхитительное ощущение! Хочу, чтобы оно длилось вечно. Мне плевать, что за всем этим наблюдают другие мужчины. Боль так отрадна, наше эротическое озорство — сплошное удовольствие, постыдное и восхитительное. Как можно ощутить разом столько эмоций? Рука Марка невзначай задерживается на клиторе, затем он опять шлепает меня — и вновь мягкое, трепетное прикосновение к столь чувствительному местечку. А потом шлепок, шлепок, и еще один!

Ух, а это больно! Закусываю губу. Не помогает. Издаю вздох.

Да, да, ДА!

ОТШЛЕПАЙ МЕНЯ!

Пальцы Марка надавливают на клитор, вызывая во мне бурю удовольствия, а рука касается моей оголенной задницы. В этот момент я думаю обо всех слугах, что наблюдают, как меня, Алекс Бекманн, так властно и мощно шлепает он, Марк Роскаррик! Удары становятся крепче. Еще, три раза, четыре, пять.

Внутри зарождается совершенно иной оргазм, струящийся подобно водопаду из серебристых лепестков роз, подобно бриллиантовому ливню, стремительный поток незабываемого экстаза.

— О боже, боже... а-а-ах...

— Икс?

— Grazie, Celenza... — бормочу я, переводя дыхание. — Grazie.

14

Я безвольно лежу на коленях у Марка, полуобнаженная, притихшая, довольная. Он отдает приказ по-итальянски — в этот раз с сильным неаполитанским акцентом, слуги ставят канделябры на столики и удаляются. Теперь здесь только он и я, в комнате с гарцующими фарфоровыми антилопами, что навечно застыли в мерцающем свете.

Неуверенно поднимаюсь на ноги, опираюсь на плечо Марка, колени буквально подкашиваются. Но Марк подхватывает меня на руки и переносит в конец комнаты. Там он ловко толкает дверь ногой, и мы оказываемся в тускло освещенной комнате, похожей на спальню.

Я словно в тумане, этот странный оргазм лишил меня последних сил. Кладу голову Марку на плечо, целую в шею, вдыхая запах туалетной воды, его запах. Он несет меня через комнату и с нежностью кладет на широкую кровать. Так я лежу там, счастливая, немного растерянная, задумчивая. Я почти сплю, хотя по-прежнему возбуждена.

Марк снимает с меня платье, раздевается сам, и мы предаемся любви.

Он неторопливо, но настойчиво раздвигает мне ноги. Действует он ласково, нежно, трепетно — полная противоположность происходившему совсем недавно. Я забываюсь среди этого нескончаемого удовольствия, стискиваю в кулаках простыни, пока Марк спускается все ниже. Касается языком самой сладкой точки. Celenza, Celenza...

Превосходство.

Несколько блаженных минут он мучает меня, лижет клитор неутомимым языком, покусывает бедра. Как только я привыкаю к одному, Марк принимается за другое: он волшебным образом угадывает мои сексуальные желания. Покусывает, лижет, вновь покусывает и лижет. Я распростерлась на кровати в полуобморочном состоянии и смотрю в темноту, вздыхаю, выпускаю стон, думаю о порке.

Ведь это так возбуждало, но почему? Что он сделал со мной? Как я могла получать от этого удовольствие? Феминистка внутри меня негодует, но богиня моей сексуальности ликует. Еще как ликует!

— Марк...

Я близка к оргазму, очень близка, но мне хочется поцеловать Марка. Моего красавца-любownika, мужчину, который шлепал меня.

— Марк!

Он отрывается от моей промежности, поднимает голову и нависает над моим обнаженным телом. Страстно целует, дважды. Затем между моими губами проскальзывает большой палец. Сперва я посасываю его — и вдруг внезапно кусаю, довольно сильно, чтобы наказать Марка за то, что бил меня. Не знаю, зачем я это делаю.

— Ай! — расплывается в улыбке Марк.

— Ну ты и сволочь, Роскаррик, — отвечаю я.

— Ты была так прекрасна, дорогая, особенно твоя роскошная белая задница.

— Марк!

— По правде говоря, сейчас она порозовела.

— Но меня все видели!

Марк снова улыбается. От его дыхания исходит аромат вина. Наши тела переплетены.

— Но тебе ведь понравилось? — поцеловав меня в нос, спрашивает Марк.

Его глаза в дюйме от моих, мы не отрываясь смотрим друг на друга, заглядывая чуть ли не в душу.

— Да? Тебе очень понравилось. Испорченная маленькая девочка!

Не могу ему соврать. Даже головой шевельнуть не могу. Я всего лишь хочу, чтобы он быстрее оказался внутри меня. Хочу испытать еще один незабываемый оргазм. Эти оргазмы, как рулетики прошутто в кафе «Гамбринус», — пальчики оближешь!

— Доведи меня.

— Si, si, bella donna [44].

Он вновь опускается, разводит мои колени в стороны. Его язык мастерски ласкает мои укромные уголки несколько секунд, неизбежно приводя меня к оргазму. Вот так. Несколько секунд! Хватаю ртом воздух, пальцы ног сводит от экстаза. Вспоминаю про порку, и оргазм усиливается. Как же это легко, как легко!

Что со мной творится? С предыдущими парнями мне всегда было сложно кончить, но сейчас это проще простого. Теперь я могу достичь оргазма в любом месте, в любое время. Это как дело привычки, как умение кататься на велосипеде или жонглировать... Да... Так... Сюда... Да!.. А-а-а-а...

Глупая, глупая, Икс. Ты давно могла этого добиться. И нужен-то был красивый умелый миллиардер, аристократ итальянско-английского происхождения. Такие есть в каждой аптеке.

Как же я утомлена.

— Спокойной ночи... Спокойной ночи. — Марк целует меня в кончик носа. — Piccolina [45].

Я проваливаюсь в сон на роскошной белой кровати. По-прежнему играет музыка. Великолепное пение хора. Теперь это словно колыбельная. Сон стремительно настигает меня. В голове мелькают последние мысли. Очень сладкие мысли. Впервые я проведу ночь в кровати Марка Роскаррика. Меня окутывает нега: тело постепенно расслабляется после глубокого экстаза, на прохладных чистых простынях.

* * *

Просьпаюсь утром, сквозь шторы пробиваются яркие лучи. Рядом спит Марк, загорелый и прекрасный. Волосы его растрепались, а на смуглое плечо легла полоска света. Вдруг я замечаю шрам: небольшой, изогнутый и загадочный, будто от ножевого пореза.

На меня накатывает волна тревожных воспоминаний. Пытаюсь успокоить возобновившуюся борьбу между чувством вины и счастья. Неужели я и впрямь позволила Марку отшлепать меня перед его слугами? Как, черт побери, это произошло?!

И все же это очень возбуждало. Правда.

Прилюдное подчинение. Неужели это и есть первая мистерия?

Если так, то суть ее заключается в следующем: я чувствую себя по-настоящему свободной! Внутри меня будто распутался замысловатый клубок, исчезло психическое напряжение. Говорите, я была голый, очень сексуальной и покорной при зрителях? Ну и что, кого это заботит?

Марк все еще спит. Протираю глаза и широко зеваю. Обвожу взглядом спальню, ведь я

впервые вижу ее при нормальном освещении.

Она совсем не такая, как я ожидала. Хотя я не уверена, что именно надеялась здесь увидеть: кровати с балдахинами, стулья эпохи Людовика XIV, позолоту, лепку и львов? Однако комната Марка очень даже современная.

Низкая огромная кровать из темного дерева. Стены бледные, бежево-серого холодного оттенка, с громадными, частично зашторенными окнами. Марку, наверное, пришлось снести стену, чтобы вставить их. Стол из цельного куска дерева, идеально отполированный, с абстрактной скульптурой из дутого стекла. В минималистском стиле, но экспрессивно.

На паркетном полу валяется несколько галстуков: необходимая толика беспорядка. Модные коврики с разноцветными кубиками, возможно из Лондона.

Жадно впитываю глазами каждую деталь. В дальнем углу два кресла «Барселона»: может, я и не слишком сведуща в барокко и ренессансе, но вот современное искусство — мой конек. Это подлинные кресла работы Миса ван дер Роэ [46].

Стена напротив занята гигантским шкафом, битком набитым книгами в потертых переплетах. Над изголовьем кровати висят две фотографии в аккуратных рамках одинакового размера. Это, случайно, не Гурски? Андреас Гурски? [47] Все очень сдержанно, индивидуально, современно, однако создает невероятный уют. Можно проспать здесь год и пробудиться оттого, что к тебе наведались из «Вог интериор».

Единственный отпечаток истории, единственный признак того, что ты находишься в палаццо времен Бурбонов, — это портрет восемнадцатого века. На нем изображена красивая женщина в роскошном пышном голубом платье. Возможно, это картина кисти английского художника. Может быть, Гейнсборо. Черт побери, это, наверное, и есть Гейнсборо!

Интересно, не приходится ли эта женщина прапрапра... прабабкой Марку. Возможно. Она прекрасна и слегка печальна на фоне темной комнаты. На столе рядом с ней лежит человеческий череп. Символ смертности? Дама может похвастаться очень глубоким декольте и ярко-красными губами. Символ секса? На полу лежит хлыст. Символ бичевания? Может, она стала первой из Роскарриков, кого посвятили в мистерии?

вернуться

44

Да, да, прекрасная госпожа (*um.*).

вернуться

45

Малышка (*um.*).

вернуться

46

Людвиг Мис ван дер Роэ (1886–1969) — немецкий архитектор-модернист; кресла, созданные им в 1929 году для Всемирной ярмарки искусств, считаются одним из классических образцов модернизма, они получили широкое признание у массового потребителя. (Прим. ред.)

вернуться

47

Андреас Гурски (род. 1955) — известный немецкий фотограф.

Все тело начинает покалывать от волнения. Встаю, смущенная своей наготой, и пересекаю комнату. Ищу ванную. Здесь? Или здесь?

Нахожу две ваннные комнаты. Одна более темная, мужская. Здесь повсюду лосьоны после бритья, лезвия, зеркальца и широкие кисти для бритья от «Гео Трампера» на Курзон-стрит в Мейфэре. Взгляд цепляется за маски для фехтования и две шпаги, лежащие на тумбе из темного дерева. Вот, значит, как Марк держит себя в форме. Фехтование. Дуэли. Поединки на шпагах.

Выхожу из первой ванной и обследую вторую. Она более женственная и просторная, размером с мою квартиру. Беру с крючка халат и слегка виновато двигаюсь дальше. Интересно, кто еще был здесь до меня.

Ванная где-то с ярд глубиной, здесь можно и овечку искупать. Все детали блестят и переливаются, огромные зеркала сверкают от искусственной подсветки. Заглядываю в пару шкафчиков. Новое мыло из Флоренции, полотенца, похоже, стирают прямо на небесах. Я будто в пятизвездочном отеле, только более уютном.

Может, Марк позволит мне жить здесь — в этой ванной. Я была бы рада. Мне бы приносили сэндвичи прямо сюда.

Стою под гигантским душем. Беру одну из множества новых щеток, чищу зубы, вытираю волосы и облачаюсь в халат. Мне по-прежнему неловко, словно я в отеле, но не оплатила проживание. Возвращаюсь в спальню.

Передо мной стоит Марк, тоже в халате. Он с улыбкой подлетает ко мне, проводит рукой по моим влажным волосам и крепко целует в губы. Отступает на шаг.

— С добрым утром, Икс.

На секунду теряю дар речи.

— *Buongiorno*, Марк, — наконец говорю я.

Мы целуемся, и еще. Три раза. От Марка пахнет шампунем, мылом и мужчиной. Во мне вновь просыпается необузданное желание. Внизу живота будто медленно тает шерbet, напрашивается, чтобы его слизали.

Будь осторожна, Икс! Будь осторожна.

Тут я замечаю появившийся на кровати завтрак — на двух сверкающих подносах. Именно так я все себе и представляла. Серебряные графины с соком из розового грейпфрута, серебряные

турки с темным насыщенным кофе, два крошечных серебряных кувшинчика с превосходными сливками. Тарелки с бриошами, sfogliata, pain au raisin [48] и всяческими фруктами — манго, белыми персиками и малюсенькими ягодками земляники.

— Боже, как я проголодалась, — не сдерживаюсь я.

Теперь мы оба сидим на кровати, разделенные лишь подносами.

— Правда?

— Да. Это плохо?

— Нет, но... — Марк вздыхает. — Ты всего-то и делала, что лежала у меня на коленях, — говорит он и многозначительно смотрит на меня. — Вряд ли ты сожгла много калорий.

Я молча смотрю на него. Что он такое говорит? И тут с опозданием понимаю, что он шутит. Бросаю в него булочкой. Он смеется и цокает языком.

— Икс, это мне пришлось выполнять самую сложную работу.

— Марк!

— Возможно, моя правая рука так и не восстановится. Как считаешь, стоит обратиться к остеопату? — Марк снова смеется.

Его смех искренний и заразительный, а с моей души будто камень упал. Все напряжение вмиг улетучивается. Я тоже смеюсь, переползаю через кровать и прижимаю Марка к подушкам. Затем забираюсь сверху. Теперь я сижу у него на груди и, все еще хихикая, наклоняюсь для поцелуя. Марк подается ко мне, наши губы встречаются.

— Жалкое было зрелище, лорд Роскаррик.

— Что?

— Ты называешь это поркой? Да ладно! Я даже не заметила.

— Серьезно?

— Ага, — отвечаю я. — По-моему, я даже заснула на середине.

Марк с улыбкой привстает. Я сползаю ниже и ощущаю под собой его твердую, возбужденную плоть. Он поднимает на меня глаза — голубые, мутные от желания.

— Покажите вашу грудь, мисс Бекманн.

— Нет.

— Per favore, signorina. Пожалейте бедного миллиардера.

— Прости, но мне нужно позавтракать. А потом немного поработать.

— Неужели?

— Да! — отвечаю я. — Не можем же мы сидеть без дела в твоих креслах «Барселона» и в

костюмах от «Гивз энд Хокс».

— Я польщен, — оценивающе смотрит на меня Марк.

— Почему?

— Никто раньше эти кресла не замечал.

— Они же подлинные, да?

— Да, — отвечает он. — Купил их на аукционе четыре года назад. Я никогда не... ну... с тех пор, как умерла моя жена... Рядом со мной не было никого, способного... хоть что-то понять. Ни мою жизнь, ни увлечения, ничего, — произносит он с мальчишеской, однако печальной улыбкой.

— Что ж, я все-таки голодна, — прерываю я наш разговор, хотя внутри нарастает желание.

Слезаю с Марка и возвращаюсь к завтраку. Лорд Роскаррик пьет сок, кофе и проверяет сообщения на телефоне, а я, счастливая, ем и попиваю кофе, а еще пробую вкусненькую землянику и сладкие бриоши. Я и вправду голодная как волк. Кто бы мог подумать, что порка пробуждает аппетит? И желание.

— Итак, — бормочу я, заталкивая в рот намазанную маслом булочку, — Марк, расскажи мне! Это была первая мистерия?

— Да. — Он бросает телефон на кровать. — Самая первая и простая.

— Но что она должна доказать? Не совсем ясно. В смысле... — Мое лицо заливают румянец. — Не пойми меня неправильно, Марк, это очень эротично. На удивление эротично. Очень-очень эротично.

— Я догадался.

— Но какое это имеет отношение к...

— Мистерии являются публичным действием и зачастую носят сексуальный характер. Чтобы их завершить, ты должна показать умение подчиняться. Ты сдала экзамен.

— Правда?

— Еще как. С отличными отметками. Пять с плюсом!

— Но боже! Моя голая задница!

— Божественна! Ты Венера Каллипига!

— Что? — прищуриваюсь я. — Венера-калли-кто?

— Венера Каллипига. Венера прекрасных ягодиц. Венера роскошного зада.

— Она греческая богиня?

— Да. А ты ее живое воплощение.

Марк тянется ко мне, я хихикаю и выскальзываю из его объятий.

— Пора одеваться. Мне и правда нужно позаниматься. Где моя одежда?

— В том шкафу, — мрачно вздыхает он. — Все постирано и отутюжено.

Ну конечно. Почему бы и нет? У Марка человек шестьсот персонала и, наверное, целая команда камердинеров, готовых ночью пришивать новые пуговицы к старым рубашкам.

Открываю шкаф и вижу свои джинсы, кроссовки и белые носки, а еще трусики от «Викториас сикрет». Все завернуто в тончайшую бумагу. Раньше эти черные кружевные трусики казались мне верхом роскоши и эротики, но теперь они выглядят нелепо и безвкусно. Но это уже неважно. Чувствую себя замечательно, танцую от счастья. Я полностью раскрепощена.

Александра Бекманн, Девственница Нью-Гэмпшира, прошлой ночью еще как проказничала. А главное, мне это понравилось.

Натягиваю джинсы и майку, поворачиваюсь. Марк стоит в джинсах и очередной безукоризненно-белой рубашке со слегка небрежно лежащим воротничком — в аристократической манере. У меня появилась масса вопросов.

— Марк... что будет дальше?

Он застегивает белые манжеты серебряными запонками и смотрит мне в глаза:

— Вторая мистерия состоится через две недели.

Я засыпаю его вопросами:

— И что будет на этот раз? Отшлепаешь меня на футбольном стадионе? Будем танцевать голышом на телевидении?

Но он не улыбается.

— Икс, ты должна знать... Вторая мистерия... — Лицо Марка становится мрачным. — Испытание посложнее. Вот тогда-то все и начинается.

Его красивое лицо на мгновение пересекает молния гнева с примесью грусти. В этой злости чувствуется некая трагедия, даже угроза. Мой пульс учащается от волнения и растерянности, а в душе зарождается безнадежное, глупое желание. Я напугана до смерти, ведь я влюбляюсь.

15

Теперь я понимаю, это цикл. А может, некое подобие куртуазного танца восемнадцатого века, котильон или торжественный менуэт, где танцоры — мужчина и женщина — приближаются друг к другу, затем отступают, приближаются, отступают, но каждый раз становятся на шаг ближе, пока наконец не соединяются. На веки вечные?

Прямо сейчас я лежу в своей комнате в одежде, но босая. Смотрю на тени, что пляшут по залитому солнцем потолку. Почитываю разбросанные тут и там книжки. Я понимаю, что отступаю. Ведь я углубляюсь в историю «Каморры» и «Ндрангеты».

вернуться

Булочка с изюмом (*ит.*).

Я решила не бросать чтения, чтобы не забыть, зачем я в первую очередь приехала в Неаполь. Однако меня не покидают мысли о моем романе — порочной связи, страсти, завораживающей разум глупости. Что же это на самом деле? Если я брошу свое академическое призвание и диссертацию, то всецело посвящу себя Марку.

Но я же действительно интересуюсь историей этой страны, потому что серьезно увлекаюсь историей.

Однако чем больше я читаю, тем больше мыслей возникает о Марке. Плохих мыслей. Я открываю страницу с закладкой и, хмурясь, уже в третий раз за утро перечитываю выделенный параграф.

«„Гардунья“ была тайной преступной организацией, основанной в Испании в период позднего Средневековья. Являясь первоначально тюремной бандой, впоследствии приобрела более организованные очертания: занималась грабежами, похищением, поджогами и предумышленными убийствами. Есть сведения, что скандально известный устав „Гардуньи“ был утвержден в Толедо в 1420 году. Согласно некоторым историкам, позже, во времена испанского господства в Южной Италии, тайный криминальный клан преобразовался в неаполитанскую „Каморру“».

Взгляд особенно цепляется за следующий отрывок:

«В народной песни Калабрии содержится свидетельство итальянского наследия. В ней говорится о трех „братьях“ „Гардуньи“ или же трех испанских рыцарях, которые бежали из Испании в семнадцатом веке, после того как жестоко убили совратителя своей любимой сестры. Трех мужчин выбрасывает после кораблекрушения на берег острова Фавиньяна, близ Сицилии. Первый мужчина, Карканьосо, под защитой святого Михаила проделывает путь до Калабрии и создает „Ндрангету“. Второй, Оссо, преданный святому Георгу, добирается до Сицилии и создает „Мафию“. Третий рыцарь, Мастросо, находящийся под покровительством Мадонны, высаживается в Неаполе и создает „Каморру“...»

Отрываюсь от чтения и прислушиваюсь к тихому биению своего сердца.

Маркус Роскаррик.

Лорд Маркус Роскаррик.

Лорд Маркус Джеймс Энтони Ксавьер Мастросо ди Анджело Роскаррик.

Меня пробивает легкая дрожь. Совпадение ли это? Зачем Марку носить имя, которое связывает его с испанской «Гардуньей», предполагаемой предшественницей «Каморры»? Если его предки вступали в брак с Бурбонами в восемнадцатом-девятнадцатом веках, значит они породнились с испанцами так же, как и с итальянцами, ведь Бурбоны изначально ведут род из Испании. И «Каморра» тоже пришла из Испании, по крайней мере есть такие предположения.

Откладываю книгу в сторону и прислушиваюсь к шуму неаполитанских улочек. Гудит идущий под солнцем паром до Искьи, на виа Нацарио яростно сигналият таксисты.

Беру другую книгу: по этимологии неаполитанской жизни. Здесь есть отрывок, выделенный мною дважды.

«Гуаппо (guарро, *мн. ч.*: guарри) — слово из неаполитанского диалекта, означает „хулиган, бандит, громила“. В наши дни часто используется в отношении членов «Каморры», однако гуаррегиа (или guаррариа, т. е. культура гуаппо) упоминается ранее, чем «Каморра», и носит совершенно иной характер».

Покусывая ногти, я погружаюсь в раздумья.

Уличные хулиганы, напавшие на меня в Испанском квартале, назвали Марка гуарро. Тогда я пропустила это мимо ушей, посчитав каким-то ругательным словом на местном наречии. Я бы и сейчас пропустила его, если бы не следующий абзац.

«Это слово происходит от испанского гуаро, что означает „смелый, изысканный и хвастливый мужчина“, что в свою очередь, возможно, происходит от латинского varra. Однако это слово также могло возникнуть при „Гардунье“, криминальной организации в Испании. „Гардунья“ состояла из гуаро — превосходных фехтовальщиков, отчаянных наемных убийц и преданных своим убеждениям бандитов».

Фехтовальщики. Они были бойцами и фехтовальщиками. Читаю дальше:

«Гуаппо необязательно является членом „Каморры“. Он также, что особенно примечательно, является важной персоной на территории Неаполя, отличается внешностью денди и хвастливой манерой поведения. По стилю одежды гуаппо можно разделить на „простых“ и „из высших слоев общества“. Первые предпочитали экстравагантные наряды, а последние одевались у лучших портных Неаполя».

Подходит ли Маркус под это описание? Пожалуй, да. Нет, скорее всего, нет. Или да? Маркус Роскаррик не похож на честолюбивого денди, глуповатого, хвастливого, одетого с иголки героя района. Он истинный аристократ, с изысканным вкусом в одежде, но без всякого хвастовства или наигранности. Настоящий английский граф, в моем представлении, конечно. И одевается как англо-итальянский лорд, кем он собственно и является.

Тем не менее подростки определенно сказали ему: «Guарро».

Голова разрывается на части!

Бросаю книги и тяжело вздыхаю. Мне еще читать и читать — про «Мафию», «Ндрангету», клятвы, тайные встречи, обряды инициации, — но все это еще больше запутывает меня.

Подождет до завтра, в дверь уже стучится Джессика:

— Икс! Ты встала?

— Угу...

— К тебе посетители.

Просовываю ноги в шлепанцы и шаркаю к двери. Джессика оживленно указывает в сторону балкона, мы обе выходим на теплый солнечный воздух.

— Посмотри.

Опускаем головы. Возле нашего дома припаркован небольшой серебристый «мерседес» спортивной модели. Рядом с ним стоит молодой красивый мужчина с сигаретой, в элегантном черном костюме, черных туфлях и солнцезащитных очках. Почти униформа.

— Он случайно позвонил мне, — говорит Джессика. На ней белое платье мини, скромное и соблазнительное одновременно. — А он сексуальный, да? Ему бы играть в «Крестном отце», в том, где снимался Де Ниро. — Подруга смеется. — Сказал, что его зовут Джузеппе и работает он на нашего Лорда Совершенство. — Пока Джессика трещит, смотрю вниз. — Может, мне перепадет совсем-совсем-совсем немного amorevole [49]с ним.

— Джузеппе? Мне кажется, я встречала его раньше...

— Это мило. Что ж, он говорит, ему нужно тебя увидеть.

— Но...

— Полагаю, он твой личный шофер, солнышко.

— Но...

— Прекрати возражать! Там внизу сам Бог Секса. На «мерседесе».

Смотрю вниз на машину и водителя.

— Джузеппе! — зову я.

Он поднимает голову и улыбается. Точно, теперь я узнаю его. Он первым пришел ко мне на помощь в Испанском квартале.

Джузеппе вновь улыбается, обворожительно, а затем грациозно и забавно кланяется и показывает в сторону машины, словно лакей в напудренном парике, который приглашает меня сесть в карету где-нибудь в Австро-Венгерской империи году этак в 1765-м.

— Эй! Смотрите-ка на нашу Золушку! — нараспев произносит Джессика, совершая танцевальное па и показывая сначала на меня, а потом на потолок. — Осторожно, не превратись в тыкву.

— Буду избегать хрустальных туфелек.

Подруга надувает губки, а потом вновь поет.

— Джесс, — говорю я, — почему бы тебе не спуститься со мной? Пойдем проверим, что все это значит.

Через две минуты мы стоим на тротуаре. Джузеппе снова кланяется, улыбается и говорит на неожиданно хорошем английском:

— Здравствуйте, мисс Бекманн.

— Привет.

Очередная лукавая и ослепительная улыбка. Джесс бормочет себе под нос: «Роскошнозавр Рекс!»

— Я весь к вашим услугам, — объявляет мне Джузеппе. — Если вам понадобится куда-нибудь съездить. Приказ лорда Роскаррика.

И снова я в растерянности:

— Но почему?

— Потому что таков приказ. Если хотите, можете сами сесть за руль, мисс Бекманн. — Джузеппе трясет ключами.

— Но...

Я ошеломленно смотрю на красавицу-машину Марка, которую он, очевидно, решил предоставить мне на время. Она почти близняшка его серебристо-синего спортивного «мерседеса», может, чуть поменьше.

— Джузеппе, я не могу. Вдруг я ее поцарапаю. Неаполитанское движение и все такое... вы же понимаете.

Джузеппе делает ко мне шаг и вкладывает ключи в мою ладонь.

— Нет, вы не понимаете, мисс Бекманн. Это ваша машина!

— Что?

— Ваша. Целиком и полностью. Подарок от лорда Роскаррика. — Джузеппе отступает, снова учтиво кланяется и продолжает: — Вы можете оставить ее себе. Можете отправиться на ней в Рим или хоть в Москву, а можете и не ездить. Как пожелаете. — Джузеппе резко поворачивается и устремляется по виа Санта-Лючия в сторону моря.

вернуться

49

Здесь: любви (*ит.*).

Я глупо открываю и закрываю рот, словно выброшенная на берег рыба. Пялюсь на этот великолепный автомобиль.

Моя машина?

Джессика тоже с восхищением глядит на роскошный «мерседес».

— Спортивный «мерс»? — наконец произносит подруга. — Он подарил тебе именно спортивный?

— Знаю, знаю.

— Это, черт побери, оскорбление, — хмурится она. — Всего лишь «мерседес»?

Теперь она хихикает. Я присоединяюсь к ней.

Напускаю на лицо задумчивое выражение.

— Возможно, мне придется рассердиться на него, — говорю я. — Сказать, что не приму ничего меньше «бентли».

— Или «ламборгини». С леопардовыми чехлами.

Мы обе хохочем.

— Похоже, я не смогу принять этот подарок.

— Что? Почему нет? — снова дуется подруга.

— Джессика, подумай сама. Это же «мерседес». Неправильно так поступать.

— Икс, погоди. Не торопись. Давай все обдумаем. — Она переводит дыхание и продолжает: — Итак, мы все обдумали. Ты обязана оставить машину себе, и мы сейчас же едем кататься.

Пару секунд я размышляю. Уверена на все сто, что откажусь от подарка. Это уже слишком, перебор. Но может, прокатиться разок? Всего лишь один день веселья. Затем я ее верну.

— Я не оставлю машину себе.

— Правда?

— Да. Правда.

— Хорошо... — кивает Джессика. — Ладно, может, так и лучше. Знаешь что? Давай я присмотрю за ней? Передам в женский монастырь, клянусь.

— Но мы могли бы прокатиться на ней, всего лишь раз.

Джесс ударяет кулаком в воздух.

— Ура! Но куда поедем? — спрашивает она, состроив задумчивую рожицу. — Куда же? Амальфи? Позитано?

— Нет. Можем наткнуться на маму. Как я объясню ей появление шикарной машины?

— Понимаю, — кивает Джессика. — Тогда поехали в Казерту. Там огромный дворец...

— И самый большой сад в мире, да?

— Всегда мечтала там побывать. В путь, Золушка. Езжай как ненормальная!

Забираемся внутрь. Я с опаской вставляю ключ в зажигание. Джессика тут же берется за навигатор и вбивает пункт назначения. Я сижу за рулем, с потрясением и трепетом глядя на приборную панель.

Раньше я не водила спортивных машин, как, впрочем, и «мерседес». И тем более никогда не сидела за рулем новенького спортивного «мерса» среди наполненных хаосом улиц Неаполя, где машины соревнуются в скорости, как колесницы, где кругом потрепанные «фиаты» и не менее потрепанные «альфа-ромео», где теснятся мусорные грузовики, которые никогда не собирают мусор, и зловещие лимузины с очень затемненными задними стеклами.

Я все же поворачиваю ключ и отъезжаю от дома. И хотя я чуть не сбила пожилую даму около

Скампии и едва не въехала после веселого обеда напрямик в стеклянную витрину «Суперо супермеркати» вблизи Марчанизе, мы наконец добираемся до дворца Казерты.

Однако это известное здание восемнадцатого века нас совсем не впечатлило.

Его называют Версалем Италии времен правления Бурбонов, и все же — впрочем, как и Версаль — оно слишком большое. Грандиозные мраморные ступени так же бесконечно устремлены вверх, как лестницы из кошмаров. Ведут они в огромные гулкие комнаты, наполненные меланхолией и пустотой. Гигантские окна выходят на убогие улицы Казерты. А сады и впрямь громадные — до головокружения. Кажется, им нет ни конца ни края. Они скорее пугают, чем вдохновляют.

Мы безвольно стоим там, крохотные среди этого размаха, как лилипуты. Джессика читает путеводитель:

— «Во дворце где-то тысяча двести комнат, включая два десятка парадных покоев, огромную библиотеку и театр, сделанный по образу и подобию театра Сан-Карло в Неаполе».

— Тысяча двести комнат?

— Тысяча двести, — подтверждает Джессика. — «Население Казерты Веккья [50]переселили ближе на десять километров, чтобы обеспечить дворец рабочей силой. Фабрика шелка Сан-Леучио была спрятана в качестве павильона на невероятно громадной территории парка».

— В этих садах можно спрятать весь Нью-Йорк.

Джессика кивает и устало вздыхает. Вдвоем мы смотрим на бесконечно длинный путь наверх, ведущий к фонтанам вдалеке. Возможно, они величиной с пирамиду, с такого расстояния сказать сложно. Джессика читает дальше:

— «Дворец Казерты использовался как съемочная площадка некоторых фильмов. В тысяча девятьсот девяносто девятом году он появился в „Звездных войнах. Эпизод первый: Призрачная угроза“ в качестве королевского дворца королевы Амидалы на планете Набу».

— Набу? Кто бы мог подумать? Мы на Набу! — устало смеюсь я. — Идем, Джессика. Пора домой.

Так мы и поступаем. К вечеру настроение мое заметно ухудшается. Когда мы преодолеваем полпути до Неаполя, небо становится пасмурным, грозовые тучи плывут мимо восходящей луны. Машины двигаются мучительно медленно. От избытка времени я изумленно пялюсь из окна на костры, точками выделяющиеся среди почти сельской местности, — костры на окраине неухоженных поселков, костры рядом с обшарпанными старыми фабриками.

— Какого черта? Что здесь творится?

Я машу в сторону потрескивающих на прохладном вечернем воздухе костров.

Кивнув, Джессика зевает:

— Никогда не видела этого раньше?

— Нет.

Она устало потирает лицо и говорит:

— Это «Каморра» — они сжигают мусор, незаконно. Токсичные отходы, отбросы с фабрик, все, что угодно. Жгут ночью. Повсюду на чертовых окраинах Неаполя. Некоторые называют это треугольником смерти.

— Отлично! И почему?

— Из-за нелегального сброса мусора и сжигания ядовитые отходы попадают в систему водоснабжения. Здесь самый высокий уровень заболеваемости раком по Италии — это треугольная зона, где особенно активно действует «Каморра».

Движение немного ускоряется, и мы проезжаем мимо очередных кострищ. Ошарашенно смотрю на адский пейзаж раздуваемого пламени на фоне темного неба.

Удивительно, но этот пейзаж по-своему прекрасен: горящие в ночи костры, залитые лунным светом пальмы и заброшенные бетонные пригородные поселки, белые, как кости. Красота и уродство в одном. Будто красивый мужчина с жестокими наклонностями.

На следующей неделе Марк Роскаррик везет меня на Капри.

16

— Марк, я не могу этого принять.

— Почему?

— Это уже слишком. Я будто содержанка. Домашняя зверушка.

— Самолет бы тебе больше понравился?

Я смотрю на Марка и вижу, что он в шутливом настроении. Я, напротив, даже не улыбаюсь. Мы сидим в «моей» машине, которая сейчас стала «его» машиной. Припаркованы мы на Вомеро, одном из холмов с панорамой всего Неаполя — с зелеными квадратами садов, высокими стенами с камерами видеонаблюдения и мусором, который наконец-то вывозят.

— Марк, я и так вся твоя, ты же знаешь. Мне просто не нужно это! — Поморщившись, я указываю в сторону приборной панели, будто на что-то омерзительное, но сидящая внутри меня Алекс-шлюха кричит: «Оставь ее, оставь себе чертову машину!»

— Как насчет квартиры? Я могу купить тебе хотя бы квартиру? — спрашивает Марк. — Я мог бы купить для тебя... апартаменты Диего Марадоны, раньше он жил здесь, разве не здорово? Санта-Лючия слишком уж... вровень с морем, — смеется он.

Наверное, шутит.

— Мне не нужна квартира!

— Ну хорошо. Бриллианты. Рубины. Все изумруды Кашгара.

— Марк, прекрати меня дразнить.

— Но мне нравится тебя дразнить, *riccolina*. Ты морщишь свой миленький носик, как непослушная девчонка, и тогда выглядишь такой... ах...

— Созданной для порки?

— Ай-ай, dolcezza [51], не искушай меня. — Он сжимает мое колено.

— Марк...

Он одновременно хмурится и улыбается. Затем смотрит на мои голые ноги, еле прикрытые синим мини-платьем. Снова сдавливает колено. И тихонько смеется, обнажая жемчужные зубы.

Марк одет в бледно-серый костюм с бледно-голубой рубашкой и бледно-желтым галстуком, все утонченно- бледного оттенка, за исключением его загорелого лица, щетинистого подбородка и черных завитков волос, которые так меня волнуют. Сегодня суббота. И я пытаюсь вернуть Марку машину, но он настаивает еще разок прокатиться, перед тем как я приму окончательное решение.

вернуться

50

Старая Казерта.

вернуться

51

Здесь: сладкая (*um.*).

Я по-прежнему твердо настроена не оставлять машину себе. Мои опасения насчет такого подарка усугубились ужасной поездкой в Казерту, где в трущобах властвует «Каморра», а еще обратной дорогой мимо окольцовывающих город кострищ, сквозь Треугольник Смерти, бесплодные земли, загубленные мафией, круги мафиозного ада.

Полагаю, надо поделиться этим с Марком, или же он решит, что я просто капризничаю.

Так я и поступаю. Рассказываю ему о поездке с Джесс в Казерту. Его красивое лицо мрачнеет все сильнее, пока не искажается гневом.

— Cornuti! [52]— выплевывает он это слово — ругательство в адрес гангстеров.

Говорю ему, что это напоминало «Божественную комедию» Данте. Будто мы ехали сквозь круги ада.

— ...где в Преисподней — холод и пламя, — говорю я.

Марк кивает и отворачивается от меня, глядя в окно перед собой.

На безупречном итальянском он произносит:

— «Non isperate mai veder lo cielo: i'vegno per menarvi a l'altra riva, ne le tenebre etterne, in caldo e 'n gelo». — И пожимает плечами. — Обожаю эту песнь: «Забудьте небо, встретившись со мною! В моей ладье готовьтесь переплыть к извечной тьме, и холоду, и зною» [53]. — Опять пожимает плечами. — Холодно. Очень холодно. Это хорошее описание Кампании под властью

«Каморры». — Затем он слегка стыдливо склоняет голову, но вдруг поворачивается и пристально смотрит на меня — его голубые глаза холодны, как металл. — Ты и вправду считаешь меня camorrista?

Я совершенно теряюсь.

— Нет, конечно нет, но...

— Но — что, Икс? Что? Отчасти поэтому ты хочешь вернуть машину? Думаешь, она куплена кровью и насилием, на деньги, пришедшие от всех мертвых наркоманов Скампии?

— Нет, Марк, я лишь...

— Хочешь увидеть, как я зарабатываю деньги? Хочешь?

— Ну...

— Хочешь?

Не мигая, смотрю ему в глаза:

— Да.

— Отдай ключи. От моей машины. — Его голос напряжен и наполнен злостью.

Я встаю из-за руля, и мы меняемся местами. Марк заводит машину и несется вниз по спуску со скоростью около 150 километров в час. Camorristi он или нет, но ему ничего не стоит нарушить дорожные правила.

Где-то секунд через шесть мы залетаем на задний двор Палаццо Роскаррик. Марк выдергивает ключи из зажигания и передает их слуге, который тотчас же паркует «мерседес». Я еле успеваю за Марком, надменно шагающим в свой палаццо.

Еще ни разу не видела лорда Роскаррика таким разъяренным. Его лицо мрачное, шаг быстрый и решительный. Мы пересекаем несколько коридоров этого чудесного, сурового и красивого палаццо, будто идем через надоедливый торговый центр. Затем перед нами возникает дверь, Марк резко открывает ее и проталкивает меня внутрь.

Здесь приглушенный свет и пахнет кедром и кожей. На огромном металлическом столе стоят компьютеры. Стены серые и почти ничем не украшены, за исключением парочки абстрактных фотографий, если я не ошибаюсь, Ги Бурдена [54]— с намеком на эротику, сюрреалистические, волнующие. Этого маленького штриха хватает, чтобы разжечь мое воображение и отвлечь от более насущных проблем.

— Смотри, — грубо говорит Марк. — Вот чем я занимаюсь.

Он указывает на два дорогих изящных ноутбука, стоящих на столе. Подхожу ближе. На ярких экранах рядами и колонками высвечиваются каскады цифр, они постоянно мигают и изменяются, вспыхивая красным, черным, серым — мозаика из целых чисел. По обе стороны от колонок появляются символы.

— Не понимаю.

Марк подходит ближе и указывает на ноутбук:

— Я играю на бирже. Прямо сегодня, этим утром, я спекулирую на крохотном расхождении в фьючерсах канадского доллара по отношению к размеру процентной ставки на десятилетние казначейские облигации.

— Что?

— Канада торгует сырьевыми товарами. Во времена нестабильности люди подсознательно тянутся к сырьевым товарам: нефти, углю, железу, сланцу, золоту. Если ситуация ухудшится, они вернуться к казначейским облигациям.

— Значит, ты ведешь внутридневную торговлю? [55]

— Именно так. Хочешь посмотреть, как я это делаю? Ничего особенного. Будто игра на клавиатуре.

Он выдвигает ультрасовременное кожаное кресло, садится и щелкает на экран. Потом набирает какие-то цифры и пароли и внимательно смотрит на ряды целых чисел, которые теперь яростно вспыхивают красным и черным, будто их потревожили, — как крохотные существа, обеспокоенные появлением хищника и посылающие сигналы бедствия. Пальцы Марка мастерски бегают по клавиатуре. И впрямь будто игра на клавиатуре. Я словно наблюдаю за Иоганном Себастьяном Бахом, исполняющим свою кантату на церковном органе.

И это очень сексуально. Меня всегда возбуждают мужчины, занятые делом и отдающиеся ему с профессионализмом и страстью. Будь это фермерство, археология или фигурная стрижка деревьев. Главное, что его выполняют на совесть. Наверное, это мой природный инстинкт. Я лишь однажды истинно воспылала желанием к Зануде-Математику: когда он быстро и ловко решал уравнения. Сам. Тогда мне захотелось поцеловать его. А прямо сейчас мне не терпится, чтобы Марк поимел меня.

Изо всех сил стараюсь не признаться ему в своих тайных желаниях.

— Итак, — говорю я, глядя на вихрь цифр, мигающих красным и розовым. — Что изменилось?

Марк отодвигает кресло назад и пожимает плечами:

— Думаю, только что я заработал шестнадцать тысяч долларов. А вот какой-то брокер в Лондоне отправится сегодня домой в скверном настроении.

— И тебе от этого хорошо?

— Да, — отвечает Марк. — Но не так, как раньше. Это... капитализм. Таков мир. Таково положение вещей. Что мы можем сделать? И это чуточку безопаснее, чем мое прежнее занятие.

Вот так заявление!

А я стою здесь в своем убогом синеньком платице перед миллиардером, желающим подарить мне машину.

— И чем же ты занимался раньше, Марк?

— Импортом китайских товаров в Кампанию и Калабрию. Платил местным авторитетам приличные деньги и наблюдал за тем, чтобы не было отмывания средств, взяток или откатов. Я

нанял крепких парней для защиты своего бизнеса. Таким образом я подорвал деятельность дешевых фабрик «Каморры» на севере и востоке Неаполя. Заработал уйму денег и рассердил не одного члена «Каморры» и «Ндрангеты». Они хотели убить меня. Но мне было наплевать. Я и сам рассердился не на шутку.

Он встает и, скрестив руки в защитной, а вовсе не властной манере, смотрит на меня.

— Почему? — спрашиваю я.

— Когда я повзрослел, Икс, моя семья по-прежнему была благородных кровей, однако без гроша в кармане. Обедневшие аристократы. Многие десятилетия, даже века повсюду царствовал упадок, а этот дом, — взмахивает рукой Марк, — разваливался на части, от него остались чуть ли не руины. Так же обстояли дела с имением в Тироле, поместьем в Англии. Роскаррики были обречены. Палаццо выставили на продажу, вся история моих предков едва не попала на аукцион. Я взбесился, как может взбеситься восемнадцатилетний юноша, дошел до белого каления. В душе я хотел стать художником, архитектором, но у меня не было выбора. Так что, как только смог, я занялся бизнесом. Я вознамерился вернуть нам былое богатство, чего бы мне это ни стоило, спасти знатное старинное имя Роскарриков. Так я и сделал. И вот что получилось. Я нажил себе врагов, но заработал кучу миллионов. — Его голос повысился на октаву. — И когда пришло время — до того как «Каморра» и «Ндрангета» пристрелили бы меня, — я вышел из бизнеса по импорту и вложил все состояние в компьютеры. — Он указывает на ноутбуки с неким пренебрежением или даже презрением. — Теперь все проще простого. Будто я построил виртуальный идеальный механизм. Мне всего лишь нужно дернуть за рычаг, чтобы смазать машинным маслом гудящий мотор, и каждый день механизм будет приносить деньги.

Комната погрузилась в тишину. На экранах сверкают алым и черным целые числа.

вернуться

52

Рогоносцы! (ит.)

вернуться

53

Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад. Песнь 3. Перевод М.??Лозинского.

вернуться

54

Ги Бурден(1928-1991) — известный французский фотограф. (Прим. ред.)

вернуться

55

Внутридневная торговля— торговые операции на фондовой бирже, совершаемые в течение одного дня.

— Марк, я все равно не приму машину. Может, отдашь ее бедным?

Неожиданно для меня он смеется:

— Кто знает, вдруг однажды ты примешь ее.

— Скорее всего, нет. Мне нужен ты, а не твои деньги.

Марк приближается ко мне и обвивает руку вокруг талии. Целует в шею. Волны удовольствия тотчас же каскадом обрушиваются на меня, словно циферки на экране компьютеров — красные и розовые. Ах, Марк, поцелуй меня снова.

— Справедливое замечание, — вдруг отстраняется он. — Но нам правда придется обновить твой гардероб. Хватит с нас «Зары». На этот раз я не позволю тебе отказаться.

Пытаюсь не покраснеть. Я даже не думала, что он замечает, какие платья я ношу.

Но мое желание купить новую одежду вполне искреннее. Я смогу обойтись без шикарной машины, но если лорд Роскаррик хочет водить меня по таким роскошным местам, как Капри, и впрямь нужны подходящие наряды. Правда. Значит, пускай Марк мне их предоставит. Сама я просто-напросто не осилю поход в дизайнерский магазин.

Как раз этим мы и занимаемся.

Следующие шесть часов мы блуждаем по благоухающим, роскошным, сияющим бутикам Кампании в минималистском стиле, магазинам с огромными окнами и миниатюрными мотками первоклассного шелка и кашемира, магазинам с огромными свободными пространствами и продавщицами, похожими на заскучавших супермоделей, магазинам, в которые я еле отваживаюсь ступить, где вздрагиваешь при виде ценника и думаешь, что запятая стои^т явно не на том месте.

А слова! Все эти чудесные слова обволакивают меня, как мед: Прада, Бланик, Феррагамо, Барберри, Армани, Шанель, Гальяно, Версаче, Диор, Ив Сен-Лоран, Маккуин, Баленсиага, Дольче и Габбана. Слова, слова, слова...

Стопроцентный гофрированный шелк-паутинка тутового шелкопряда; утонченный норковый мех на замше, раскроенный по косой; новинка сезона — коротенькие пиджаки, вручную расшитые бисером; бесконечные вереницы платьев — лиловые, вишневые, кремовые, полуночно-синие, как неаполитанское небо, юбки, брюки, мини-юбки и целые охапки полупрозрачного шелкового дамского белья; бархатные топы с высоким горлом и баской; туники с принтами сицилийских апельсинов; туфли лодочки от Мэри Джейн нежно-розового цвета, Джимми Чу, Джимми Чу, Джимми Чу.

Позади нас коробки, впереди сумки. В какой-то момент Марк меняет кредитку и вызывает вторую машину. Нужно отвезти столько всякой одежды и обуви, что это просто сумасшествие. И теперь высокомерные девицы из дорожных магазинов смотрят на меня с завистью и восхищением, словно на будущую королеву Англии. А я до ужаса, до безобразия счастлива.

— Я хочу, чтобы ты была самой собой, — говорит Марк. — А еще хочу, чтобы ты выглядела так,

как того заслуживаешь.

Он берет мою руку и целует кончики пальцев. Мы выходим из последнего магазина и прыгаем в «мерседес». Я достаю свои новые солнцезащитные очки за 400 долларов и становлюсь молодой и счастливой Джеки Кеннеди. Под ярким палящим солнцем едем ко мне.

Мы оба знаем, что будет, когда машина остановится. Нас охватывает эротическое напряжение, как надвигающаяся буря. Марк целый день видел меня в одежде и без нее, голышом в раздевалках и топлес перед зеркалами. Он любовался моим задом, грудями и тем, как я нагибаюсь в белье от «Ла Перла». И он желал, жаждал меня, но не прикасался. Пока что.

Теперь я знаю: он больше не может сдерживаться.

Как только дверь в квартиру отворяется, Марк теряет самообладание. Срывает с себя пиджак и заключает меня в объятия, в темницу своих рук. Наши губы находят друг друга — нет, скорее, сталкиваются. Языки яростно сражаются, я прикусываю ему губу, довольно сильно. Он не перестает целовать меня, целиком завладевая моим ртом. Но я хочу, чтобы он овладел мной полностью.

Я захватила с собой несколько покупок, поэтому всюду разбросаны пакеты, одежда, оберточная бумага. Но ничего из этого не имеет значения. Марк задирает платье, обнажая мое тело. Срывает бюстгальтер и сжимает соски, сильно, затем мягче, еще мягче, пока мне самой не хочется, чтобы он стиснул их сильнее.

— Сильнее! — кричу я.

Он обводит языком вокруг моего соска, а рука заползает в трусики. Добирается до промежности и моего алчущего клитора. Марк искусно проводит по нему пальцами, три раза, четыре, пять. Восхитительно! И так мастерски, нежно и сексуально дразнит меня. Мой мозг завлакивает опьяняющим дурманом. Как же я хочу этого мужчину! Нуждаюсь в нем. Лишь бы увидеть его обнаженное мускулистое тело, босые ноги, напрягшиеся мышцы. Срываю с Марка рубашку, по всей комнате летят пуговицы. Он смеется, я подхватываю.

Однако происходящее между нами очень серьезно. Как всегда. Секс с Марком озорной и в то же время глубинный, почти священный. Обожание и восхищение. Ох, это тело! Боготворю тебя.

Прильнув к Марку, я целую упругие, крепкие мускулы, идеальный и загорелый рельеф грудной клетки и ребер, ощущаю на губах свежий, терпкий вкус. Затем опускаюсь на колени и расстегиваю ему брюки. Его мужская плоть твердая, длинная и возбужденная. Обхватываю ее губами и посасываю.

Ласкаю Марка ртом, восхищаясь его достоинством, глажу рукой и не перестаю сосать. Мне хочется довести моего дорогого лорда, но в то же время и не хочется. Коленки побаливают на жестком полу, неприятные ощущения смешиваются с удовольствием. И да, мне это невероятно нравится. Я кающаяся грешница, стоящая перед ним на коленях, обнаженная послушница. Ублажаю Марка своим ртом и посматриваю наверх, в то время как его теплые руки проводят по моим волосам, гладят их, затем сжимают в кулаках, чуть ли не вырывая с корнями, — слишком уж хорошо я работаю губами и языком, слишком резво. Он приподнимает мою голову и ласково шепчет:

— Нет, Икс, я не хочу так рано кончить.

Марк помогает мне встать на ноги и впивается в мой рот. Обхватываю руками его крепкий торс и возвращаю поцелуй с неменьшей страстью. Мы падаем на кровать, Марк чуть отстраняется, а затем резко разводит мои ноги в стороны. Я такая влажная, невероятно влажная. И я наблюдаю. И жду.

Мой страстный любовник скидывает с себя одежду и вновь предстает величественным героем. Вряд ли Марк это осознает, но он и впрямь напоминает древнего воителя, смелого и ловкого Зулу, юного Ахиллеса. А еще он само воплощение мужского возбуждения. Лорд Роскаррик немедля забирается на меня, я выкрикиваю его имя, но он закрывает мой рот рукой. И овладевает мною, еще раз и еще.

Меня трахает сам Марк Роскаррик, словно король, словно лорд. Да, сегодня мой лорд вернулся с войны и, не снимая своих высоких сапог, дважды удовлетворил меня.

Наши тела движутся в яростном танце страсти, уличной схватке с примесью любви. Его толчки сперва грубые, затем нежные, и снова грубые, нежные, и еще грубее. Марк еле заметно вздыхает от наслаждения. Я понимаю, он совсем близок к пику. Вижу, как напряглось его тело, но я огромная эгоистка и хочу кончить первой. Хватаюсь за его упругие накачанные ягодицы и притягиваю к себе, вжимая глубже в свое нутро, еще глубже между своих трепещущих бедер.

Ощущаю, как огромная плоть Марка наполняет меня. Посасываю его пальцы, что закрывают мой рот, соленые на вкус. Теперь он движется быстрее, ритмичнее. Большой палец находится в опасной близости от моего горла. Марк с силой придавливает меня своей мощной грудью, я вот-вот задохнусь.

Он резко выходит из меня и замирает. На одну мучительную секунду. Трется членом о мой клитор и снова вонзается между моих ног. Ох, как же хорошо, очень хорошо! Марк снова повторяет трюк с клитором. В моих висках от предвкушения стучит кровь. Кожа покрывается легкой испариной. Я закрываю глаза, позволяя удовольствию стекаться туда, где соединяются наши тела.

— *Carissima, carissima...*

Я не могу ответить, да этого и не нужно. Впиваюсь зубами в его плечо. Со всей страстью. И вновь Марк покидает мою влажную глубину, затем резко погружается в нее. С каждым разом он касается пульсирующего возбужденного клитора. Губами находит мой рот и заполняет его языком, заключает меня в крепкие объятия и снова подается вперед, на этот раз глубже прежнего. Ох, как глубоко, как восхитительно глубоко! Марк повторяет это три волшебных раза, не выпуская меня из объятий. Хватаю ртом воздух. Я почти лишилась дыхания, раздавлена, теряю сознание, чуть ли не смеюсь и в конце концов достигаю мучительного блаженства — оргазм столь яркий, жаркий и мощный, что причиняет мне сладкую боль.

17

У Маркуса Роскаррика есть собственный катер. Кто бы сомневался! Он глубоко-синего, как итальянское море, цвета и величественно покачивается на волнах возле причала Поццуоли, в пяти милях к северу от Неаполя.

В Поццуоли очень красиво. Здесь живут многие богачи Неаполя — в белых домах, что теснятся на скалистом утесе вокруг церкви с куполом и охряной черепицей. Сегодняшний вечер особенно мягкий и приятный. В небе серебристой дугой выгнулась луна, мириады звезд словно сияют на невидимом рождественском дереве. По береговой линии семьями прогуливаются изысканно одетые люди, едят *gelati* [56], смеются, сплетничают, приветствуют друзей.

Марк улыбается и подает мне руку. Я слегка неуверенно забираюсь в его катер.

— Готова, Икс?

— Наверное.

Я сажусь сзади, а Марк встает к штурвалу. Джузеппе отвязывает нас от причала и отталкивает судно от пристани. Мотор прерывисто рычит, Марк уверенно ведет катер, маневрируя между баркасами и яликами, лайнерами и рыболовными суденышками. И вот мы уже машем рукой Поццуоли и выходим в открытое море. Этим вечером оно темное и гладкое, как обсидиановое зеркало ацтеков.

И невероятно спокойное под мятежными сияющими звездами.

Воздух окутывает нас теплом. Я сижу в новом наряде от Армани — бархатном коктейльном платье — и восхищаюсь своими туфельками на высоком каблуке от Джимми Чу. Только потом мое внимание переключается на панораму. Море, луна, звезды, Марк Роскаррик. И я.

— Так тихо! — говорит Марк. — Невероятная тишина. Идеальная ночь для мистерий. — Катер замедляет ход, пока и вовсе не останавливается, покачиваясь на темно-синей водной глади под сиянием тысяч звезд. Марк что-то бормочет под нос: — «На море шторма нет. Высок прилив, луна меж побережий царит» [57].

Я узнаю этот стих. Молчаливо улыбаюсь. Теплый ветер ласкает кожу. Мы дрейфуем посреди Неаполитанского залива. Только он и я. Двое, мужчина и женщина. Два орудия в идеальном дуэте. Адажио Баха для двух скрипок.

Марк снова заводит катер. Слежу за ним с нескрываемым обожанием. Сегодня вечером он чрезвычайно красив: на нем восхитительный смокинг безупречного покроя, без каких-либо изъянов. Высокий и подтянутый, Марк выглядит как голливудский идол дневных фильмов на церемонии «Оскара» 1940-х годов. Сдержанный, привлекательный, в черно-белом наряде — идеальное дополнение к сопровождаемой им женщине.

На секунду мне становится любопытно: кто придумал самый первый смокинг? Может, кто-то действительно усердно размышлял и в итоге разработал такое великолепное сочетание черного и белого цветов? А может, это совершенство явилось со временем, претерпев изменения: теория эволюции Дарвина. Ведь именно в черно-белом смокинге мужчина выглядит лучше всего. А Марк в смокинге особенно мужественный, зрелый — «molto bello e scapolo».

Что за женщины были с ним на фотографии в «il West End di Londra»?

Он смотрит на меня, я возвращаю ему пристальный взгляд.

— Я словно монашка, Марк, — говорю я, — которая снимает с головы покров. Не так ли?

Он грустно улыбается, но ничего не отвечает, а продолжает вести катер сквозь шепчущие воды Неаполитанского залива. Впереди ожидают мистерии. Проходят минуты. Я нервничаю и радостно волнуюсь одновременно. В ночном небе проплывают чайки, как призраки в темноте, счастливо-печальные фантомы, исчезающие на черном полотне. Мне хочется побыстрее прибыть на место. Хочется, чтобы мистерии начались.

— Сколько еще до Капри?

— Примерно полчаса, — не оборачиваясь, отвечает Марк. — Можем поплыть быстрее, но ты слегка намокнешь и испортишь свой наряд.

— Марк, что меня ожидает?

— Pисcolina... Ты считаешь, я расскажу тебе сейчас, если не сделал этого раньше? Суть мистерий в таинственности.

Я вздыхаю и качаю головой.

— Но мне нужно знать кое-что, — настойчиво произношу я. — Если собираюсь продолжать.

— Хорошо... Что, например? — говорит он через плечо, по-прежнему направляя катер вперед.

— Ты сказал, что мужчина, прошедший полный обряд посвящения, не может вступать в серьезные отношения с женщиной, не завершившей инициацию.

— Верно.

— Почему только мужчины? Разве это не относится и к женщинам тоже?

Марк оборачивается с мрачным выражением лица:

— Для мужчин кодекс чести строже.

— Почему?

— Так было всегда.

— А если я захочу остановиться, Марк? — Я внимательно смотрю на него. — Если решу, что с меня достаточно, после второй или третьей мистерии?

— Тогда ты остановишься. Многие так и поступают. Они никогда не доходят до пятой. — Он дарит мне слегка виноватую улыбку. — Но если ты остановишься, это повлияет на наши отношения. Ты и сама знаешь. Мне разрешено быть с тобой на это лето, пока ты проходишь инициацию, но если ты остановишься до пятой...

— Мы больше не увидимся.

— Да.

Атмосфера становится гнетущей. Марк снова поворачивается ко мне спиной, под звездным небом направляя катер к Капри. Но у меня еще море вопросов.

— Почему вторая мистерия особенно важна?

— На ней ты принесешь свои клятвы. И будешь официально посвящена, на это лето.

— Официально? Марк, кто устанавливает эти правила? Кто всем заправляет?

— Боюсь, это...

— Тайна. Конечно! — Я слегка улыбаюсь, но мое волнение не унимается.

Думаю о том, что мне предстоит. По телу пробегает дрожь, меня одолевает плохое

предчувствие. До нынешнего момента я была более оптимистично настроена насчет второй мистерии, но внезапно меня охватывает необузданный страх и дурные опасения. Но затем вспоминаю, что вопреки всем тревогам порка мне очень даже понравилась. Может, все будет захватывающе интересно? Нечто ломающее барьеры, как первая мистерия? Нечто важное и глубинное? Надеюсь, что так. И тем не менее я боюсь, все окажется слишком уж глубинным. Это изменит меня.

А я не хочу меняться!

По правде говоря, я хочу, чтобы все осталось как есть. Прямо здесь, прямо сейчас, как в этот превосходный июньский вечер, через шесть недель после нашей первой встречи. Мы с Марком на катере под сверкающими звездами Неаполитанского залива.

Время, остановись! Замри! Стоп!

— Почти приплыли... — говорит Марк, вытягивая руку и показывая на зубчатый силуэт острова Капри, залитого светом из окон домов.

Когда мы подплываем к острову, я запоздало понимаю, что мы не одни. Чем ближе наш катер к берегу, тем больше лодок я замечаю: маленьких, но дорогих круизных судов, яхт, роскошных катеров, как и наш. И все съезжаются в Капри. Похоже на эвакуацию в военное время, только наоборот.

— Твои собратья-дионисийцы, — произносит Марк и сбрасывает скорость. — Собираются на вторую мистирию.

Минуты через две наш катер становится на якорь, а мы поднимаемся на пристань. Встречают нас юноши в темных костюмах, наушниках и солнцезащитных очках — в девять вечера. В прибрежных рыбных ресторанчиках сидят туристы и с удивлением наблюдают за наряженными гостями мистерии, выходящими со своих яхт и катеров: за мужчинами в строгих смокингах и женщинами в роскошных платьях, в туфлях на высоком каблучке и со сверкающими драгоценностями. Они поднимаются в ожидающие их кареты, запряженные лошадьми.

Смотрю на других дионисийцев, а может, и новобранцев. Среди них как мужчины, так и женщины всех возрастов, от двадцати до семидесяти. Невозможно сказать, кто уже прошел обряд посвящения, а кому это лишь предстоит. Слышу обрывки разговоров на разных языках — много английского, кое-где французский и испанский, а еще русский. И китайский. И все выглядят чрезвычайно, невысказанно богатыми.

Впервые в жизни я, проходя мимо туристов с открытыми ртами, тоже чувствую себя богатой. Поднимаюсь в небольшую карету вместе с лордом Роскарриком. Да, глупо, но я красуюсь, показываю нелепое превосходство: только посмотрите на меня, на моего мужчину.

Ненавижу себя за это, даже за одну такую мысль. Правда, ничего не могу поделать: я действительно наслаждаюсь этой прогулкой по подиуму.

вернуться

56

Мороженое (*ит.*).

вернуться

57

Начало стихотворения «Дуврский пляж» английского поэта викторианского периода Мэтью Арнолда (1822–1888). (Прим. ред.)

— Они, наверное, думают, что мы идем на бал, — киваю я в сторону туристов.

Марк тоже кивает, но ничего не говорит, отчего я кажусь себе совершенно глупой.

Кони трогаются, ведомые легкими прикосновениями хлыста, а я стараюсь не задумываться, какая вечеринка меня ожидает. Единственное, что остается, — наслаждаться нынешним моментом. Будь что будет. Наша карета поднимается в гору, а я смотрю вдаль, через залив, на сверкающий огнями Неаполь. Он так красив и невинен на расстоянии. Я будто под гипнозом, слышу стук копыт позади и впереди, десятки карет доставляют участников второй мистерии на место.

Наш экипаж останавливается, и Марк помогает мне выбраться: как ребенка, поднимает на руки и ставит на землю. Теперь я точно знаю, где мы. Может, мое знание древней истории не слишком сильно, но я прочитала достаточно, чтобы понять. Мы стоим на северо-восточном мысе Капри, где в 30 году нашей эры жил император Тиберий и где он устраивал свои распутные кутежи. Император имел обыкновение лежать голышом в бассейне, а специально обученные мальчики ныряли под воду и ублажали его чресла. Император обожал эти водные развлечения, а мальчиков он называл своими «мелкими рыбешками».

Эта часть истории вызывает во мне тревогу. Может, вторые мистерии будут воспроизводить события мерзкого римского декаданса? Нечто жуткое и извращенное? И вновь коленки подкашиваются из-за страха перед предстоящим. Марк, очевидно, понимает мое состояние. Мы проходим сквозь огромные железные ворота, охраняемые по меньшей мере десятью мужчинами в темных очках и костюмах. Они проверяют документы Марка, он ободряюще пожимает мне руку.

— Courage, — по-французски произносит он. — Courage, ma chere [58].

— Марк, но я не понимаю. Как они получили разрешение? Здесь археологическое место, это словно арендовать Парфенон.

Мы идем следом за другими участниками мистерии вниз по дорожке, где слышится стрекотание цикад, к источнику света и музыки.

— Икс, это Кампания, — отвечает Марк. — Здесь при желании можно купить храмы Пестума.

— Но кто платит за все? Кто эти мужчины у ворот? Они вооружены?

— Пожалуйста, не паникуй. — Марк снова пожимает мою руку. — Расслабься и позволь, чтобы все произошло само собой. Такова суть мистерий. Ты не должна сопротивляться. А теперь... — Он улыбается мне с искренностью и сочувствием. — Теперь тебе нужно переодеться. Следуй за прислужницами.

Две молодые и симпатичные итальянки, одетые в белое, берут меня за руки. Уводят от Марка и

увлекают за собой к изысканным палаткам: роскошным и старинным шатрам.

Перед самым большим из них — что стоит ближе всего к величественным скалам, нависшим над темным Тирренским морем, — я вижу танцующие пары. Слышу звон бокалов и оживленные разговоры, музыку. Вполне нормальные звуки для элегантной вечеринки под открытым небом. Но мы идем в другую палатку — лиловую с бахромой, царственную. В ней есть что-то римское.

Внутри перед зеркалами и туалетными столиками стоят несколько молодых девушек. Их всех наряжают итальянские прислужницы в простых белых туниках.

Наверное, эти женщины — взволнованные и напряженные — тоже готовятся к инициации. Бросаю взгляд на их симпатичные лица, тронутые волнением. Девушки вскользь смотрят на меня и кивают.

Все мы чувствуем одно и то же.

— Пожалуйста, — говорит одна из прислужниц. Ее английский не на высоте, но жесты красноречивы. — Снять одежду.

Мужчин в этом огромном шелковом шатре нет. От подвешенных ламп идет мягкий свет, но я все равно смущаюсь. Вспоминаю слова Марка. Если я хочу остаться с ним — пускай на одно лето, — я должна делать то, что мне говорят. Должна успокоиться, подчиниться. Снова.

Я набираю воздуха в легкие и киваю. Девушки делают шаг вперед. Очевидно, они хотят помочь мне раздеться, но я отмахиваюсь от них. Никто не смеет прикасаться к моему безумно дорогому платью от Армани. Снимаю его сама и аккуратно складываю. Кажется, девушки меня поняли и позволили повесить платье на вешалку. Следом снимаю белье, пока не остаюсь в чем мать родила. Даже не могу взглянуть на других претенденток на посвящение, слишком уж я смущена. Тогда я сосредоточиваюсь на действиях прислужниц.

Они начинают суетиться над моим костюмом для вечеринки.

— Per favore, signorina?

Я заинтересованно слежу за ними. Меня одевают так, как никогда раньше.

Сперва берут полупрозрачные белые шелковые чулки и медленно поднимают вверх по ногам. К каждому прикреплена подвязка, чтобы они не спадали. Подвязки украшены золотыми бусинами и крошечными кремовыми жемчужинами: очень красиво, возможно старинная вещь. Мне подают туфельки с высоким подъемом, которые идеально подходят по размеру. На носках — миниатюрные шелковые бантики в стиле барокко, а каблуки высокие и массивные. Туфли восемнадцатого века. Щегольские и сексуальные.

Меня одевают как содержанку из восемнадцатого столетия. Как любовницу-фаворитку «короля-солнца».

— Хорошо, — говорит итальянка. — Стойте, пожалуйста.

Аккуратно и ловко она закрепляет на моей талии корсет. Ничего подобного раньше я не носила. Ярко-алого цвета, с замысловатой вышивкой. Ой, больно! Прислужница начинает зашнуровывать его — ту же и ту же. От такого давления мои груди приподнимаются и сходятся вместе, образуя глубокую ложбинку. Этот корсет как бандаж. Правда, не совсем. Он более

утонченный. Болезненный, но утонченный.

— Signorina, пожалуйста, сесть, делать волосы.

Отвлекаюсь от своих мыслей и смотрю по сторонам. Кажется, я единственная, кто остался в шатре. Остальных девушек одели и проводили на вторую мистерию.

— Сесть?

Я послушно сажусь на маленький золоченый табурет и смотрю в огромное зеркало в деревянной раме. Прислужницы возятся с моими волосами, завивают локоны, плетут косички, закалывают жемчужными шпильками и крошечными шелковыми бантиками. Несколько волнистых прядей спускаются по бокам. Мои невзрачные светлые волосы вдруг чудесным образом преображаются, становясь при этом освещении золотистыми.

У этих девушек явный талант. Они заканчивают работу, и я потрясенно пялюсь в зеркало. Любуюсь своим отражением. Я чуть ли не Мария-Антуанетта.

За исключением одной детали. От чулок с подвязками до золотой каймы корсета на мне абсолютно ничего нет. Идеально гладкий лобок, ягодицы, все самое сокровенное — на виду. Все обрамлено аксессуарами. Изящный старинный костюм стократно подчеркивает мою наготу там, внизу.

— А что там? — в панике спрашиваю я. — Где моя юбка, платье? Белье!

Прислужницы пожимают плечами и беспомощно улыбаются:

— Готово. Идти на вечеринку.

— Что?

Одна из девушек делает шаг назад и разводит руками:

— Красиво. Ты красивая. Закончили. Идти.

Идти?

Нет. Ни за что! Я не могу этого сделать. Не это! Даже таким теплым вечером я ощущаю холодок на голых бедрах. В десятке зеркал отражается моя задница, видимая для всех. От стыда хочется схватить хоть что-нибудь и прикрыть наготу.

Меня слегка пошатывает от нахлынувшего смущения. Девушки, сложив руки на груди, смотрят на меня. Так, значит, это и есть мой наряд: мне и впрямь придется выйти ко всем в такой одежде. Точнее говоря, без одежды от пупка до бедер. И все увидят меня.

Но ничего нельзя поделать. Я должна подчиниться. Прикрывая свое лоно, я подхожу к выходу из шатра. Прислужница откидывает шелковую ткань, вручает мне бокал шампанского и выводит наружу.

Я как во сне. Весь мир увидит мою голую задницу, все мои потайные места. Следую по освещенной фонарями дорожке к террасе перед шатром побольше. Там танцуют, пьют, разговаривают десятки нормально одетых людей. Я же голая от корсета до подвязок.

Музыка затихает. Все поворачиваются и смотрят на меня.

Сначала я так сильно смущаюсь, что хочу стыдливо спрятаться в кустах с цикадами.

Никто надо мной не смеется, не издевается, ни единой ухмылки, но все мое существо кричит, что так неправильно. И все же я иду вперед, в толпу, мимо элегантных людей с изящными бокалами шампанского. Они будто бы расступаются передо мной с немимым уважением.

вернуться

Смелей, моя дорогая (фр.).

Музыка возобновляется, и среди толпы я вижу других девушек, одетых точно так же, как и я! Это мои сестры, им тоже предстоит посвящение. Узнаю пару лиц. Я видела некоторых девушек в шатре. Их половые органы тоже на всеобщем обозрении — в искусном обрамлении старинных чулок, легкого шелка и сложной системы корсета, но все-таки у всех на виду.

Меня вдруг охватывает желание поговорить с кем-нибудь из них. Что они чувствуют? Что думают обо всем этом? Моя природная застенчивость сдерживает этот порыв, но тут я понимаю: Икс, какого черта? Ты расхаживаешь среди элегантно одетых богачей без трусов! И еще смущаешься завязать разговор?

В стороне от толпы замечаю одну девушку. Она стоит под свисающим с тамариска фонарем и держит в руке бокал золотистого шампанского. Девушка слегка склонила голову набок и словно бы наслаждается музыкой — довольно энергичный струнный квартет, лирическая мелодия с отчетливыми африканскими ритмами. Мне хочется пуститься в пляс, но не могу же я танцевать в таком виде! По крайней мере на трезвую голову.

Девушка — настоящая красавица, с длинными темными волосами, украшенными жемчужинами и серебряными шпильками. Передо мной будто Джессика, только повыше и с огромными глазами, а вот в манере держаться видны уверенность и ум, как и у моей подруги.

— Привет! — говорю я.

Девушка поворачивается и вопросительно прищуривается:

— Bon soir.

— Ой... Э... Простите, — краснею я. Почему я краснею именно сейчас? — Извините, я не поняла...

— Нет-нет. Все в порядке. Я француженка, но говорю по-английски. — Девушка загадочно улыбается. — Привет!

Я возвращаю ей улыбку.

Она опускает глаза на мою наготу без всякого стеснения, затем указывает на свои белые бедра и полоску черных волос.

— Ну и что ты думаешь насчет наших... исторических костюмов?

— Не знаю даже... — качаю я головой. — Они и в самом деле исторические?

— Да, — отвечает девушка. — Исторические. Так одевались при дворе Наполеона. Ты слышала когда-нибудь о фалбале?

Я медлю с ответом, потом слегка нервно смеюсь. Умная шутка. Насколько я знаю, фалбала — это нечто вроде оборки или рюшки, украшение для наряда, которое носили хорошенькие девушки в восемнадцатом — девятнадцатом веках, а может, воротник с обилием кружева. Но фалбала — самое лучшее описание наших «костюмов» на сегодняшний вечер.

Понимаю, что даже не спросила имени этой девушки.

— Кстати, меня зовут Александра. Или просто Икс.

— Привет, Икс. Я Франсуаза.

Мы пожимаем руки.

— Могу ли я поинтересоваться, — говорю я, — кто проводит твоё посвящение?

Франсуаза делает взмах в сторону толпы болтающих, пьющих, сплетничающих людей, которые после шампанского становятся ещё более шумными и оживлёнными.

— Даниэль де Кервиньяк. Француз, как и я. Но он банкир в Сити, мы живём в Лондоне.

— Твой парень?

— Да. Хотя ему сорок два, и парнем его уже не назовёшь. Скорее мой *amant* [59].

— Понятно, — киваю я и отпиваю шампанского.

Я вдруг осознаю, что мы ведем вполне обычный, непринуждённый разговор, хотя одеты как самые развязные шлюхи за всю историю. Очень странный контраст. Но менее странный, чем десять минут назад.

— А тебя кто привёл?

— Марк Роскаррик.

— Лорд Роскаррик? — Глаза девушки округляются. — Тот самый лорд Роскаррик?

— Да. А что? Ты его знаешь? Или что-то про него?

— Икс... — вежливо улыбается Франсуаза. — Могу я называть тебя Икс? Что ж, Икс, абсолютно все знают про Маркуса Роскаррика. Про «*molto bello*...

— ...e scapolo lord Roscarrick», — вздыхая и качая головой, добавляю я. — Ладно, поняла. Я все же читаю новости в Интернете. Для большинства людей он, наверное, знаменитость, — говорю я, глядя в карие глаза девушки. — Дело в том, что я из Калифорнии, и для нас европейские аристократы, точно футболисты. Мы ничего про них не знаем. Как про спутники Нептуна.

— Тебе же лучше, — улыбается Франсуаза. — Среда знаменитостей довольно гнилая. А вот твой лорд Роскаррик неплохая добыча — улов сезона. — Она подходит ближе ко мне и заговорщически шепчет: — И каков он в жизни? Он... э... немного опасен? Как про него и

говорят? И правда, что он такой удивительный?

— Прости?

— В смысле, — говорит она, ее губы слегка подергиваются, — я про его красавицу-жену и прочие слухи... Ой, прости меня. Я не должна об этом говорить. Слишком много болтаю. Тебе очень повезло. И к тому же мы сегодня должны быть загадочными и таинственными, верно? А сами стоим здесь с «Происхождением мира» [60] у всех на виду. — Она бросает взгляд на низ своего живота и добавляет: — Надеюсь, это того стоит. Бразильская эпиляция была не в меру болезненной!

Я снова звонко смеюсь. Однако смех мой слегка натянутый и нервный от переживаний. Что она имела в виду, говоря про Марка? Хочу расспросить ее, но нас прерывает голос, говорящий по-французски:

— Françoise, J'ai cherche pour toi [61].

Очевидно, это ее любовник. Он типичный красавец средних лет, с сединой в висках и широкими плечами. В своем первоклассном смокинге он просто излучает богатство и могущество. Но этот мужчина совсем не похож на Марка Роскаррика.

Француз учтиво кивает мне, его глаза лишь на секунду опускаются ниже моей талии. Нас представляют, и он пожимает мою руку, затем берет Франсуазу под локоть и уводит ее. Она оборачивается на ходу и дружелюбно смотрит на меня.

— Прощай, Икс, — говорит она через плечо. — Уверена, мы еще встретимся.

С минуту я размышляю над этим. Пожалуй, Франсуаза права. Если она этим летом участвует в мистериях, то мы наверняка встретимся. И я рада этому, потому что ощутила зарождающуюся между нами дружбу. А мне определенно нужен союзник. К тому же я хочу узнать, что Франсуазе известно про Марка. Хочу ли?

Я опустошаю бокал и внимательно слежу за удаляющейся Франсуазой.

Белые ягодицы манят красотой и сексуальностью, пока девушка шествует на высоких каблуках восемнадцатого века мимо нормально одетых для вечеринки людей. Я ожидала, что все будет выглядеть до комичности нелепо, но я ошибалась. Франсуаза выглядит величественно, блистательно, как великолепная арабская скаковая — породистая лошадь, которую выводят на площадку для скачек, не потехи ради, а для того, чтобы ею восхищаться. Она ловит на себе взгляды уважения и даже благоговения.

Вот в чем дело. Ее нагота, точнее полунагота, дает ей преимущество, власть. Франсуаза в центре внимания, она вызывает всеобщий восторг. Говорят, что полуголые мужчины смотрятся нелепо или, по крайней мере, неприглядно; полуобнаженные или полуодетые девушки, напротив же, приобретают таинственную и удивительную власть, особенно над противоположным полом. А в наших странных-престранных костюмах эта власть еще более подчеркнута. Усилена, словно классическая музыка, которую включили на полную громкость. Оглушает. «Происхождение мира» как-никак.

Черт побери! Я беру еще один бокал шампанского, что разносят на серебряных подносах прислужницы, и сама окунаюсь в толпу.

Что ж, это сработало! Я получаю в свой адрес то же уважение с примесью благоговения. Более

зрелые женщины бросают на меня завистливые и понимающие взгляды. Мужчины слегка кланяются, как дипломаты и придворные перед ее высочеством или даже величеством. Будь у них шляпы, они бы снимали их передо мной.

И все-таки здесь царит декаданс. Я понимаю это, оказавшись в толпе. Какая-то девушка легонько, словно ветерок, касается моего бедра. И снова, так что это не случайность. Мужская ладонь ложится мне на ягодицы и исчезает. Поворачиваюсь, чтобы посмотреть, кто это был, но я вовсе не встревожена. Может, я захмелела, но вся атмосфера не напряженная, а, напротив, игривая и — да, пронизанная эротикой.

В носу щиплют пузырьки от шампанского. Я пью еще. Мимо, задевая меня, проходят люди. Моего нагого тела касаются новые руки. Но я не против. Это даже хорошо, я действительно наслаждаюсь происходящим. Наконец я нахожу Марка — с тремя другими мужчинами. Он поворачивается и представляет меня, но я сразу же забываю имена, поскольку слегка пьяна. Мужчины — светловолосые англичане — целуют мою руку и на долю секунды задерживают взгляд на моем неприкрытом лоне в причудливом обрамлении. Но стыд уже испарился. Посмотрите на меня! Давайте же, смотрите! Рискните! Теперь я смеюсь и шучу вместе с Марком. Я сама насквозь пропиталась декадансом.

вернуться

59

Любовник (фр.).

вернуться

60

«Происхождение мира» — картина французского художника-реалиста Гюстава Курбе (1819-1877), которая долгое время воспринималась как художественная провокация и не выставлялась на протяжении более 120 лет.

вернуться

61

Франсуаза, я тебя искал (фр.).

Музыка становится громче. Теперь это оживленный вальс: усиленный колонками и подчеркнутый зажигательными языческими мотивами. Вальс — слава тебе, Дионисий! — единственный торжественный танец, который я знаю. Смотрю на Марка. Он берет меня за руку и ведет к широкой каменистой террасе с видом на море. И там мы танцуем среди прочих пар. Мы движемся в быстром ритме, моя голова у Марка на плече, а ладонь в его руке.

И сейчас я даже рада, что все видят нас: пускай смотрят, пускай делают что хотят. Ночь просто чудесная, прохладное шампанское, довольная и радостная луна, яркие, отполированные до блеска звезды. Марк кладет руку на мою поясницу, где тугое кружево притягивает корсет крепче к моему телу, приподнимая груди. Я благоухающая и невесомая.

— Ты выглядишь великолепно, — говорит Марк.

— Не смешно?

— Совсем нет, *carissima*. Напротив. Я очень горжусь.

— Почему?

Его ладонь спускается ниже по корсету и нежно сжимает ягодицы.

Я поднимаю взгляд на Марка. С притворной скромностью улыбаюсь и молчу. Мы оба делаем вид, что ничего особенного не происходит.

— Я видел, как многие другие женщины отступали на этом этапе. Вторая мистерия сложная.

Он снова сжимает мой зад. В лунном свете щетинистый подбородок Марка выглядит очень сексуально. Губы слегка приоткрыты. Он улыбается, поблескивая белыми зубами. Сжимай сильнее, Марк Роскаррик, сильнее.

— А что случается с мужчинами? — спрашиваю я. — В чем заключается их инициация?

Он пристально смотрит мне в глаза. Наши губы совсем близко друг от друга. Мы по-прежнему кружимся в танце на террасе, а Марк держит меня за ягодицы.

— У нас все иначе. Более жестоко. Может быть, даже... пугающе...

— Как?

— В другой раз, — отвечает он. — Не сейчас... Только посмотри на себя, ты как фарфоровая куколка. И лишь слегка странная.

Он убирает ладонь с моего зада и отступает, кружит меня одной рукой. Теперь это вряд ли похоже на вальс, скорее обычный танец, к которым я привыкла. Молодежный и произвольный. Немного дикий. Языческий. Близкий к сексу. С африканскими мотивами. Дионисийский? Люди в строгом наряде, танцующие в свободной манере, выглядят глупо, но здесь все вполне нормально: миллиардеры кружатся в танце с *princesse* на руинах виллы Тиберия, где раньше возвышался величественный мраморный дворец Йовис. Там пожилой римский император украшал свои благоухающие сады голыми мальчиками и девочками, притаившимися в нишах и альковах, восславляя божеств дикости и разврата, Пана, Эроса, Вакха.

Ночь продолжается. Я, кажется, выпила слишком много. Марк говорит, что все в порядке, что на второй мистерии все много пьют. Снова танцуем в обнимку. Он прижимает меня к груди, его рука проскальзывает между моих ног и легонько гладит меня там — всего раз. Но боже, это восхитительно. Марк шепчет, что здесь пьют в честь Диониса. А потом говорит что-то еще, но я уже не понимаю слов — я пьяна. К тому же я хочу, чтобы он продолжал ласкать меня, при всех. Хочу, чтобы довел меня до оргазма, при всех. Почему бы и нет?

И тут он внезапно останавливается. Я поворачиваюсь.

Все замерли. Музыка стихла. В чем дело? Марк хватает меня за руку и ведет через террасу. Теперь я замечаю своих сестер — пять девушек, явившихся сюда для инициации. Их тоже сопровождают мужчины. Мы вместе поднимаемся по деревянным ступенькам и подходим к пяти золоченым стульям, что стоят на мраморном подиуме над террасой с танцующими

людьми.

Воцаряется тишина.

— Сядь, — тихо шепчет мне на ухо Марк.

Я послушно усаживаюсь на стул. Снова до меня доносится стрекотание цикад. Что происходит? Я оглядываюсь и вижу слева от себя Франсуазу, рядом с ней стоит Даниэль. Она рассеянно смотрит на меня. Выдавливает из себя улыбку. Девушка будто лишилась былой уверенности.

Молодой мужчина в темном костюме зачитывает свиток. Толпа притихла, наблюдая за происходящим и внимательно прислушиваясь. Все слова на латыни. И тут меня осеняет: момент настал. Это сцена с фресок в Помпеях: мужчина читает манускрипт и объявляет о посвящении пяти девушек в мистерии Диониса.

— Quaeso, Dionysum, haec accepit mulieres in tibi honesta mysteria...

Мужчина замолкает. Собираюсь подняться, но Марк наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

— Сиди, Александра, не шевелись.

Я жду. К нам возвращаются прислужницы. На этот раз одна из них держит в руках некий инструмент — из серебристого металла, смутно напоминающий пистолет. Что-то медицинское? Сквозь алкогольное опьянение и нарастающую панику я пытаюсь сосредоточиться. Что это такое?

Марк наклоняется ниже:

— Спокойно, Икс, спокойно. Позволь этому произойти.

Ко мне обращается итальянка:

— Раздвиньте ноги, пожалуйста.

— Нет.

— Пожалуйста.

— Нет.

— Пожалуйста!

Я нехотя повинуюсь, мозг мой моментально трезвеет. Теперь я отчетливо понимаю, что собираются делать девушки. Я уже вижу, что происходит с Франсуазой по соседству со мной. Прислужницы сделают мне татуировку. Посвящение в мистерии навсегда отпечатается на моем теле. Даже если я остановлюсь, то отметка останется со мной на всю жизнь.

Но я должна сделать это. Правда? Тянусь к руке Марка и сжимаю ее. Очень крепко.

Все смотрят на нас. Я зажмуриваюсь. Стыд вновь вернулся. Чувствую укол боли между ног.

О господи!

Прислужницы уже приступили. И это довольно болезненно, но больше всего меня угнетают

стыд и сомнения. Я не люблю татуировки — никогда не любила, и даже в мыслях у меня не было сделать одну себе. Все постоянное нервирует меня. А теперь какие-то непонятные девушки делают мне татуировку на внутренней стороне бедра, причем на виду трех сотен незнакомых богачей, которые не один час любовались моей наготой. Хочется заплакать. Больно. И ужасно неправильно. Я больше не пьяна. Марк крепко сжал мою руку, но это не помогает.

— Нет... — говорю я. — Я не...

Ватными тампонами девушки стирают капельки крови. Татуировка завершена, но стыд никуда не исчезает.

Шампанское быстро выветривается из головы. Я унижена до предела, кажусь себе смущенной и глупой. Это отвратительная и безобразная церемония. Какая же я дура: меня заклеямили на веки вечные, как скотину.

— Морфей! — кричу я. — Морфей!

И это действует. Все замирают. Но уже слишком поздно, инициация завершена, на бедре красуется татуировка. Ненавижу себя за глупость. Выдергиваю руку из ладони Марка, встаю со стула и убегаю прочь от толпы и музыки. Мчусь в оливковую рощу, прикрывая от позора лицо руками. Останавливаюсь на вершине утеса, полянке, освещенной луной и звездами.

Сажусь на теплый камень и несколько раз всхлипываю. Затем ощущаю нечто влажное. В ужасе смотрю на внутреннюю сторону бедра: по белой коже бежит алая струйка крови.

19

В водной глади отражается огромная меланхоличная луна, оставляя на мелкой ряби серебристую дорожку. Оливковые деревья о чем-то шепчутся на легком ветерке, а я вся дрожу, сидя на гладком камне, смущенная, подобно Еве, своей наготой. Мне нужен фиговый листок. И какая-нибудь подстилка. Мне совсем не смешно. Все кругом омерзительно. Я даже не могу смотреть вниз. На свою новую татуировку.

— Carissima. — Это Марк. — Икс, я искал тебя. — Он поднимает в воздух парусиновую сумку. — Принес тебе кое-что из одежды и выпить.

Я смотрю на него и бормочу:

— Но, Марк, Марк... Я не могу...

— Что?

— Не могу надеть платье от Армани... — В моем голосе еще слышны слезы. — Я его испорчу. У меня... — Я страдальчески вздыхаю. — У меня течет кровь.

Марк опускается на колени и открывает сумку. Он принес с собой бинт, ватные тампоны и мазь.

— Я обратился к прислужницам, — роясь в сумке, говорит он. — Они дали мне все это, дорогая. И еще здесь есть простое черное платье. Я попросил Джузеппе привезти его. — Марк поднимает на меня глаза и добавляет: — Оно от «Зары», если что. — Передает мне платье.

Его искристые голубые глаза, слегка сероватые в лунном свете, пристально смотрят на меня. Я сглатываю слезы, но теперь ощущения другие: это слезы облегчения — хотя я не хочу этого признавать, — слезы благодарности. Но именно он впутал меня во все это. Не знаю, что чувствую на самом деле.

Марк отворачивается, и я стираю кровь. Наношу антисептическую мазь, смягчающую неприятные ощущения. Кровотечение почти прекратилось, осталась лишь боль — боль и унижение, хотя последнее совсем скоро испарится. Может, я слишком перенервничала. Не знаю. Я ведь хорошо проводила время, наслаждалась свободой мистерий, пока все не пошло наперекосяк. Может, я сама виновата.

Сделай глубокий вдох, Икс.

Пора взглянуть на татуировку. Я развожу ноги и смотрю на белую кожу, освещенную луной.

Мне снова хочется заплакать.

Но на этот раз от восхищения: моя маленькая татуировка прелестна и утонченна. Изящная темная стрела с извилистой змейкой вдоль нее. Черно-лилового цвета, но не яркая. Она удивительная и чудесная, хотя и крошечная.

— Это символ из алхимии, — говорит Марк.

Он стоит на коленях и смотрит на мои бедра. Я, конечно же, обнажена между ног, но мне нравится взгляд Марка. Мы оба палимся на мою промежность и татуировку на внутренней стороне бедра.

— Символ чего?

— Очищения, — отвечает Марк. Он целует мою коленку, по-прежнему затянутую в чулок.

— Тебе нравится? — не выдержав, спрашиваю я.

— Я в восторге. Она восхитительна. Кажется, символы меняются каждый год. Но этот я знаю. Очень красиво. — Марк снова целует мое колено и спрашивает: — Икс, а что думаешь ты?

— Не знаю... — Я внимательно смотрю на символ. Очищение. — Не верю, что говорю такое, но, кажется, мне нравится. Правда, теперь я отмечена навсегда. Заклеймена? — Приподнимаю голову Марка за подбородок, отводя его взгляд от моей татуировки и наготы. — Ты вынудил меня сделать татуировку.

— Похоже на то.

Свет луны ложится на наши плечи и лица, мы неотрывно смотрим друг на друга. Мне становится зябко.

— Не сможешь? — спрашиваю я у Марка. — Мне нужно переодеться.

— Конечно.

Встаю и, опираясь на Марка, надеваю новые черные трусики. Марк садится передо мной на колени, отстегивает чулки и медленно спускает их вниз по белым ногам. На секунду замирает и целует меня в бедро. Я дрожу. Уж не знаю, от ветра или от поцелуя. Теперь мне хочется избавиться от корсета. Но самой это сделать невозможно.

— Марк...

Он нежно целует меня в шею, становится за спиной и расшнуровывает корсет. Наконец-то моя талия свободна, а груди обнажены. Соски затвердели. Я возбуждена, но секса не хочу, не сейчас, не сегодня ночью. Я быстро надеваю платье, что принес Марк: обычное черное платье, действительно от «Зары». Тянусь к сумке в поисках обуви и понимаю, что Марк позаботился и об этом. Новые беленькие носочки и кроссовки. Обуваюсь. Размер подходит идеально. Кто бы сомневался.

— А теперь выпивка, — говорит Марк, доставая термос.

Мы садимся на землю, и он наливает напиток в пластиковые стаканчики. Я с подозрением нюхаю жидкость:

— Что это за штука?

— Старый рецепт Роскарриков, односолодовый шотландский виски «Айлей», смешанный с тростниковым сахаром с Барбадоса и некоторыми специями. Скалтин [62]. Это панацея от всего, *carissima*, да к тому же вкусно.

Я делаю глоток странного напитка. Марк прав, этот скалтин обжигает мое горло не как обычный виски. Он словно амброзия, божественный ликер богов. То, что мне сейчас нужно. Приятное тепло разливается по телу, заживляя все мои «раны».

Марк расстилает на земле плотный клетчатый плед, чтобы мы могли лечь. Из моей прежней одежды он делает импровизированные подушки. Он очень заботится обо мне.

— Можем вернуться назад, когда пожелаешь, — говорит Марк. — Почти все уже разъехались. Но неплохо было бы поваляться здесь немного, да? Капри предоставлен лишь нам двоим. Это редкость.

Виски начинает действовать. Скалтин — настоящий бальзам. Мы ложимся на плед, и я прижимаюсь к сильному и теплому телу Марка, блаженствуя в его объятиях. Сейчас между нами не секс, а дружба — глубокая, настоящая дружба. Рядом с ним я в безопасности, под его защитой, вниманием. Я как в дурмане, могу говорить с ним на любые темы: о политике, науке, баскетболе. А еще мне кажется, я вот-вот усну, так я устала.

Пока мое сознание колеблется на грани сна и реальности, мы любимся звездами.

— Посмотри, — говорит Марк. — Это мое любимое созвездие.

Мой взгляд следует за его рукой.

— Орион?

— Нет, вон та группа звезд, *scara mia*. Она выглядит как ты, когда чихаешь. Созвездие Аллергика Александры. — (Я тихонько смеюсь.) — Ну ладно, видишь вон то причудливое созвездие прямо подо Львом? Это созвездие Марка Ворчуна. Оно очень знаменито. Им пугают сицилийских детишек, — шутит Марк. — А вон там — да, там, прямо под Плеядами, — что это за созвездие? Капризной Алекс, возвращающей машину?

— Нет-нет, неправда... — Я улыбаюсь и целую его в шею. — Это созвездие Нас. Созвездие Марка и Алекс, вместе, одних на острове Капри.

Тишина. Марк смотрит ввысь, на величественный и непокорный водоворот звезд и луны.

— Созвездие Марка и Алекс? — вздыхает он. — Мне нравится. — Он поворачивается ко мне. Его глаза полны серьезности и печали, любви и счастья. — Милая...

— Да?

Мы почти шепчем. Мы оба очень близки к тому, чтобы провалиться в сон.

— Дорогая, что бы ни случилось, даже если ты покинешь мистерию и мы больше не сможем быть вместе, обещай мне... Когда ты будешь сердита, опечалена или одинока, выйди ночью на улицу и посмотри на это созвездие, ладно? Ты ведь посмотришь на созвездие Алекс и Марка на Капри, созвездие Нас? Прошу... — Он уже почти спит. — Прошу, сделай это для меня.

— Хорошо. — Я зеваю и закрываю глаза. — А теперь обними меня покрепче. — Сон вот-вот настигнет меня. — Марк, — бормочу я в его объятиях. — Неужели все мистерии будут такими же? Мне было... слегка страшно.

— Нет, — говорит он с закрытыми глазами. — Другие, другие, поэтичные... сложные... carissima.

Он спит. Я в последний раз смотрю на сверкающую группу звезд, созвездие Нас, а затем тоже закрываю глаза.

20

Первые несколько дней после второй мистерии я пребываю в некоем тумане. Отнюдь не болезненном, скорее мечтательном, хмельном и слегка тоскливом. С небольшой долей сожаления. Во мне что-то поменялось. Я буквально стала другой: внутренне и внешне. Ощущаю это каждый раз, когда раздеваюсь, принимаю душ и вижу свое новое тату, которое просто парализует меня. Правда, теперь мне оно даже нравится, как тайный, но восхитительный подарок. Как-то вечером показываю его Джессике: задираю платье, и подруга потрясенно смотрит на тату.

Потом качает головой и говорит:

— Я тоже хочу.

Мы хохочем. Затем я собираюсь, за мной заезжает Марк, и мы отправляемся ужинать, как нормальная пара. Мы входим в определенный ритм. Обычные любовники.

Но это чудесный ритм. Как правило, мы занимаемся любовью ближе к вечеру, когда спадает дневной зной. Потом ужинаем. Иногда я остаюсь в палатку, иногда Марк остается в моей крохотной квартирке, тогда на улице его ждет припаркованная машина с Джузеппе за рулем. И может, он вооружен? А может, и нет.

Я по-настоящему счастлива, хотя не происходит ничего грандиозного. Может, я счастлива именно поэтому. Однажды ночью я лежу в широкой постели Марка, а он спит у меня под боком, и тут я вспоминаю кадры из старого фильма «Доктор Живаго», где молодая пара живет в лачуге на пустыре, им приходится рыбачить, выращивать овощи, добывая себе пропитание. Один посетитель говорит им: «Может быть, когда-нибудь вы будете вспоминать это время как лучшее в жизни».

Я смотрю на стеклянную скульптуру в полумраке комнаты и думаю: может, это наши дни «Живаго»? Обыденные дни влюбленности, дни незамысловатых и невинных дел и наслаждений, которые, как бы ни парадоксально это звучало, самые ценные: насыщенные внутренней гармонией. Сладость жизни. Повседневной жизни, управляемой любовью. И облагороженной трудом.

Жизнь и впрямь сладкая, странная и захватывающая штука. Я ложусь на бок и целую шрам на загорелом плече Марка. И снова мне интересно, откуда он взялся. Но у меня и так слишком много тревог. Будь что будет. Целую Марка еще раз. Он что-то бормочет во сне. Хочу разбудить его, не могу устоять перед соблазном.

вернуться

62

Скалтин— виски, приготовленный по особому рецепту.

L'amor che move il sole e l'altre stelle.

На следующий день я валяюсь на кровати, в своей квартирке, и жую кончик ручки. Противная привычка. Именно на кровати мне лучше работается, ведь постель напоминает о Марке. И о том, чем мы здесь занимаемся.

Хотя, может, это и отвлекает. Я беру блокнот и просматриваю ключевые факты, которые узнала о мистериях. Каким-то образом моя диссертация перешла на тему мистерий, но пока меня это устраивает. Мистерии действительно пленяют, особенно сейчас, когда я принимаю в них участие.

Во-первых, я узнала, что территория вокруг Неаполя — Наполи, Капуя, Кумы — всегда славилась оргиями. Здесь было средоточие утех Римской империи. В Помпеи же удалялись, чтобы отдохнуть на старости лет. Летний дом Юлия Цезаря находился в нескольких милях севернее вдоль побережья, хотя его давно затопило из-за поднимающегося уровня моря. С первого века до нашей эры здесь собирались шумные вечеринки.

Поэтому и неудивительно, что мистерии, с пьянством, оргиастическим сексом и духовной эротикой, укоренились именно здесь.

Возможно. Возможно, и так. Подчеркиваю этот отрывок.

Есть еще один примечательный факт.

Выпивка и наркотические вещества являются ключевыми для мистерий, во всех проявлениях. В Элевсинских мистериях во время церемонии пили особое зелье, которое называлось «кикеон». Историкам известно, что этот напиток вызывал сильное опьянение. Даже приводится пример из древнего письма, как один греческий философ умер, выпив сразу две чаши кикеона.

Что это за напиток? В одном месте, в «Гимне Деметре» Гомера, даже дается рецепт кикеона: ячменная вода, мята и глекон.

Но конечно, никто понятия не имеет, что такое глекон.

Постукиваю ручкой по блокноту. Незнание меня раздражает, но, с другой стороны, подталкивает двигаться дальше.

Что бы я ни искала, везде натыкаюсь на пробелы, на большой знак вопроса. Чего-то не хватает. Что-то по-прежнему неизвестно. Каков точный рецепт? Как они хранили все в тайне? К тому же столько времени?

Согласно книгам по истории, два семейства элевсинских священников, которые передавали знания о мистериях от отца к сыну и от матери к дочери, смогли хранить этот секрет два тысячелетия. Две тысячи лет! Внушительно!

Либо его готовили особым образом, либо священники сами не до конца все понимали.

Слышу, как возвращается с уроков Джессика. Она резко хлопает дверью и, напевая, направляется в душ. Мне даже не надо смотреть на часы, знаю, что сейчас около пяти. Через час или два приедет Марк, чтобы выкрасть меня. Обожаю эти похищения. Похитить меня, лорд Роскаррик, прошу. Сегодня вечером он снова ведет меня на ужин, но говорит, что сперва хочет показать кое-что в Неаполе: места, где я еще не была. Опять смотрю на свои записи и жую ручку, слишком поздно понимая, что паста попадает мне в рот.

Я перестаю жевать ручку и пишу следующий отрывок:

«Очевидно, существовал тайный наркотик или напиток, являющийся неотъемлемой частью обрядов. Наверное, он приводил к некоему мощному озарению, которое делало боль от инициации в мистерии — а они были как болезненными, так и приятными — довольно сносной. Но в чем заключалась последняя, пятая мистерия? Что это было за озарение? Что такое катабазис?»

Я останавливаюсь и перечитываю последние записи. Они относятся к правилам о соблюдении секретности мистерий.

«Согласно законам Афин и Рима, считалось серьезным преступлением рассказывать про то, что происходит на мистериях в Элевсине. В 415 году до н. э. произошло разглашение информации о мистериях афинской элитой, что привело к жестоким мерам. Раскрывших тайну подвергли пыткам и убили».

Подвергли пыткам и убили?

Вся эта информация мучает и искушает меня. Самое привлекательное то, что, кажется, мистерии сохранились в своем первоначальном виде. А теперь я — Александра Бекманн, скромная студентка из Дартмута, — приблизилась к разгадке тайны греко-римских мистерий.

Я отгоняю докучающие голоса, раздающиеся в моей голове, и пролистываю последние страницы блокнота. Голоса эти кричат, что мистерии опасны!

Ой да ладно! Они существуют не один век. И я всего лишь провожу исследование. Правда ведь?

Да. Поднимаюсь с кровати, пора собираться. Джесс уже перестала напевать, а значит вышла из душа. Пришло время помыться и мне. Я уже поняла, что система водоснабжения в наших квартирах не может справиться одновременно с двумя душами.

Вдруг звонит телефон. Это Марк.

— Buona sera.

— Икс... Как ты?

Я несколько секунд молчу. Его нежный глубокий голос, в котором слышны веселые нотки, делает меня на несколько градусов счастливее. Я по-прежнему не знаю, как это работает. Всего лишь голос. Но голос Марка.

— Я закончила. Узнала все, что смогла, о ритуалах Элевсина.

— Впечатляет.

— Ты знал, что я мист? Так греки называли участника инициации, который еще не прошел все обряды. Они считали, мистерии настолько серьезны, что даже не давали им имен, а называли Та Ниега: священные.

Марк хвалит меня за старания. Очень вежливо. Я смотрю из окна на солнце, нависшее над отелем «Эксельсиор».

— Икс, ты действительно потрудились на славу.

— Да. Этим я и занимаюсь.

Слегка замешкавшись, он все-таки говорит:

— Вообще-то, есть одна цитата, которая может оказаться полезной для тебя.

— Продолжай.

— «Счастлив тот, кто, увидев это, сходит в подземный мир: ему ведом и конец жизни, и ее благодатное начало».

— О! — восклицаю я. — Здо-о-о-орово! Чья она?

— Пиндара, греческого поэта. Он говорит о последней мистерии.

— «...в подземный мир...» Ничего себе!

Беру ручку и записываю имя Пиндар в своем блокноте.

— Carissima...

— Да... — слушаю вполуха, говорю я.

— Ты получила мой подарок?

Я замираю, откладывая ручку в сторону:

— Да, получила.

Он у меня на столе. Небольшая плоская коробочка, обернутая дорогой серебристой бумагой. Подарок прибыл еще утром.

— Я пока не открывала его. Что там? От твоих подарков можно потерять голову, Маркус.

Он вежливо и сдержанно усмехается:

— Открой.

— Сейчас?

— Per favore.

— Хорошо-хорошо.

Я тянусь к коробочке, возвращаюсь к кровати и опираюсь спиной на подушки. Быстренько развязываю бант и срываю красивую обертку. Внутри обыкновенная серая коробка. Открываю ее и смотрю на предмет, покоящийся на мягком поролоне. Прижимаю мобильник к плечу:

— Что это?...

— Тебе нравится?

— О да! — отвечаю я. — Всегда о таком мечтала. — Замолкаю. — Так что это?

— «Байбуре-та».

— Алло?

— Это вибратор, carissima. Самый лучший вибратор в мире, из Японии.

Хоть я и одна в комнате, но все равно краснею. И очень сильно.

— Но он... э... а... не выглядит как вибратор. А как... — Беру блестящий металлический предмет из коробочки. Он на удивление тяжелый и имеет изящную форму. — Выглядит как орудие пыток для эльфов.

— Опробуй его.

— Марк!

— Пробуй же.

— У меня для этого есть ты.

— Всего лишь попробуй... Один раз.

Хмм... Стоит ли? Я хихикаю как ненормальная. Но по-прежнему заливаюсь румянцем.

Зажимая телефон подбородком, я верчу в руках секс-игрушку. Местами металл серебристый, почти прозрачный. А это что? Жемчужины или блестящие металлические шарики? Никогда раньше не пользовалась вибраторами. Знаю, что у Джессики он есть, я даже восхищалась им, хихикала вместе с ней, а потом напрочь забыла. Но этот выглядит иначе. Намного меньше, тяжелее и особенной формы. И без сомнения, намного дороже. Но я, кажется, начинаю понимать, как он работает. Нужно поместить его туда...

— Марк, я почти полностью одета.

— Тогда разденься.

— Si, Celenza!

— Икс, это не мистерия.

— Знаю. Мне просто нравится называть тебя Celenza. Нравится, когда ты приказываешь мне. Но только в сексе. Сделаешь что-нибудь такое в ресторане — и получишь кулаком в нос, Марк Роскаррик.

Он снова смеется. Мне нравится смешить его.

— Я положу телефон на кровать, милорд. Не отключайтесь.

Быстро снимаю джинсы. Потом сбрасываю трусики, возвращаюсь на кровать и снова прижимаю телефон к плечу. Беру вибратор:

— Хорошо, Celenza. Поехали!

— Нажми кнопку в самом низу, черную.

Я нахожу маленькую аккуратную кнопочку. Внутри предмета загорается красный свет, но более примечательна довольно сильная вибрация. Конечно, для меня такое не новость, но это совсем не похоже на грубое жужжание секс-игрушки Джесс.

— Боже мой. Он живой!

— А теперь используй его.

Я колеблюсь. Неужели я действительно буду это делать?

— Но, Марк, я не совсем уверена...

— Прикоснись серебряным кончиком к своему маленькому сладкому клитору.

Сначала я просто пялюсь на игрушку. Затем медленно раздвигаю голые ноги. Моя великолепная татуировка темно-лиловым узором выделяется на белой коже. Вибратор похож на маленького зверя, живого, дикого, рычащего. Жаждущего выполнить свое предназначение.

— Прижми его к клитору.

После небольшой паузы я отвечаю:

— Si, Celenza.

Закрываю глаза и прижимаю гладкий изогнутый металлический кончик к клитору. К своему возбужденному лону.

Ощущения просто зашкаливают.

— О боже!

— Не надавливай слишком сильно.

— Хорошо, мне хорошо... но так странно...

— Попробуй еще раз. Теперь медленно, очень медленно.

Я вновь прижимаю вибратор к клитору. На этот раз нежнее.

Меня пронзает молния наслаждения, идущая из промежности и разрывающая все тело от удовольствия.

— А теперь подумай обо мне, carissima.

— Уже думаю, — отвечаю я, и это правда. Перед моими закрытыми веками предстает образ Марка.

— О чем ты думаешь?

Вибратор тихонько жужжит.

— О тебе, — вздыхаю я. — Тебе. Глубоко внутри меня.

— И что я делаю?

Все мое тело горит, но не от стыда.

— Ты трахаешь меня.

— Жестко трахаю?

— Очень жестко. Твой... твой член внутри меня. Обожаю твой член. Но... ах... — Ощущения переполняют меня. Мне слишком хорошо. Хочу, чтобы это не заканчивалось.

— Осторожнее, подожди секунду... Поговори со мной. Александра, как именно я трахаю тебя?

— Сзади. И ты не обнажен.

— Нет?

— Нет, а я — да. Ты пришел ко мне, Марк, сорвал с меня одежду, бросил на кровать, развел ноги, грубо — у меня не было выбора, о мой бог...

Вибратор по-прежнему жужжит. Теперь я понимаю, как он работает. Я крепко зажмурилась, сердце бешено бьется в груди, но я прекрасно понимаю, как он работает. Вторая часть входит в мою промежность, неглубоко, но этого достаточно.

— О боже!

— Я раздел тебя догола.

— Да-да, а теперь грубо трахаешь меня и называешь своей девочкой.

— Моя девочка...

— Я беспомощна, ты внутри меня...

— В тебе?

— Да-да. Во мне, глубоко внутри. Глубоко, так глубоко...

— Я внутри тебя...

— Внутри, так глубоко, так... Это единственное, что я чувствую. Твой член глубоко внутри меня. Но... Ммм...

— Стой!

— Не могу.

— Carissima...

Я едва могу говорить. Вибратор совсем как живой и доставляет мне незабываемое удовольствие. Восхитительно!

— Ты трахаешь меня, жестко, мне больно, но мне нравится, нравится, мне нравится... Обожаю... Я... обожаю это, обожаю.

— Но не только это...

— Ммммммарк...

— Нажми на вторую часть, там, внизу.

— Где? Я... я... я не знаю... Ах да... — Я вижу, да, теперь вижу. Он говорит о моей промежности. И еще ниже. Пока я думаю об этом, вибратор проскальзывает внутрь. Анально. Я даже не шевелила его. — Ох...

* * *

Через двадцать минут я забегаю в ванную, включаю воду и встаю под горячий душ.

Игрушка уже помыта, насухо вытерта и убрана обратно в коробку. Я будто прячу вибратор под замок. Этот опыт слишком будоражащий. Но я рада, что Марк подарил мне эту штучку. Лучше ее, чем машину.

Подставляю лицо под струйки воды и не могу сдержать улыбку. Хорошо, как же хорошо! Я мою низ живота божественным мылом, подаренным Марком. Он говорит, его привозят из небольшого монастыря Санта-Мария-Новелла, что в самом сердце Флоренции. Очевидно, это мыло изготавливается монахами и монашками с четырнадцатого века.

Легкий цветочный аромат, очень чувственный, ручная работа, нежная забота о коже. Пена словно благоухающие облака. Sapone di Latte! [63] Я использую его при каждом случае. Возможно, даже слишком часто, хотя один кусок мыла стоит 50 долларов.

Спасибо, Марк. Спасибо тебе за все.

Теперь я чистая и освежившаяся. Голышом выхожу в спальню, волосы завернуты в полотенце. На мгновение критически смотрюсь в единственное зеркало до пола. Щипаю себя за бок. Я что, прибавила в весе? Неужели вся эта божественная еда Кампании в роскошных ресторанах Неаполя превратит меня в толстуху?

В дверь звонят. Я набрасываю платье и решаю, что мне совершенно неважно, набрала ли я пару фунтов. Ведь я не стану толстой. В этом и есть чудо средиземноморской жизни. Ем все,

что хочу, а плавание и в особенности секс держат меня в форме.

Раздается второй звонок. Вместо того чтобы ответить по домофону, я бегу вниз, босая и с мокрыми волосами. Распахиваю дверь, впуская теплый летний воздух и улыбающегося Марка. Он стоит на пороге в джинсах и белой рубашке. Я буквально прыгаю в его крепкие объятия, так что он даже отступает на виа Санта-Лючия. Целую своего лорда Роскаррика, скрестив ноги у него на талии.

Мы страстно целуемся. Я веду себя как семнадцатилетняя девчонка. Мне плевать! Чувствую себя на семнадцать. Я влюблена. А высоко над Капри повисла луна.

— Привет, Икс, — говорит Марк, ставя меня на землю.

— Привет, Марк, — улыбаюсь я. — Очень рада тебя видеть.

— Значит, игрушка тебе понравилась? — улыбается он в ответ.

— Ох уж эти чокнутые японцы. Что за люди такие!

— Я купил ее, чтобы ты не скучала в одиночестве.

— Марк, мы видимся с тобой каждый день. И ты спишь со мной дважды за день.

— Но иногда у меня возникают дела. В любом случае... — указывает он на припаркованный «мерседес». — А сегодня хочу показать тебе нечто особенное.

— Что именно?

Я представляю восхитительный ужин, может самый прекрасный в мире tonno rosso [64], подаваемый на вершине Везувия.

Вместо этого Марк говорит:

— Cappella Sansevero.

— Но... — растерянно, но в предвкушении замолкаю я. Конечно же, я слышала про капеллу Сан-Северо. Каждый уважающий себя турист знает про скандальную и удивительную капеллу Сан-Северо в Неаполе, каждый серьезный искусствовед во всей вселенной слышал про капеллу Сан-Северо. — Марк, но она закрыта на ремонт. Уже многие годы. И никто не знает, когда ее откроют. Внутрь не попасть. Я много раз пыталась...

В его глазах пляшет озорной огонек.

— Ты права... — улыбается он. — Но я оплачиваю ремонтные работы.

Он показывает мне огромный ключ на кольце. Марк может попасть внутрь капеллы Сан-Северо!

Мы доезжаем туда в мгновение ока, от моей простенькой квартиры до дверей одного из самых священных мест в истории искусства. Выходим из машины и приближаемся к капелле.

Часовню скрывают от глаз строительные леса, которые, в свою очередь, окружены узкими улочками Старого Неаполя. Здесь самое сердце города, величественное и слегка потрепанное, где за порогом крошечных кафе с яркими дневными лампами пожилые мужчины с седой

щетиной во что-то играют, курят, кашляют, обмениваются дружескими оскорблениями.

В тусклом свете сумерек сияют желтым и красным стеклянные алтари благодаря электрическим свечкам и искусственным цветам. Зловеще ухмыляются статуи. Здесь много улыбающихся изображений Девы Марии, покровительницы «Каморры».

Пока Марк достает ключи, из-за темного угла внезапно появляется синий мопед «Веспа» и проносится в дюйме от меня. На нем две хохочущие девчушки в шортах и шлепанцах, без шлемов, их блестящие темные волосы развеваются на ветру.

вернуться

63

Мыло из молока (*ит.*).

вернуться

64

Розовый тунец (*ит.*).

Смотрю, как они исчезают в темноте: их жизнерадостность, их смех, их мимолетная красота. Теперь старинные дороги погружаются в тишину. Над головой покачивается постиранное белье. Bassi совсем не слышно. В доме напротив в крохотной комнатухе сидит мужчина, очерченный оконным проемом, как картинной рамой. Он смотрит футбол по нелепо громоздкому телику, над которым висит портрет падре Пио [65]. На столе лежит искусственная нога. Мужчина беззубым ртом жует сыр провола вместе с коркой.

— Так, — выводит меня из наблюдения за неаполитанской жизнью Марк. — Так, *piccolina*, можем заходить. — И он открывает дверь в капеллу Сан-Северо.

Первым делом мне бросается в глаза маленькая, восхитительно красивая часовня в стиле позднего барокко, освещенная лишь одной обычной лампочкой. Повсюду разбросаны тряпки и кисти, пол покрывает охряная пыль от кирпичей, но этот хаос не может затмить блистательной красоты часовни, украшенной цветным мрамором.

Марк рассказывает мне об истории этого места, но я уже все знаю.

— Седьмой принц Сан-Северо Раймондо родился в тысяча семьсот десятом году в семье неаполитанской знати, ведущей род от Карла Великого. Его называют величайшим умом в истории Неаполя, сведущим в алхимии, астрономии, знахарстве и механике...

Слушая Марка, я восторженно смотрю на расписной потолок.

— Принц говорил на десятке европейских языков, а еще на арабском и еврейском. Он был главой неаполитанской масонской ложи, пока его не отлучили от церкви как еретика. Впоследствии клевета раскрылась.

Пол напоминает запутанный черно-белый лабиринт мозаики. Насколько я знаю, это олицетворяет посвящение в масонство. Почему Марк привел меня сюда? Связано ли это место

с мистериями?

Марк обводит руками часовню, ремонт которой спонсирует:

— Последние годы жизни Раймондо посвятил строительству этого места — капеллы Сан-Северо, подарив ей скульптуры и росписи величайших художников того времени. Он хотел, чтобы его часовня воплощала бьющееся сердце неаполитанского барокко, смешанного с таинственными и аллегоричными истинами.

— Это... очень впечатляет.

— Идем, — зовет меня Марк.

Я начинаю нервничать, так как прекрасно понимаю, что, какой бы великолепной ни была эта комната, она точно не главное сокровище капеллы Сан-Северо. Все самое интересное находится ниже, если спуститься по лестнице справа от нас.

В коридоре темно. Марк включает фонарик на телефоне, и мы спускаемся по невероятно узкой спиральной лестнице из холодного белого мрамора. Ступеньки причудливо скручиваются. Я стараюсь не отставать от Марка. Наконец мы добираемся до темной и замогильно-тихой крипты. Свет фонарика ложится на ужасное и прекрасное сокровище Сан-Северо.

«Христос под покровом» — Cristo Velato — работы Саммартино.

Неописуемое зрелище. Жуткое. Шокирующее. Но мне необходимо найти слова, чтобы описать его, — для успокоения своей души. Иначе я сама себя подведу, буду раскрыта и отвергнута, буду недостойна.

Скульптура изображает Иисуса в гробнице. Но Саммартино, создатель шедевра, накрыл мертвого Мессию — мертвого, но с распахнутыми глазами — тончайшим полотном, льняным саваном, очертившим каждый изгиб тела. Однако сделано оно из того же самого мрамора, что и тело!

Как скульптор сотворил такое? Как это возможно? Изваять идеальную фигуру, а следом — изящное покрывало, чтобы две части стали единым целым. Я знаю лишь, что искусствоведы до сих пор ведут споры насчет техники выполнения этой работы. Некоторые горячие поклонники Саммартино считают, что без магии здесь не обошлось.

— Что думаешь? — спрашивает Марк.

— Бесподобно! — выдыхаю я. — Даже больше, чем бесподобно. Сверхъестественно.

И это правда. Скульптура сверхъестественна в своей красоте. Пожалуй, это самый поразительный образец искусства, который я когда-либо видела. Однако есть в этой скульптуре нечто тревожное, неземное, нечто за пределами человеческого понимания. Зловещее совершенство. Слишком впечатляюще.

— Марк, почему ты показываешь ее мне именно сейчас?

Он подходит ближе и берет меня за руку:

— Я хочу, чтобы к тебе пришло вдохновение, *carissima*, чтобы ты увидела способности, сокрытые в каждом из нас. А великое искусство делает нас более сильными.

— Смелыми?

— Через несколько дней настанет время третьей мистерии.

Я ничего на это не говорю. Усыпальница часовни наполнена тишиной. Христос под покровом спит, будто живой, и проснется в следующую секунду. Да уж, впечатлений через край. Я хочу выйти наружу. Здесь у меня развивается клаустрофобия. Я старалась не думать о третьей мистерии, пыталась жить настоящим днем, часом, мгновением, но третья мистерия на подходе, ее не избежать.

Мы поднимаемся по ступенькам, выходим из капеллы, Марк запирает дверь на замок. Я наконец делаю глоток воздуха — теплого, сырого, наполненного запахами свалки и лимонов, воздуха Старого Неаполя. Чувствую прилив облегчения. Капелла Сан-Северо оказалась поистине удивительной, возможно даже слишком. Предлагаю Марку прогуляться, прежде чем сесть в машину. Он радостно соглашается.

Держась за руки, мы бредем по мощеным покатым неаполитанским улочкам мимо открытых допоздна продуктовых магазинов, где в свете лампочек блестят темно-фиолетовые баклажаны, мимо рыбных ресторанчиков, где на улице, за шатающимися столиками, ужинают шумные poppas [66], жадно глотая креветки вместе с вином «Фалангина», — прямо как римляне, на том же самом месте, вот только две тысячи лет назад.

Когда мы приближаемся к набережной, я поворачиваюсь к Марку:

— Где будет третья мистерия? В каком именно месте?

— Аспромонте, Калабрия, — не глядя на меня, отвечает он.

Я дрожу, будто на промозглом зимнем ветру. Аспромонте?!

Из своих исследований жестокой мафии Калабрии — «Ндрангеты» — я узнала, что значит Аспромонте.

Мы едем в Горькие горы.

21

— Здесь около пяти часов езды по горной местности, не меньше, — говорит Марк и пожимает мне колено. Однако скорее не страстно, а ободряюще. — Хотя, глядя на карту, ты бы так не сказала.

— Почему?

Мы находимся на выезде из аэропорта Реджо-ди-Калабрия, сидим в обшарпанном, пятилетней давности автомобиле с полным приводом. Старенький, взятый на прокат «лендровер». Довольно дешевый.

— Нам нужна практичная машина для дороги, — объясняет Марк, заводя мотор и вздрагивая от громкого рычания. — А дороги здесь адские. Всего несколько километров могут занять час.

Дождаясь удобного момента, чтобы встроиться в кольцевое движение, Марк кивает в сторону далеких туманных гор, не слишком высоких, но мрачных и угрюмых. Покрытые густыми лесами, недостижимые, отталкивающие и нависшие над местностью. Это Аспромонте, или

Горькие горы.

Теперь Марк кивает в сторону потертой приборной панели:

— К тому же в Калабрии лучше не выделяться. Здесь не место для «феррари».

Наконец Марк присоединяется к параду «фиатов» и фермерских грузовиков. Мы начинаем наше долгое путешествие на север, а потом на восток, к сердцу Аспромонте. Едем мы медленно, движение затруднено, дороги узкие. Я опускаю окно и с потрясением смотрю наружу. Ясное дело, я же никогда раньше не была в Калабрии.

Мы на самом кончике итальянского «сапога», где он подталкивает Сицилию к Испании, к ее прошлому времен правления Бурбонов. А Калабрия совсем не такая, как я себе представляла.

Но что именно я представляла? Наверное, что-то вроде Неаполя. Такой же старинный, хаотичный, но очаровательный, древний, истинно итальянский город, с пальмовыми деревьями и вкусным *gelati*, а может, и с внушающими ужас пригородами или хитроглазыми наркоманами, напоминающими о затаившейся преступности.

Но здесь преступность не прячется по углам, а властвует в открытую. Это место просто излучает ауру безнадежности и упадка. Вместо внушающих ужас пригородов целые вереницы небольших городков стоят в запустении и руинах, исключение составляют довольно приличные на вид исторические здания. Может тут и не так много граффити, как в Неаполе, но только потому, что половина домов снесена. Или недостроена. Или покинута.

вернуться

65

Падре Пио(1887-1968) — итальянский монах из ордена капуцинов; прославлен как католический святой; знаменит стигматами и совершением чудес. (*Прим. ред.*)

вернуться

66

Бабушки (*ит.*).

Безобразия обретает здесь совершенно невероятные очертания. Раньше я никогда не видела по-настоящему безобразной Италии.

Из-за плотного движения мы сбавляем скорость, и Марк машет рукой в сторону особенно убогого квартала слева от нас.

— Омерзительно, да? Трудно поверить, что ты в Европе, больше похоже на Тунис. Или Египет. Или что еще похуже...

Он прав. Молча смотрю на страшные здания, пока мы ползем мимо них. На нижних этажах — потрескавшаяся и местами отвалившаяся плитка, верхние совершенно не оштукатурены. Крыши нет, под открытым небом стоят семь заржавевших стиральных машин. Это просто необъяснимо.

Следующий квартал и вовсе в руинах: повсюду валяются бетонные столбы и раскрошенный кирпич. Далее — заваленный мусором пустырь. Серое здание магазина продуктов. И снова свалка. Останавливаемся на светофоре.

— Почему здесь так? Из-за «Ндрангеты»?

— Да, конечно. Но еще из-за землетрясений. Каждые десять лет здесь случаются сильные землетрясения и уничтожают целые города... Это самая бедная часть Италии, а возможно, и Западной Европы.

Марк свесил одну руку из окна, подставив ее под знойный воздух, а второй ведет машину, положив запястье на руль. На нем темные джинсы и темно-синего цвета рубашка с завернутыми рукавами, обнажающими мускулистые и загорелые предплечья.

Он сидит в элегантной и очень мужественной позе, даже классической. Могу представить себе следующую картину Ренессанса: «Лорд Роскаррик в арендованном „лендровере“», — которую приписывали бы школе Рафаэля, 1615 года. Марк потрясающе смотрелся бы на портретах семнадцатого века. Но он и сейчас потрясающе выглядит. Полными счастья глазами я смотрю на него. Удовлетворенно. Вспоминая.

Прошлой ночью у нас был незабываемый секс. Марк превзошел себя в оральных ласках, настойчивых и щедрых. Он ублажал меня языком минут двадцать, постепенно доводя до грани, а затем, всего на секунду, когда я уже находилась в шаге от апогея — пика, падения с обрыва в блистательную бездну, — он, предугадывая приближение моего оргазма, слегка проводил своим щетинистым подбородком там, где только что лизал. И этот контраст между влажной бархатистостью языка и щекочущим покалыванием щетины провоцировал приступ экстаза во всем моем теле. Прошлой ночью я буквально схватила подушку и уткнулась в нее лицом, лишь бы приглушить полные счастья крики.

Но Джессика все же меня слышала. Утром, когда мы встали пораньше из-за рейса в Реджо, подруга сказала:

— Боже, Икс! За каким чертом ты завела оборотня в качестве домашней зверушки? Люди могут и пожаловаться.

Я вновь смотрю на Марка и думаю, как же сильно он сбивает меня с толку и как это поразительно. Он не всегда такой самоотверженный и внимательный любовник. Иногда он просто хватает меня в охапку и жестко трахает. Так лорд Роскаррик и поступил после нашего возвращения из капеллы Сан-Северо. Мы сели в его машину и доехали до палаццо, припарковались рядом с черным входом, в темноте. Вышли на улицу, и тут Марк подхватил меня на руки, развернул, бросил на капот машины, задрал платье, сорвал трусики и резко вошел сзади. Три минуты он трахал меня на своем великолепном спортивном «мерседесе». Три внезапные и неожиданные минуты. Слегка шокирующе, даже пугающе, однако горячо. Может, мне не стоит считать это сексуальным, но ничего не могу с собой поделать. Затем он просто застегнул молнию и, напевая неаполитанскую песенку, как ни в чем не бывало проводил меня внутрь Палаццо Роскаррик, будто мы лишь отошли на пару шагов, чтобы по-быстрому выпить по бокалу просекко [67]. Он позволил мне сходить за новым бельем в ящике его спальни. Воспользовавшись моментом, я забежала в роскошную ванную и доставила себе удовольствие, доведя наш пылкий секс у машины до оргазма. Я кончила буквально за считанные секунды.

Сколько раз я в принципе могу кончить? Можно ли получить слишком много оргазмов?

Марк может вести себя грубально, а может и ласково. Вот эта непредсказуемость и

притягивает.

Но меня совсем не радует одно: я ничего не знаю про третью мистерию. Почему ее проводят в Калабрии? Почему именно в этом погрузившемся во мрак месте?

Я выхожу из раздумий и снова смотрю в окно. Теперь перед нами открылось Средиземное море. Даже оно здесь выглядит тусклым и угнетающим, несмотря на яркое утреннее солнце замечательного июльского денька. С нашей встречи с Марком прошло уже десять недель. Десять недель, изменивших все.

— Итак... — Я перевожу взгляд на Марка. — Расскажи мне, что ты знаешь про «Ндрангету». Это для диссертации. Могу хоть чем-нибудь полезным заняться, пока будем ехать целую вечность.

— Я знаю то же, что и все остальные, *caro mio*. — Его лицо слегка искажается. — Это самая вероломная из всех преступных группировок и на сегодняшний день самая богатая и могущественная. По оценкам, они контролируют три процента ВВП Италии. Это больше того, чем страна тратит на оборону.

— Бог ты мой!

— Так вот. «Ндрангета» в прямом смысле правит Калабрией. — Марк указывает на очередную захудалую деревеньку, где среди сорняков притаилась бетонная забегаловка. — Некоторые говорят, что будь Калабрия независимой — в некотором смысле это правдиво уже сейчас, — то ООН признала бы ее несостоявшимся государством, почти как Сомали.

— И как у «Ндрангеты» это получается? Как мафия может заправлять целой провинцией?

— Существуют многочисленные кланы, древние и неприступные. Они крайне враждебны ко всем посторонним и крайне преданы друг другу. Членство в самой организации передается по наследству. Поэтому их не сломить так, как это удалось сделать с «Мафией» и «Каморрой» с помощью *pentiti*, раскаивающихся гангстеров, заключивших сделки о признании вины.

— Дома... Города...

— Члены «Ндрангеты» открывают отели и магазины для отмывания денег. Они выставляют такие низкие цены, что остальные предприятия разоряются. Так что местная экономика потерпела крах, остались лишь фирмы самой «Ндрангеты». Таким образом, все в Калабрии зависят от них, в долгах перед ними, работают на них, поработаны. Прямо-таки феодальный строй. Они берут деньги Евросоюза на строительство фабрик и дорог, начинают проект, получают гранты и тут же бросают дело. Дороги так и стоят недостроенными, с фабриками та же история, отсюда анархия и запущенность. — (Мы резко поворачиваем налево, теперь удаляясь от моря и углубляясь в горную местность.) — В Калабрии есть еще налог на дома, но применим он лишь к достроенным зданиям! Поэтому все дома построены лишь наполовину, не оштукатурены и выглядят так безобразно — и все из-за налога.

Может, мне стоило бы записывать? Марк сообщает интересные факты. Достāju ручку и блокнот: все-таки буду записывать.

Марк смеется надо мной:

— Восхищаюсь твоей прилежностью, Александра Бекманн.

— Некоторым нужно заниматься серьезными делами, лорд Роскаррик. Я не могу просто так сидеть и нажимать на непонятные кнопки своего ноутбука, зарабатывая по шестьдесят миллионов за минуту.

— Раньше все было не так уж и просто, — угрюмо произносит он.

И все кругом становится не менее угрюмым: небо затягивается тучами, рельеф местности ухудшается. Из узкой, но приличной полоски тармака [68] дорога превратилась в грязное месиво. «Лендровер» грохочет по глубокой колее. Проезжаем мимо громадных серых вилл с припаркованными рядом огромными машинами и с лающими собаками.

— Здесь кое-что может показаться тебе занимательным, — говорит Марк, покашливая от пыли. — Каждый сентябрь сарос «Ндрангеты» — главы кланов — собираются в отдаленном монастырском храме неподалеку отсюда, глубоко в горах. Санта-Мария-ди-Польси.

Я все тщательно записываю. Правда, из-за сильной вибрации машины это очень сложно.

— Продолжай.

— Интересно, что собрание в Польси проводится уже не одну сотню лет. В прошлом это собрание... — Марк замолкает, подбирая слова. — Оно было довольно экстравагантным и развратным. Все закончилось несколько десятилетий назад. Но раньше главы криминальных семейств были известны как «булавы». Они возглавляли паломничество от ближайшей деревни до далекого храма, сопровождаемые целыми толпами. Процессия занимала около двух дней, им приходилось преодолеть тридцать километров. За гангстерами следовали молодые девушки и стонущие старики, иногда в терновых венках, со стекающей по лицу кровью. Многие шли босиком. К тому же они пили крепкое вино и пировали жареной козлятиной, распевали древние гимны и танцевали дикую тарантеллу всю ночь — под волынку и тамбурин. И так они пили, объедались и распутничали среди олеандра и орегано. Пьяные и обезумевшие.

вернуться

67

Просекко— итальянское игристое сухое вино.

вернуться

68

Тармак— щебеночное дорожное покрытие с гудроновой пропиткой. (Прим. ред.)

— В духе Диониса?

— Да, возможно, — отвечает Марк. — Версия насчет греческого бога Диониса вполне вероятна. В древние времена Калабрия относилась к Магна Граесиа [69]. Здесь греки основали свою величайшую колонию. Неподалеку отсюда жил Платон, как, впрочем, и Пифагор. — Марк поворачивается и чарующе улыбается мне, загадочно и хитро. Будто знает нечто недоступное мне. Хотя он всегда выглядит так, будто знает нечто недоступное мне. — Хватит для диссертации? Пока что?

— Да, Марк. — Я записываю за ним как одержимая. — Это восхитительно! Удивительно!

— Отлично, — отвечает он. — Потому что нам нужно быть внимательнее. Я не уверен, где мы сейчас находимся... Это где-то поблизости, на проселочной дороге к Плати.

Марк снижает скорость и всматривается в дорожный знак. Я тоже поднимаю на него глаза. Пожимаю плечами. Не знаю, чего Марк высматривает. Знак продырявлен пулями и теперь совершенно бесполезен, на нем ничего не прочитать.

Пулями?

Марк снова смотрит на знак, потом на карту в iPad. Вздыхает и качает головой.

— Но ты ведь должен знать дорогу? — растерянно спрашиваю я. — Ты же раньше был на мистериях.

— Я знаю Калабрию только потому, что работал здесь, — не глядя на меня, отвечает он. — Импорт в Реджо и Кротон.

— И...

— Я же говорил раньше, — оживляется Марк. — Мистерии проводятся по всей Италии, зачастую в Англии, Франции, Испании. Каждое лето проходит сразу несколько мистерий. Люди беспорядочно участвуют в них всех. Ты можешь встретить на второй мистерии кого-то, прошедшего инициацию, скажем, в Лондоне. Затем увидеть его снова на четвертой мистерии, даже не зная, где этот человек проходил третью. Все это составляет часть таинственности.

Я сижу с открытым ртом в неподвижной машине. Впервые я осознаю масштабы мистерий. Кто же все организует?

Поворачиваюсь к Марку:

— И ты решил приехать именно на эту третью мистирию? В омерзительную Калабрию? Почему?

— Мне было любопытно. И еще есть кое-какие дела.

— Какие дела?

— Ничего серьезного. — Марк смотрит в iPad. — Думаю, наш пункт назначения в двадцати километрах от следующей деревни. Можем поинтересоваться там. Лучше не теряться в Аспромонте.

Какое-то время мы грохочем по щебенке, затем несколько раз поднимаемся по крутым дорогам, все выше в горы. Деревенька приютилась на самой верхушке, и по стандартам Калабрии она просто прелестна. Освященная веками каменная церквушка венчает сбившиеся в кучку старые домики. Улицы здесь мощеные, а на скамейках в лучах заходящего солнца сидят пожилые мужчины.

Истинная Италия.

Но когда мы выбираемся из машины, меня охватывает странное чувство. На улицах играют в футбол шумные дети, молодые матери кричат из увитых бугенвиллеей окон, продавец фруктов о чем-то горячо спорит со старушкой.

И все они говорят на греческом! Не на итальянском.

Марк улыбается при виде моего удивленного лица.

— Да, это Древняя Греция, Griso, со времен эллинских поселений. В этих богом забытых долинах сохранился и язык.

И вот я, американка, стою здесь в закатных лучах, придавленная грандиозностью Древней Европы. Слушаю язык Платона и Пифагора, на котором говорят сами потомки Платона и Пифагора.

Марк красноречиво жестикулирует и разговаривает с местными на итальянском. Значит, они все-таки владеют двумя языками, логично.

Я оставляю Марка с жителями, а сама сажусь в сторонке на скамейку и зеваю. Поездка была утомительной. Я ужасно устала, а все конечности затекли. Очень долгий день. Сидящий рядом старичок поворачивается ко мне и улыбается. И говорит на древнегреческом.

Я киваю. И ободряюще улыбаюсь этому сыну Сократа и его непостижимым словам.

Ах, Италия, ах, Европа!

— Итак, — начинает Марк, возвращаясь ко мне. Открывает дверь машины и запрыгивает внутрь. Машет мне рукой. Кажется, он воодушевился. — Я был прав, — говорит он и заводит мотор. — Всего лишь двадцать километров. По проселочной дороге до Плати. — Он указывает на темную долину, пересекающую злое горы. Ну конечно же, наш путь ведет в самые мрачные места.

Я откидываюсь на сиденье, стараясь не паниковать.

Правда, это сложно. Может, нам и осталось «всего лишь двадцать километров», но последний этап путешествия может занять еще целых два часа поездки мимо горных обвалов, вымоин, карабканья по ужасной грунтовой дороге. Наконец за следующим головокружительным поворотом с соснами и стройными буками я вижу городок.

Когда мы заезжаем в этот городок, меня вдруг настигает ужасающее откровение. Как древние, так и современные дома покинуты. Здесь лишь неприглядные остовы с темными оконными проемами, двери свисают на петлях или же выбиты наружу.

— О боже! — выдыхаю я. — Город-призрак.

— Рогуда, — кивает Марк. — Его окончательно покинули в тысяча девятьсот пятидесятых. Слишком частые землетрясения. И слишком много ведьм.

— Но...

— Мистерии пройдут в замке Бурбонов, наверху.

Я прикрываю глаза ладонью и смотрю ввысь: на колоссальное суровое здание, чем-то похожее на монастырь, примерно в полукилометре над городком.

Поворачиваюсь к Марку. Внезапно меня осеняет ужасная мысль.

— Здесь я подвергнусь бичеванию, да? Здесь меня будут пороть?

Он ничего не отвечает и молча ведет машину к величественному замку.

22

Замок Рогуда вряд ли когда-то слыл красивым, разве что внушающим трепет: он по-прежнему невероятно огромный и нависающий. Настоящая крепость. А еще суровый, в испанско-итальянском стиле. Прямо как дворец Казерта.

Как и прежде, нас встречают у ворот десятки молодых людей в темных костюмах, и, как и прежде, на их лицах нет улыбок, зато есть наушники и солнцезащитные очки, хотя на небе тучи. Жутковатые складки на безупречных костюмах говорят о наличии оружия. Теперь я в этом уверена.

Марк показывает удостоверение личности и какую-то маленькую табличку цвета слоновой кости с изображением Диониса, сжимающего тирс [70]. Как я поняла, это символ последней инициации. Я терпеливо жду, слегка тревожно, пока охранники выполняют свою работу. Затем нас проводят сквозь огромную дверь, через которую могла бы и карета проехать, вверх по обычным побеленным ступенькам в две просторные и практически пустые спальни. Частично этот полуразрушенный замок был переоборудован. Очевидно, для мистерий.

Но кем? Кто платит за все это? Сам Марк? Марк и еще парочка миллиардеров? Что за дела он ведет?

Я о многом хочу его расспросить, хотя есть вопросы, на которые мне, может, и не стоит знать ответ. Слегка растерянно осматриваюсь. Марк говорит, что я могу отдохнуть перед началом ритуалов. И хорошо, так как я совершенно вымоталась. Скидываю обувь, падаю на кровать и погружаюсь в забытье.

Но сон мой беспокойный. Мне снится, что мы с Марком на тонущем круизном лайнере. Повсюду бьется посуда и бегают охваченные паникой пассажиры. Я погружаюсь в воду в свадебном платье, цепляясь за люк. Вода прибывает, она загрязнена неким красным маслом. Марк закрывает мне рот рукой, так что я не могу произнести ни слова. И тянет меня вниз...

Вздрагнув, я просыпаюсь. Лежу на кровати, в джинсах и босая. Я одна в комнате и перепугана. Во рту пересохло. Я бегу в ванную — тоже суровую, без всяких прикрас, но чистую и совсем недавно покрашенную. Наливаю стакан воды из-под крана — воды Аспромонте, Горькой горы. Воспоминания о сновидении постепенно покидают меня.

Я засыпала днем, а проснулась вечером.

Открытое окно в ванной впускает теплый вечерний воздух и жужжащих комаров. За стенами осыпающегося замка раскинулись дремучие леса и неприступные горы, только изредка пробиваются из темноты яркие фары машин, что едут в нашем направлении. Гости, спешащие на мистерию?

В другой стороне темным силуэтом распростерся под замком покинутый город-призрак Рогуда.

Смотрю на руины домов, магазинов и кафе. Кто жил здесь? Кто здесь вырос? Наверное, раньше это было удивительное место, сказочное, спрятанное в потрясающей долине. Деревенька с хмурым священником и ворчливым почтальоном на велосипеде, громыхающем на булыжниках мостовой. А еще с веселыми девушками, которые стирают белье на ярком горном солнце, напевая калабрийские песенки.

вернуться

69

Великая Греция (*лат.*).

вернуться

70

Турс — жезл Диониса — прямой жезл, обвитый плющом и виноградными листьями.

Теперь все исчезло, превратилось в руины, в призрак. Разрушено землетрясениями, ведьмами и «Ндрангетой».

Вдруг слышу шум.

— Марк?

Тишина. Может, это кто-то наверху? Слышу, как скрипят половицы. Без сомнения, прибывают остальные гости, участники мистерий, дионисийцы, митраисты, элевсинцы. И девушки, посвящаемые в третью мистерию.

Снова смотрю в окно. Луна ярко светит и мудро взирает на меня сверху вниз. Будто привыкла уже к такому.

Голоса.

Теперь я точно слышу голоса. За дверью комнаты. Они еле различимые, будто люди обмениваются секретами, что-то заговорщически нашептывают. Я подавляю тревогу и прислоняюсь к двери, прислушиваясь. Она слегка приоткрыта, сквозь щелку я вижу Марка, Джузеппе и еще нескольких мужчин.

Кто они такие? И что здесь делает Джузеппе? Вряд ли Марк рискнул бы приехать сюда в одиночку. Конечно, он хотел бы видеть здесь своего лучшего слугу для защиты. На территории «Ндрангеты», к которой он питает ненависть. Но почему они так тихо разговаривают? Марк хмурится и кивает.

Мне очень хочется увидеть лица его собеседников. Их голоса более взрослые, говорят они на быстром, но грубоватом итальянском. Но я не могу уловить слов, хотя все же слышу одно — «Ндрангета».

Дважды.

Скрипит пол. Разговор прекращается. Мне удается мельком увидеть лицо третьего мужчины. Он очень пожилой, лет восьмидесяти. Я знаю его, не помню откуда, но знаю. Этот мужчина явно известен.

Марк шагает к нашей комнате, и я отпрыгиваю от двери, стараясь выглядеть непринужденно. Однако, когда он заходит, я как дура стою посреди комнаты.

— Икс?

— Да.

— Ты в порядке? — хмурится он.

— Да, конечно. Я... я только что проснулась. Боже, тебе не стоило разрешать мне столько спать. Извини. Извини. Я еще не пришла в себя.

Кажется, мой бессвязный лепет успокаивает Марка. Он перестает хмуриться.

— Ладно, тебе лучше бы побыстрее собраться. Очень скоро начнется подготовка к мистерии.

Только сейчас я понимаю, что Марк в смокинге. Уже принял душ и навел лоск.

— О... Но что мне надеть?

— Ничего.

— Что?

— Просто прими душ, *carissima*. Это все, что от тебя требуется. В остальном помогут девушки.

Он поворачивается и уходит. Стараюсь подавить страх и иду в душ. Горячая вода успокаивает. Как только я насухо вытерлась, заходят прислужницы в простых белых туниках. Откуда эти девушки? Каким образом их отбирают на работу?

Икс, просто прими это.

Мои тревоги отчасти смешаны с радостным предвкушением. Я вспоминаю, как наслаждалась — по крайней мере поначалу — эротичным характером второй мистерии, чувством внутренней свободы и силы.

Тогда поехали, я готова.

Готова к чему бы то ни было.

Девушки улыбаются, по-английски они совсем не говорят, а их итальянский с очень заметным калабрийским акцентом. Я не могу разобрать ни слова. Но это и не важно: я понимаю, что они хотят от меня.

Одна девушка указывает на кровать, и я робко сажусь, ведь под полотенцем на мне ничего нет. Мое смущение, кажется, никого не волнует. Прислужницы снимают полотенце, и теперь я обнажена. Еще одна девушка встает на колени и разводит мои ноги в стороны. Прищурившись, смотрит на татуировку, затем оборачивается и кивает другим девушкам, затем жестом показывает, чтобы я встала. Я так и делаю. Вперед выступает девушка, которая держит в руках белый фарфоровый кувшин. Открывает его, и я вижу внутри сверкающую краску, золотистую жидкость. И тут я понимаю, что они собираются делать: разукрасить меня. У двух прислужниц кисточки, остальные держат краску. Сейчас они разрисуют мое обнаженное тело.

Весь процесс занимает почти час. Однако он пролетает стремительно. Девушки стоят на коленях и покрывают меня красками: золото, пурпур, ляпис-лазурь. Завитки выходят совершенно абстрактными, однако сексуальными. Обводят груди, ложатся на округлый живот, изящно спускаются по белым бедрам, нежно касаются лобка. Но мои ступни, лицо и спина

остаются нетронутыми.

Все это очень даже эротично. Касание мягких кистей, тихое перешептывание девушек. Чувствую себя великолепной с этими роскошными рисунками на теле. Цвета приглушенные, но мерцающие. Я вся в величественной позолоте. Кожа светится желтым, красным и пурпурным.

Я произведение искусства.

Роспись по телу окончена. Теперь я стою вся разукрашенная. Пока сохнет краска, девушки о чем-то шепчутся. Затем самая молоденькая из них выходит вперед. Она что-то держит в руках: мягкий бархатный ошейник, как для собак.

Его закрепляют на моей расписанной шее. Затем вторая девушка цепляет к ошейнику длинную серебряную цепочку.

Я жду. Голая. На цепи. В ошейнике. С узорами на теле.

В комнату входит Марк. Грациозно кланяется мне, затем берется за цепочку и указывает на дверь.

Очевидно, мой лорд Роскаррик выведет меня голую из комнаты на цепи, прикрепленной к ошейнику. Туфли на высоком каблуке — вот и весь мой наряд. Девушки заранее принесли элегантные черные кожаные туфли на шпильках. Очень сексуальные. Бросаю взгляд на марку. Бланик. Дизайнер мистерий. Итальянский штрих. Но атмосфера мрачная, совершенно нерадостная.

Марк вновь указывает на дверь. Я делаю глубокий вдох:

— Si, Celenza.

Киваю, тем самым признавая подчинение. Марк тянет за цепочку и ведет меня за порог комнаты, вниз по лестнице и по коридору, где я мельком различаю людей в темных боковых комнатах, освещенных лишь свечами. Они целуются? Совокупляются? Я не знаю. Они лишь извивающиеся тени. Слышу тихий смех. И снова в воздухе витает та же музыка, сладкое пение хора, но с нарастающими нотами, как священный колокол, что становится громче и громче, злоеший и прекрасный.

Наконец я узнаю мелодию. Арво Пярт [71], «Cantus». В память о Бенджамине Бриттене. В Дартмуте была девушка, которая обожала эту музыку. Печальную и чувственную, не знающую границ. Она заполняет все комнаты, церковная, но все же языческая.

Я иду на цепи, словно собака или рабыня. Марк — мой хозяин. Но меня почему-то это не беспокоит. Если и так, то я блистательная собака. Королевская гончая, собака ассирийского короля для охоты на львов, дорогая сердцу борзая.

Марк заводит меня в громадную комнату, похожую на часовню. Я замечаю апсиду, неф, алтарь. Музыка становится громче. Внутри собралось много людей — два или три десятка, в черных одеждах и масках.

В масках все, кроме Марка и меня — обнаженной женщины в центре зала, роскошной гончей, самки в великолепной шкуре, в золоте и пурпуре.

Я обвожу взглядом огромную, освещенную свечами комнату. Здесь царит полумрак, в темноте мелькают лиловые вспышки. Кругом тепло, ароматно и чудесно. Воздух напоен фимиамом. Нервно мигают свечи, время от времени отбрасывая блики на мою разукрашенную обнаженную кожу. Я сияю. Искрюсь в буквальном смысле. Мерцаю на свету. В голову закрадывается туман. Слишком сильно действуют на меня благовония.

— Александра... — произносит Марк.

Тянет за цепь, я шагаю вперед, пока не становлюсь на самую середину — центр вращения комнаты.

— Celenza.

Двое мужчин в масках подходят и снимают ошейник. Затем берут меня за запястья и связывают их мягкой веревкой. Узел туговат, я даже вздрагиваю. Но боль терпима. Я наблюдаю за происходящим с неожиданным для меня спокойствием, полным отсутствием волнения. Мои связанные вместе руки поднимают и прикрепляют к железному кольцу, свисающему с потолка на чугунной цепочке.

Я прикована, руки закреплены высоко над головой. И мне все равно. Что со мной стряслось? Может, столь тщательные приготовления подействовали на меня как наркотик, переместили в некий иной план бытия. Здесь я безмятежна, сексуальна, я сама не своя.

Прямо передо мной стоит Марк. Наблюдает, как меня приковывают. Я смотрю на него, он — на меня. Мы не отрываем глаз друг от друга.

— Пей, — говорит прислужница, поднося к моим губам чашу, будто уксус к устам Господа.

Чаша металлическая, а жидкость в ней довольно густая. Чувствую, как отхлынула кровь от скованных и поднятых рук. Голова кружится. Но все же я пью. И это совсем не похоже на уксус. Сладкое вино, невероятно крепкое, смешанное с чем-то, что я никак не могу различить.

вернуться

71

Арво Пярт (род. 1935) — эстонский композитор; работает в стиле новой консонантной музыки.

— Александра третьей мистерии, — произносит Марк.

Что-то происходит. Я закрываю глаза. Ощущаю приближение чего-то. Сейчас меня будут пороть.

Я напряженно жду. Музыка накатывает волнами и отступает. Жду еще немного и...

Щелк!

Моей спины касается хлыст, разнося жгучую боль по всему телу, однако боль эта с примесью удовольствия. Смотрю на Марка. Он — на меня. Лорд Роскаррик наблюдает за моим бичеванием. Мы словно сошли с фрески на Вилле мистерий.

— Пей!

Девушка делает шаг вперед, я опускаю голову и пью. По подбородку бежит струйка вина. Я будто закованный в цепи дикий зверь. Понимаю, почему они решили связать меня и приковать цепью. В моей душе ворочается нечто опасное.

Щелк!

Не знаю, сколько длится бичевание. Алкоголь, если это, конечно, он, погружает меня в туман. Я лишь хочу смотреть на Марка, пока он смотрит на меня и наблюдает за процессом. А наблюдает он очень внимательно. Не улыбается. Даже напряжен. Мы не сводим взгляда друг с друга.

Перед каждым щедрым, ослепляющим меня ударом прислужницы подносят роскошное вино, и я с жадностью пью его. Наслаждаюсь этим. Пускай все смотрят на меня. Пускай смотрят, как бьют и терзают мою красоту, оголенное и разрисованное тело в этом мрачном священном месте. Фигуры в масках поглощены зрелищем, восхищаются. Благоговейно.

Музыка изменилась, хотя она по-прежнему хоровая и очень уместная. Бичевание невероятно возбуждает: жгучее прикосновение ротангового хлыста, боль и сладость вина. Даже свет и тот роскошный и ласковый на моей мерцающей коже. Мне ни холодно ни жарко. Я прекрасна. Прекраснее, чем когда-либо прежде. Взгляни же на меня, Марк.

И он смотрит.

Затем я подаю голос.

— Еще раз, — произношу я. Никому и всем, дионисийцам. Марку. — Еще раз, Celenza.

Марк кивает кому-то, стоящему у меня за спиной.

И кто бы это ни был, кто бы ни бичевал меня, он подчиняется.

Удар столь силен, что мое тело содрогается. Трепещет от боли и удовольствия. Но я по-прежнему прикована к потолку. Слегка покачиваюсь после удара, ноги в туфлях еле касаются пола. После следующего очень сильного удара я вся трясусь и издаю стоны. Я близка, но не к оргазму, а к некоему совершенно иному пику наслаждения. Внутреннему освобождению от физической боли. Что это такое?

Марк следит за мной.

— Еще раз, — говорю я.

Щелк! Я еле живая, близка к какому-то открытию. Смотрю на пол и тут понимаю. Прислужница сидит передо мной с зеркалом! Она поворачивает зеркало, чтобы мне было удобно посмотреть на себя. Чтобы я увидела себя! Нагую и прикованную, избиваемую кнутом. О да, я и впрямь прекрасна. Но почему? Почему бичевание прекрасно? Может, Караваджо вопрошал об этом? Хлыст бьет меня еще раз, издаю тихий стон. Смотрю на Марка, и он кивает.

— Достаточно, — говорит мой лорд.

Бичевание прекращается.

Подходят девушки и развязывают мне руки. Я потираю затекшие запястья. Затем снова прислужницы надевают ошейник, и Марк за серебряную цепочку уводит меня из зала в

боковую комнату: роскошную, в восточном стиле.

Ошейник вновь снимают. Марк целует мне руку и тихонько говорит:

— Отдохни здесь, Икс, всего несколько минут.

Затем он исчезает. Я озираюсь по сторонам. Это словно комната в гареме, с полотенцами, шелковыми подушками, медными чашами с водой и озаренными свечами зеркалами. Я жадно глотаю воду и вино, что предлагают мне девушки. Меня одели в шелковый халат, и вот я лежу здесь, почти проваливаясь в сон. Пью вино, а в голове совершенная пустота. В проеме появляется Марк. Зовет меня взмахом руки.

Я следую за ним прочь из комнаты. На мне шелковый халат, но он свободно висит, обнажая груди и обработанный воском треугольник внизу живота. Но меня это не волнует. Внутри зарождается возбуждение. Я хочу Марка. Очень хочу. Хочу, чтобы он взял меня.

У Марка другие планы. Он проводит меня к центру часовни. Здесь еще больше людей в масках, еще больше свечей и хоровой музыки, на этот раз более глубокой и напряженной. И тут я вижу еще одну разрисованную, покрытую позолотой обнаженную девушку. Она так же прикована, как была и я. Подвешена за руки к потолку, спиной ко мне. Она готова. Марк вкладывает в мою руку ротанговый хлыст и очень тихо говорит:

— Выпори ее.

Я мгновение колеблюсь. Это уже иное дело. Мне придется бичевать кого-то.

Повисает напряженная тишина. Я вновь смотрю на девушку. Узнаю изгиб ее тела, формы упругих ягодиц. Белых, нетронутых краской.

Это Франсуаза. Она поворачивается. Ее руки висят в воздухе, прикованные к металлическому кольцу. Франсуаза улыбается и смотрит мне прямо в глаза.

— Все нормально, Икс, — грустно говорит она. — Это я била тебя.

Франсуаза отворачивается, подставляя мне свою спину. Ее прекрасная голова склоняется в ожидании.

Смотрю на Марка. Поднимаю руку. И наношу удар.

23

— Ай!

— Ah, mi dispiace! [72]

— Марк, аристократам полагается иметь нежные руки.

Я растянулась на коленях у Марка — так же как и во время порки в его палатке. На этот раз платье задрано, и моя голая задница в полной власти лорда Роскаррика, однако он собирается не отшлепать меня, а нанести антисептический крем на чувствительную, пылающую кожу. Ощущаю приятную прохладу.

Марк выдавливает еще немного ароматного крема и втирает в ягодицы, пострадавшие от ударов хлыста. Крови не было, но боль и жжение очень даже настоящие.

— У тебя сейчас очень соблазнительная попка, — задумчиво произносит Марк. Он словно любуется одним из портретов кисти Рубенса, что оставили ему предки. — Ягодицы Венеры, величественное седалище...

Его пальцы массируют истерзанную кожу, крем смягчает боль. Смотрю вниз, на полированный деревянный пол. В голове по-прежнему туман. Я растеряна, пристыжена, а еще возбуждена. И голодна.

Оглядываюсь через плечо на семнадцатого лорда Роскаррика, втирающего лосьон в мой зад.

— Мы закончили, Celenza?

— Да, — отвечает он. — Закончили.

Марк легонько хлопает меня по попе, будто я проверенная маленькая спортивная машинка. Затем закрывает тюбик колпачком. Встаю и подхожу к зеркалу, верчу головой, чтобы посмотреть на себя сзади в мягком свете лампы.

Розовые полосы постепенно исчезают, но вот горькие воспоминания так просто не испарятся. То, как мне нравилось хлестать белое извивающееся тело Франсуазы, восхитительный вкус дурманящего вина, но больше всего — отражение моего собственного бичевания в глазах Марка. Он наблюдал, как избивают мое обнаженное тело. Этой ночью во мне проснулось нечто более глубинное, чем секс. Но и секс тоже. Ах, секс. Обнажилось мое либидо. Мне очень сложно сейчас не наброситься на Марка. Но я испытываю и стыд за содеянное. Правда, стыд — лишь часть удовольствия.

Каким образом все это работает? Неужели ключ ко всему в греховности? Ключ к мистериям?

Поворачиваюсь к Марку. Он развалился в кресле и неотрывно смотрит на меня. Лорд Роскаррик по-прежнему в ослепительном смокинге, но вот галстук вальяжно развязан, а белая рубашка расстегнута на несколько пуговиц, обнажая треугольник соблазнительной смуглой и мускулистой груди. Он выглядит как юный азартный игрок, который только что спустил состояние на теплоходе-казино на Миссисипи и потратил последние деньги из наследства на шампанское. От его улыбки веет нигилизмом, в кучерявых черных волосах властвует анархия, а в позе — безмятежность: одна нога вытянута, локоть опирается на спинку кресла, он слегка склонился набок и оценивающе смотрит на меня.

— Марк, сколько сейчас времени?

Он бросает взгляд на серебряные часы:

— Три ночи.

— Правда?

Я совершенно потеряла счет времени. Вино, бичевание, музыка. Мистерии закончились своего рода каденцией, все выпили ещепряного и подслащенного вина в освещенной свечами часовне. Музыка становилась громче и громче, а потом перешла на современные ритмы.

Мы с Марком танцевали. Но это был дикий танец, дикий и романтичный одновременно. Сквозь высокие окна мы переместились на пустынную террасу, обвитую виноградными лозами, и очутились высоко над городом-призраком под белесой луной, в пустынной долине, где лежит летний туман. Мы танцевали, крепко обнимая друг друга, а музыка все нарастала, достигая

крещендо. Потом мы как-то оказались здесь. В три часа ночи. Я уже смыла с тела краску и надела платье. Без белья.

вернуться

72

Прости! (*ит.*)

— Я хочу есть, — говорю я.

Марк подается вперед и тянется к двери.

— Джузеппе! — зовет он.

Дверь тут же отворяется, с армейской точностью.

— Signor?

— Подай наш пикник сейчас.

— Si, signor.

Что это значит?

Я заинтригованно наблюдаю, как Джузеппе вместе с двумя прислужницами — они вообще когда-нибудь спят? может, во время мистерий никто не спит? — заносят в комнату три огромные плетеные корзины и клетчатый плед. Узнаю его по Капри. Девушки достают тарелки, приборы и бутылки вина, а потом раскладывают чиабатту, жирненькую салями и сыры — кубики восхитительного таледжио, сливочную, тающую во рту горгонзолу, а еще гигантские неаполитанские помидоры, маленькие зеленые каперсы, сочную розовую черешню, нежные сосиски *soppresata*: теперь мое любимое соленое мясо средиземноморской кухни, мягкое и сладковатое.

Джузеппе и девушки удаляются. На пледе нас ожидает еда, словно натюрморт из рога изобилия на картине семнадцатого века. Кусочек сказочной страны праздности. Крестьянский рай.

— Ты все продумал, — глотая слюнки, говорю я и поспешно сажусь на плед.

— Это моя работа, — пристально глядя на меня, произносит Марк. — Думать обо всем.

Он наблюдает, как я беру нож, отрезаю кусочек от длинной сочной салями, а потом — совершенно неженственно — засовываю вкуснейшее соленое мясо в рот. Плевать на манеры. Я постыдное низменное создание, испорченная девчонка, а еще — голодная вакханка, жаждущая пищи менада. Марк присоединяется ко мне и берет чиабатту, отрывает неслабый кусок и щедро намазывает его горгонзолой.

Мы едим, пьем вино, улыбаемся, а потом смеемся. Опять пьем. Я кормлю Марка кусочком сосиски, он меня — черешней: ждет, пока я уцеплюсь за сочную сладкую плоть, а потом тянет за веточку. Я беззаботно смеюсь. Марк целует мое белое запястье. Мы вместе с аппетитом поедаем колбаски *soppresata*. Просовываю руку под его рубашку и кладу поверх бьющегося

сердца. Марк съедает кусочек лимонного пирога, а затем целует меня своими ароматными губами.

Это полуночный пир, детская мечта о пикнике, нечто запретное, но восхитительное из-за позднего времени суток. Луна широко улыбается над Аспромонте. Марк стягивает с меня платье и льет на грудь немного шампанского, слизывает с напрягшихся сосков искрящуюся жидкость, пузырьки приятно щекочат кожу. В темноте раздается мое прерывистое дыхание. Марк вновь целует меня и слизывает шампанское. На белой коже остался сок черешни. Шампанское повсюду, даже в волосах. Минуло невероятное количество времени. Посуда разбросана, черешня раздавлена, плед скомкан. Пускай луна сама моет посуду.

* * *

Просыпаюсь утром, зеваю и, с улыбкой глядя в потолок, поднимаюсь. Хочу перевернуться и обнять Марка, но его нет. Ушел? На подушке сохранился едва различимый след, значит моего лорда нет уже долгое время. Зато он, как всегда, оставил элегантную записку, написанную перьевой ручкой. Она лежит рядом со мной.

Уехал в Плати на собрание. Позавтракай внизу. Увидимся в три часа. Впереди нас ждет Ла Серениссима! [73] P. Целую.

Плати? Собрание?

Переворачиваюсь на другой бок и смотрю на часы: о боже, уже полдень! Вскрываю с кровати, бегу в ванную и принимаю обжигающий душ — вода слишком горячая, особенно для моего еще побаливающего зада. Заворачиваюсь в полотенце и иду к огромному, громоздкому шкафу в стиле Бурбонов. Открываю его. Джузеппе, или кто еще, заботливо повесил сюда всю мою одежду: так можно и привыкнуть к жизни аристократов.

Выбираю простое летнее платье от «Прада», неяркое, цвета морской волны, и белые теннисные туфли без шнурков. У меня развивается склонность к простоте. Но с каких это пор платье от «Прада» за тысячу долларов стало для меня олицетворением «простоты»?

Я слегка взволнована. Плати? Собрание? С кем?

Бегу к двери. Джузеппе нигде не видно, но снизу доносятся голоса. Кто-то болтает за завтраком? Я словно в большом отеле, к тому же улавливаю аромат свежесваренного кофе. Мчусь вниз по лестнице и поворачиваю направо — нет, это всего лишь задний дворик. Ошеломленно смотрю на припаркованные машины. Некоторые из них дорогие, некоторые просто практичные. Здесь и «лендровер» Марка. Значит, он уехал с кем-то еще. С кем? С Джузеппе?

Я возвращаюсь в замок, иду налево, потом направо, следуя за ароматом свежей выпечки и голосами людей. Выхожу на широкую террасу с большими столами под зонтами. Завтрак здесь довольно поздний. Девушки в белом разносят гостям кофе, сок, круассаны и конфитюр.

Должно быть, это та самая открытая терраса, выходящая на долину, леса и заброшенную Рогуду, где вчера мы танцевали с Марком. Днем здесь все иначе, даже слегка пугающе из-за этих утонченных особ: улыбающиеся богачи, мужчины и женщины, молодые, средних и преклонных лет. Я смутно помню их лица, но откуда? С прошлой ночи? Может быть, а может, откуда-то еще. По сайтам о знаменитостях. Из газет. Журналов светской хроники.

Внезапно мне становится не по себе. Рядом нет Марка, чтобы направлять меня в этом коварном мире европейской роскоши и декаданса высшего общества. Чтобы галантно проводить до столика, положив крепкую ладонь мне на спину, время от времени надавливая и ненавязчиво обучая, как себя вести.

Осматриваюсь по сторонам.

— Александра?

Вот и спасательный круг. Поворачиваюсь и вижу за самым дальним столиком Франсуазу. Она машет мне рукой.

— Капучино, *per favore*, — киваю я девушке в белом.

Подхожу к столику с белыми металлическими стульями. Франсуаза как раз доедает круассан.

— С добрым утром, — озорно улыбается она.

— Bon jour.

— Могу поспорить, ты хорошо играешь в теннис. Крепкий удар. — Ее улыбка становится шире.

— Эффектная подача — мой конек.

Франсуаза вежливо смеется:

— Тебе понравилось?

— Это было... захватывающе, — отвечаю я. — Так что, наверное, да, понравилось.

Я открыто смотрю на свою собеседницу, без тени застенчивости. Тянусь к корзиночке и беру круассан. Макаю в абрикосовый конфитюр. Сладко-горьковатый джем, темный кофе с горчинкой и молочной пенкой. Вкусно!

Глаза Франсуазы сияют. Одета она еще проще, чем я: в джинсы и простую белую футболку. Но я отлично помню ее нагишом: исписанное красками обнаженное тело, подвешенное к потолку. Полностью в моем распоряжении. Вспоминаю, как высоко заносила руку, чтобы нанести удар по белоснежным ягодицам. Очень возбуждающе. Почему? Я что, бисексуалка? Нет, вряд ли. Слишком уж мне нравятся мужчины, особенно Марк Роскаррик. Но это действительно было захватывающе и по-своему возбуждающе.

— А как ты? — спрашиваю я, делая глоток кофе. — Что думаешь... обо всем этом? Я про мистерии в целом.

— Они изменяют меня, — непринужденно отвечает Франсуаза, глядя на крошащуюся балюстраду замка, за пределами которой раскинулись мрачные леса Горьких гор. Выглядит она очень грустной. — Даниэль предупреждал: мистерии изменят меня. Я по-настоящему не верила, но правда есть правда. Они пленили меня. Мне все очень нравится. Я обожаю мистерии, даже всю эту театральность, интригу «куда же мы отправимся в следующий раз»? Что произойдет со мной? Но... — Француженка на мгновение замолкает. — Они меня... пугают. *Un peu dangereux* [74].

Около столика терпеливо ждет девушка в белом одеянии. Я заказываю еще кофе. Затем поворачиваюсь к Франсуазе. Расспрашиваю ее о Даниэле. Она рассказывает, что утром он

занят делами, а вечером они уезжают. Дела... Как и у Марка!

Она вежливо интересуется про Марка, где мы познакомились, где он сейчас. Я радостно рассказываю ей все. А потом, с померкшим весельем, вспоминаю ее слова на Капри.

Мне действительно нужно все выяснить. Не могу перестать думать об утреннем исчезновении Марка.

— Франсуаза, на Капри ты кое-что сказала про Марка...

С долины, что далеко внизу, поднимается нежный, теплый ветерок и колыхает ткань на зонтиках. Франсуаза внимательно слушает мой вопрос. В ее глазах — искренность и откровенность. Но с примесью волнения.

вернуться

73

Ла Серениссима— торжественное название Венецианской республики.

вернуться

74

Слегка опасны (*фр.*).

— Мне вообще не стоило ничего говорить.

— Франсуаза...

— Правда. Я действительно не знаю ничего больше.

— Знаешь.

— Но...

— Расскажи мне. Прошу. Как подруге.

— Но...

— Франсуаза!

Она поднимает на меня глаза и тяжело вздыхает.

— Хорошо, — говорит девушка. — Ходят слухи. Про то, что он сделал. Но мне все равно не стоило ничего говорить. Это лишь беспочвенные сплетни.

— Что он сделал? Ты про «Каморру»? О его принадлежности к «Каморре»?

Она удивленно смотрит на меня и хмурится:

— Нет.

— Тогда что? Что? Это касается его умершей жены? Денег? Чего именно?

Над нами кружит хищная птица. Теперь терраса почти опустела, столики завалены скомканными салфетками, стулья отодвинуты. Мы почти одни. Где Марк? Как он смеет вот так бросать меня здесь? Уехал, значит, на собрание в Плати? Меня вдруг одолевает внезапный, но справедливый гнев.

— Франсуаза, я хочу все знать. Все, что угодно, все! Расскажи. С меня хватит этой таинственной чуши.

Девушка вздрагивает, а потом кивает:

— Ладно. Вот самый безумный слух, который я слышала. — Она делает глубокий вдох и выдох. — Узнала на днях, когда разговаривала с подружкой, итальянкой, познакомилась во время второй мистерии, разговаривала о тебе. Затем я упомянула Роскаррика, и тогда моя подруга, ее зовут Клея, ну, понимаешь, у нее связи в Риме...

— Франсуаза!

— Хорошо! Говорят, что Марк состоял в «Ндрангете» — совсем юным — здесь, в Калабрии...

— Что? Чем он занимался?

Пауза. Наконец Франсуаза отвечает:

— Говорят, он кого-то убил. Хладнокровно застрелил. При свете дня. В Плати.

Над нами по-прежнему кружит орел, издавая хищные, зловещие звуки. Я замолкаю.

Франсуаза тянется через столик и кладет ладонь на мои руки:

— Икс, помни, пожалуйста. Марк Роскаррик молод, красив, богат и умен, а общество завистливо. Это не Америка, где люди радуются твоим успехам. Это старая Европа. Темная старушка Европа. Здесь люди зачастую презирают успех других, он порождает жгучую зависть. Так что, думаю, это всего лишь слухи. Выкинь все из головы.

Выкинуть из головы? Да в моей голове ураган! Марк — убийца?

И тут я за кое-что цепляюсь. Отворачиваюсь от Франсуазы и смотрю на орла.

Плати!

Вспоминаю лицо пожилого мужчины, что прошлой ночью заговорщически общался с Марком у двери. Я решила тогда, что знаю его лицо. Теперь я понимаю откуда. Я часто видела его в газетах, в «Коррьере делла Сера». Но не потому, что он знаменитый политик, актер или предприниматель. Нет. Он скандально известный гангстер: один из самых влиятельных в «Ндрангете». Я даже помню его имя.

Энцо Пазелли.

Поэтому я и слышала название Плати раньше. Это дом «Ндрангеты», сердце беспроглядной тьмы. Дом клана Пазелли.

Я тут же встаю.

— Икс, куда ты? — бледнеет Франсуаза.

— В Плати. Он ведь неподалеку? Должно быть, да. Едешь прямо по дороге. Так Марк говорил.

— Нет, ты не можешь. — Ее потрясение очевидно. — Безумие какое-то! Они... они убивают людей... На дорогах слишком опасно!

Я бегу прочь от столика. Через збмок. Забираюсь в «лендровер». Как я и полагала, ключи торчат в зажигании. Кто осмелится украсть машину с вечеринки, где присутствуют самые отъявленные гангстеры Италии?

Поворачиваю ключ и завожу мотор.

Слышу голос. Это Франсуаза выбегает во двор:

— Икс, не делай этого. Нельзя! Плати — ужасное место, там опасно, Александра!

Я сдаю назад и поворачиваю направо, уезжая по грязной дороге к Плати.

24

Поначалу дорога кажется нормальной, но затем она сужается до тоненькой полоски земли, которая извивается вокруг крутых гор. Слева от меня разверзлась пропасть, заполненная камнями и тускло-серым гравием, река пыли, присоединенная к серо-бирюзовой глади Ионического моря. Временами я даже вижу воду среди зелени буков.

Сейчас здесь все уныло, но могу представить весну: дикие цветы, розовый олеандр, желтый раkitник, отблески воды, потоки тающего снега. Но знойным летом — лишь камни, пыль и пустота. И исчезающая дорога.

Еще один пыльный поворот — и я вижу, как оползень унес целый кусок дороги. Мне придется тащить машину через сотни ярдов коварных дебрей. В четверти мили подо мной среди деревьев притаился обугленный каркас «фиата», заржавевшее напоминание о ком-то, кто не смог безопасно проехать по этой дороге.

И все же я жму на педаль и еду вперед, переключаю скорости, слушая жалобное нытье мотора. Я медленно рулю по камням, грязи и щебню, «лендровер» рычит, знаменуя мою решительность, которая граничит с отчаянием.

Я должна добраться до Плати. Должна узнать правду о Марке. Просто уверена: Энцо Пазелли расскажет мне все, если только я доберусь до него.

Не знаю, с чего я это взяла.

Двигатель джипа визжит. Я вдавливаю ногу в пол, и машина рывком прыгает вперед, разбрасывая камни в стороны. Задние колеса опасно кренятся влево и повисают над обрывом! Но передние прочно цепляются за землю, и машина выстреливает вперед. Мы снова на дороге, «лендровер» и я. Целые и невредимые.

Несмотря на секундное облегчение, меня одолевают тяжкие сомнения. А вдруг Марк окажется там? Сидит за белым столиком и смеется, попивая амаретто и вспоминая своих жертв.

Меня охватывает дрожь.

Неужели убийца?

Боже, прошу, пусть окажется, что Марк не убийца!

Еду дальше. Просто веди машину, Икс, доберись до места, сократи расстояние между вами. Пыльная, неровная, извилистая дорога, казалось, тянется бесконечно. Вдруг замечаю одинокую дикую лошадь, ошарашенно глядящую на меня. Наверное, ей тоже интересно, что в этом опаленном солнцем месте забыла машина. Дорога наконец становится лучше, а вот мое напряжение нарастает.

Что, если Марк отправился в Плати из-за какого-то конфликта? Марк, прошу, не поступай так со мной! Не окажись одним из них.

Плати.

Вот и приехали. Из узкого проезда, лишённого растительности, спускаюсь в другую долину. Теперь я вижу городок, не такой уж маленький, как я ожидала. Он рассыпался по зеленым холмам, как мусор, будто кто-то опустошил здесь мешок с отбросами и ушел. Повсюду недостроенные дома, дороги, магазины.

— Эй! Эй! — кричат двое мальчуганов и показывают на машину.

Проезжаю мимо обнесенного стеной кладбища на окраине Плати. Мальчишки играют на могилах в какую-то глупую игру, но, увидев меня, радостно прыгают и кричат.

— Signorina! Signorina!

Один из них показывает непристойный жест, оба хохочут и визжат от радости. Никак не могу понять, удивлены ли они появлением человека на ужасно опасной дороге или выступают в роли наблюдателей для жителей города.

Затем до меня доходит. Их поразило, что в Плати вообще приехал кто-то новый. На лицах всех остальных я встречаю то же ошеломленное выражение, распахнутые рты и огромные глаза. Рядом с покрытым сажей баром стоят пожилые мужчины с бутылками граппы. Старики разом поворачивают голову и следят за чужой для них машиной. Один из них мрачно и угрюмо качает головой, будто оскорблен до глубины души.

Теперь мне и впрямь страшно. Плати — омерзительное место, воздух здесь пропитан враждебностью. На мгновение мною овладевает желание вдавить педаль газа и проехать напрямик сквозь этот отвратительный городок, вырваться на нормальную дорогу и направиться к побережью, Реджо и аэропорту.

Но я не могу, нужно узнать правду о Марке. Припарковываюсь на пустой площадке. Видимо, здесь, по безобразным меркам Плати, находится главная площадь, пьядца, хотя на самом деле вокруг лишь скопление бетонных зданий, которые лишь чуть выше остальных, однако такие же недостроенные.

Замечаю простенький бар, замаскированный среди бетонных стен. На улице даже стоят несколько пластиковых столиков, за которыми потягивают выпивку и пялятся на меня мужчины. Вот так. Обычное итальянское кафе — это средоточие общества, а поскольку передо мной самый большой бар в городе, то, скорее всего, здесь я найду Энцо Пазелли и правду о Марке.

Сажусь за свободный пластиковый столик, стараясь не замечать реакцию окружающих: один парень стучит пальцем по носу — знак, что дело пахнет жареным, другой опускает веки, словно бы говоря: смотрите в оба.

К моему столику подходит унылый официант. Он всем своим видом показывает, что не горит желанием обслужить меня. Парень не хочет со мной даже разговаривать, лишь бы я уехала. Но хватит краснеть, я уже слишком далеко зашла.

— Signorina?...

— Эспрессо, per favore.

В глазах парня загорается надежда: значит, синьорина лишь выпьет чашечку кофе и уйдет, какое облегчение!

Но тут я добавляю по-итальянски:

— Sto cercando Enzo Paselli [75].

Лицо официанта словно каменеет. Наверняка я нарушила какой-то ужасный кодекс, лишь упомянув это имя.

Официант не отвечает. Побледнев на глазах, он поворачивается и скрывается в кафе.

Люди за соседними столиками таращатся на меня. Две молоденькие мамы с младенцами на руках открыто кривятся. Трое мужчин среднего возраста, в аккуратных блейзерах и хорошо отутюженных брюках, удивленно смотрят поверх бутылки «Неро д'Авола» на глупую американскую блондинку.

Возвращается официант.

— Эспрессо, — грубо бросает он и, не протерев стол, ставит маленькую белую чашечку и блюдце.

Как же он хочет, чтобы я поскорее выпила кофе. Уходи, signorina, прочь отсюда!

Я поднимаю на него глаза и повторяю:

— Sto cercando Enzo Paselli.

Официант выпрямляет спину и осматривается, словно ища поддержки, какой-то помощи с этой ненормальной американкой, желающей, чтобы ее застрелили.

Мое сердце бьется часто, но ритмично. Да, мне страшно, однако я не отступлю. Этот вздор я повторяю трижды за час. Каждый раз, когда официант возвращается, я заказываю кофе или воды и спрашиваю про Энцо Пазелли. Каждый раз парень бледнеет и грустно смотрит на меня, ничего не отвечает и приносит кофе. Слышу, как перешептываются другие посетители. Один из троих мужчин поднимается и покидает своих друзей. Пошел за пистолетом? За головорезами?

Вдалеке раздается хлопок от машины, на мгновение мне кажется, что момент настал. Кто-то стреляет. Мне хочется заплакать, убежать из этого ужасного места, Плати. Но нужно узнать правду о Марке. Поэтому я встаю и иду напрямиком к официанту, который чуть ли не отпрыгивает от меня.

— Sto cercando Enzo Paselli, — в сотый раз повторяю я.

На этот раз он отвечает итальянским жестом: сводит ладони вместе, как для молитвы, затем трясет ими вверх и вниз. Это значит: прошу, прошу, прошу вас, не нужно безрассудства.

— Signorina, per favore, non si capisce... [76]

— Sto cercando Enzo Paselli!

Я почти перехожу на крик. Я в отчаянии. Они имеют полное право вызвать полицию, но вот только она никогда не приезжает в Плати.

Затем мне на локоть ложится чья-то ладонь. Поворачиваюсь и вижу низенького мужчину.

— Venga con me, — говорит он на калабрийском.

«Иди за мной».

Возможно, он отведет меня в мою же машину и пристрелит. У него на шее огромная татуировка. На ногах — байкерские сапоги со скошенным каблуком. Следую за мужчиной, мы поворачиваем за заваленный мусором угол, и тут же я вижу другое кафе, более утонченное, с навесом для летней террасы и скатертями на добротных столах.

И вот передо мной Энцо Пазелли. Сидит за воскресным, довольно поздним ланчем. В одиночестве. Смотрит на меня. На его столе полбутылки вина и тарелка с улитками. Babalucci, прикрепленные к зеленым листьям.

Когда я подхожу к столику, мужчина даже поднимается. На нем бледно-голубые брюки и рубашка с расстегнутым воротником, которая обнажает дряхлую шею. Грудь покрыта седыми волосами. Лицо исчерчено морщинами, на голове лысина. Однако от Энцо Пазелли исходит невероятное чувство опасности, даже смертельной свирепости. Киллер со вставной челюстью.

Он протягивает руку, испещренную коричневыми пятнами. Пожимаю ее. Рукопожатие этого мужчины слабое, еле уловимое. Наверное, он все же нанимает других для убийств.

Затем мужчина садится и проглатывает еще одну крохотную улитку. По его подбородку, сверкая на солнце, стекает склизкая жидкость. Он начинает разговор на идеальном американском английском:

— Как я понимаю, вы меня искали.

— Да.

— Знаете, это очень глупая затея. — Он улыбается, на подбородке по-прежнему блестит влага.

— Да.

— Так зачем? — Он съедает еще одну улитку, раздавливая ее вставными зубами. — Зачем приезжать в Плати?

Тишина. Что мне сказать? Энцо прерывает мои размышления.

— А вы знаете, юная леди, что здесь часто похищают людей? Буквально под каждым домом есть туннель. Повсюду в лесах предаются земле тела. Очень, очень много тел!

— Я девушка Марка Роскаррика и хочу узнать правду.

Вновь пауза, но чуть короче. Мужчина кивает в мою сторону:

— Значит, вы Александра Бекманн. Так я и думал.

Я пораженно смотрю на него. Он больше ничего не говорит, лишь берет салфетку, будто для того, чтобы вытереть с подбородка слизь, но вместо этого отгоняет ею муху. Затем подается вперед и делает глоток вина «Греко ди Бьянко». Муха по-прежнему жужжит вокруг нас.

— Как вы узнали, — заикаясь, спрашиваю я, — кто я такая?

— Это моя работа, все обо всех знать. В противном случае... — попивая вино, улыбается он. Затем съедает еще одну улитку. — В противном случае я стал бы одним из трупов, похороненных в лесах над Джоя-Тауро.

Пока Энцо Пазелли жует, пьет и смотрит на меня водянистыми глазами, между нами висит тишина. На его подбородке все еще блестит след от улитки. Может, мужчина намеренно не стирает слизь, чтобы вызвать во мне отвращение, — мафиозный спектакль. Если так, это работает. Я почти теряю самообладание, еле сдерживаюсь, чтобы не убежать.

— Прошу, — подаю я голос, — расскажите мне правду про Марка Роскаррика. Вы ведь знаете его. Я видела вас прошлой ночью в замке Рогуда. Мне надо знать правду о нем и о том, что произошло в Плати.

Энцо Пазелли задумчиво поедает улиток, осторожно отделяет их от тонких зеленых листьев, насаживает на крошечную вилку и отправляет в свой влажный старческий рот. Проглатывает, затем отвечает:

— Вы смелая женщина, мисс Бекманн. Приехали сюда по горной дороге из Рогуды? В самый опасный город во всей Италии. А вы знаете, что он еще и самый богатый? Правда, деньги похоронены, как и разлагающиеся трупы. — Энцо Пазелли откидывается на стуле. — Так вот, вы смелая, очень смелая. А я восхищаюсь смелостью. Это величайшее человеческое достоинство, достоинство Иисуса. И лишь поэтому, — улыбается он, — я расскажу вам правду про Марка Роскаррика. — Он поднимает бокал и слегка наклоняет его, любуясь золотистой жидкостью. — Роскаррик — убийца. Это правда. Он убил мужчину, здесь, в Плати, среди бела дня. Рядом с кафе, где вы выпили несколько эспрессо.

Солнце одновременно обжигает и холодит мою шею. Голова идет кругом. Все кончено. Моя любовь, мой лорд, мое одиночество. Все кончено.

Энцо Пазелли улыбается. Между его вставными зубами блестит слизь от улиток. Это грандиозная комедия, но я не смеюсь, совсем даже не смеюсь.

— Но у него была на то причина. Вы должны знать все обстоятельства.

— Что? — выдавливаю я, пытаюсь сохранить спокойствие. — Тогда, пожалуйста, расскажите мне об этом.

— Лорд Роскаррик вел здесь бизнес, импорт через Реджо.

— Да, это я знаю.

Энцо Пазелли кивает и проглатывает одну из последних улиток.

— Здесь, в Плати, он разозлил очень многих людей. Насолил кое-каким важным шишкам. Он совершенно не подсластил наш кофе, понимаете?

— Да.

— Некоторые из этих людей захотели убрать Роскаррика. Поручили работу Сальваторе Пальми. Вы вряд ли слышали о нем. Но в Калабрии его все знали, по крайней мере его прозвище — Норцино. — Пауза. — Мясник. — Энцо делает большой глоток вина, вздыхает и продолжает рассказ: — Норцино было не подобраться к Роскаррику, уж слишком хорошо его охраняли, но вот работников Роскаррика он запросто мог достать. Итак, Мясник отправился на работу и зарезал несколько людей Роскаррика. Изрубил их на куски. Трех за неделю. Буквально разрезал на мелкие кусочки, заживо. У него были особые ножи.

вернуться

75

Я ищу Энцо Пазелли.

вернуться

76

Синьорина, пожалуйста, вы не понимаете... *(ит.)*

Я потрясенно смотрю на этого старика. Слизь от улитки подсохла на солнце, превратившись в пленку. Время будто замерло. Мы сидим на улице вдвоем, а внутри ресторана, поглядывая на нас, маячат взволнованные лица.

Энцо отодвигает тарелку и завершает свой рассказ:

— Сальваторе Пальми был омерзительным психопатом. Его ненавидели, боялись. Даже в Плати его считали... изгоем. Но полиция была слишком напугана, чтобы предпринимать какие-либо действия. Сальваторе работал на кланы, на боссов. Неприкасаемый и неуправляемый. Норцино слишком уж любил свою работу, обожал делать прошутто из человечины. На следующей неделе Сальваторе убил старшего рабочего Роскаррика. Дома, на глазах у детей: отрубил ему голову, а затем сразу же убил его жену. И только потому, что Норцино нравилось убивать. — К горлу подступает тошнота. Энцо качает своей лысой головой. — Страх сковал всех и каждого. Норцино был словно домашняя собака, ротвейлер, которая теперь пугала и семью. Слишком большая, чтобы ее контролировать. В тот день, воскресным утром, он сидел в кафе, там, где вы сегодня попивали эспрессо. Вместе со своими приспешниками. Мясник Сальваторе даже подумать не мог, что у кого-то хватит смелости вот так заявиться в Плати. — Молча смотрю на Энцо. Он кивает: — Но у Марка Роскаррика этого мужества хватило. В следующее воскресенье, после того как Мясник зарезал ту семью, твой бойфренд заявился в Плати, на главную площадь. Подошел к Сальваторе с пистолетом в руке. Норцинопил «Просекко», расслабленный, совсем не готовый к такой встрече и совершенно потрясенный. Роскаррик поднял Сальваторе на ноги, вытащил в центр площади, поставил на колени и прострелил Мяснику голову. Затем сел в машину и уехал. — Глоток вина, мудрая улыбка. — Это был самый

смелый поступок на моем веку, а как я уже сказал, я восхищаюсь храбростью. К тому же довольно умный шаг: столь эффектный, что перерос в легенду. Роскаррик заработал себе репутацию, которая по сей день водится за ним. Многие поверили, что у него есть власть, влияние, что он на вершущке «Каморры». Как иначе объяснить такую дерзость?

— Значит, он не состоит в «Каморре»?

Энцо пропускает мой вопрос мимо ушей:

— Народ Плати отомстил бы за такую выходку, но на этот раз мы решили проявить лояльность. Все же Роскаррик избавил нас от проблемы, от собаки, которая стала слишком большой. — Энцо напрягается, будто собирается встать. — Мы встретились с твоим лордом Роскарриком. Объявили перемирие. Велели ему покинуть Калабрию и пришли к согласию, что на этот раз «Ндрангета» не станет мстить. Поэтому я и встречался с твоим парнем прошлой ночью и этим утром. Чтобы сохранить перемирие. — Морщинистые губы Энцо расплываются в улыбке. — Мне нравится Роскаррик, но он совершенно сбивает меня с толку. До сих пор не могу понять, святой он или грешник. Откуда он взял деньги, чтобы начать бизнес? Семья Роскаррика погрязла в бедности. Затем умирает его богатая молодая женушка, так внезапно. Злая шутка судьбы. — Энцо вновь отмахивается от мухи салфеткой. — А теперь, Александра Бекманн, нам пора прощаться. Если вы когда-либо вновь приедете в Плати, то найдете меня в этом ресторане. По вечерам здесь готовят отменное *osso bucco* [77]. Но сейчас вам пора уезжать, я не могу держать собак в будке весь день. Уезжайте, пока не попали в леса над Джоя-Тауро. Уезжайте.

Слегка шатаясь, я поднимаюсь на ноги. Заворачиваю за угол и пересекаю неряшливую пьядца. Забираюсь в машину. На этот раз я еду по главной дороге, по побережью Калабрии. Мне хочется ощутить себя в безопасности, хочется выбраться отсюда, сбежать. Прошу, Господи, спаси меня! Прошу, прошу, прошу!

Рыча, машина спускается вниз. В голове кружится ураган мыслей. Я бегу. Из Плати. Единственная хорошая дорога ведет в долину. Я мчусь мимо оливковых рощ, уезжая слишком далеко, уносясь подобно моим мыслям. Поворачиваю и вижу машину, направляющуюся мне навстречу. На дороге одностороннее движение. Два лица, двое мужчин. Один из них выбирается наружу, я останавливаюсь.

Это Марк. Он стоит передо мной с напряженным, грустным, даже отчаянным лицом.

На трясущихся ногах выхожу из машины. Марк смотрит на меня своими печальными, бледно-голубыми прекрасными глазами. Нас разделяют шесть ярдов.

Я так рыдаю, что, кажется, сейчас потеряю сознание. Бегу в его распахнутые объятия.

— Марк... Марк... Марк!

25

Марк крепко прижимает меня к груди, пока я всхлипываю, глотая слезы. Затем поднимает мою голову и дважды целует, в лоб и губы. Во рту солено от слез.

— Я вернулся в Рогуду, в замок, — говорит он.

— Но, Марк...

— Одна девушка, Франсуаза, сказала, что ты уехала в Плати по той ужасной горной дороге. Одна?

— У меня не было выбора...

— Я уже приготовился к худшему. — Он целует меня. — Думал, ты сорвалась с дороги, погибла. Потом... — Он снова целует меня, страстно и стремительно. — Потом я подумал: даже если ты добралась до Плати, что тогда? Что ты станешь делать? Что скажешь? С тобой могло случиться... все, что угодно. Я послал людей проверить горную дорогу, а мы с Джузеппе поехали по этой до Плати. — Марк снова поднимает мою голову за подбородок. — Что случилось?

Рыдания утихают. Вытираю лицо ладонью, смахивая со щек соленую влагу. Джузеппе делает шаг вперед и подает салфетку.

— Grazie, — бормочу я.

Я вытираю слезы. Джузеппе придерживает дверь машины. Пытаюсь выровнять дыхание, успокоиться. Забираюсь на переднее сиденье, Марк садится за руль. Джузеппе следует к «лендроверу». Мы уезжаем прочь, на юг, к Ионическому морю.

— Марк, я виделась с Энцо Пазелли, — говорю я. — Он рассказал мне про... про Мясника. И то, что ты сделал.

Марк молча ведет машину. Его лицо напряженно и задумчиво.

— И что? — спрашивает он, не глядя на меня.

— Марк, заberi меня отсюда. — Я касаюсь его руки. — Куда-нибудь. Куда угодно.

Он поворачивается ко мне. Кладет руку на мое бедро, нежно, успокаивающе. Подавляю новый поток слез, готовый хлынуть из-за переизбытка эмоций.

По узким улицам Калабрии неспешно льется поток машин. Мимо проносятся безобразные города. Наконец я выхожу из своего странного, полубморочного состояния.

— Куда мы едем?

— В аэропорт, затем — в Южный Тироль.

— Тироль?...

— Джузеппе вернется в Неаполь, а мы долетим прямым рейсом до Вероны, а оттуда возьмем машину. Хочу ненадолго уехать с юга.

— Хорошо... хорошо. Тироль. У тебя там дом, шлосс.

Вспоминаю теперь: Южный Тироль. Конечно же. Как я могла забыть головокружительное вино. «Москато роса».

— Там тихо и красиво, — говорит Марк, глядя на разрушившееся здание без половины фасада. — Там безопасно, и отсюда далеко. А потом, — добавляет он, поворачиваясь ко мне, — мы поедем в Венецию.

К тому времени, как мы приземляемся в аэропорту Вероны, мои нервы приходят в порядок. Немного. За пределами маленького терминала Марка встречает какой-то друг — или знакомый, а может, слуга — и передает ему ключи от другой машины: небольшого и быстрого «БМВ». Поражаюсь, как все в жизни становится проще с богатством Марка. Однако он заработал эти деньги, борясь с мафией. И в конце концов убил человека.

Мне хочется убежать навсегда. Но еще я страстно желаю поцеловать Марка. Однако я молча забираюсь в машину, и мы направляемся в Тироль.

Поначалу местность выглядит разрозненной: сельские пейзажи Северной Италии. Супермаркеты на перекрестках и бетонные каналы, большое количество сельчан — уставшие и раздражительные в жарких лучах заходящего солнца. Даже в восемь часов вечера здесь тридцатиградусное пекло. Пыльные, опаленные солнцем равнины Венто. Засохшие и коричневые. И я такая же засохшая. Мне нужен секс. Мне нужно снять напряжение сексом. Только так я смогу со всем справиться. Только так смогу принять Марка.

Секс!

Может, просто дотянуться и поцеловать Марка? Но почему-то я не могу. Причины не знаю. Значит, буду просто сидеть, желать его и смотреть на проносящиеся мимо кипарисы. Разглядывать выставочные залы «альфа-ромео» и пологие холмики.

вернуться

77

Традиционное блюдо итальянской кухни, представляющее собой тушеную телячью голяшку.

И тут я изумленно распахиваю глаза. Вижу впереди горы. На верхушках некоторых лежит снег, они колоссальные и грандиозные, кристально чистые и сверкающие. По указателям на Тренто и Больцано определяю, что мы уже на подъезде. С ревом несемся по автостраде, рассекая огромную речную долину, а по обеим сторонам нависают горы.

— Ослепительно! — высовываясь из окна, говорю я.

Пожалуй, первое слово за последние два часа. Оно вырвалось само собой в ответ на внезапно открывшуюся красоту. И я по-прежнему хочу Марка.

— Подожди, *saia mia*. Скоро станет еще лучше, — отвечает он.

Марк вжимает педаль, и мы обгоняем длинный чешский грузовик. Держим курс на север. Когда скорость увеличивается, я понимаю, о чем говорил лорд Роскаррик.

Теперь пейзаж просто потрясающий, даже сказочный. Ярко-зеленые виноградные и яблочные сады поднимаются к утесам, на которых, пленительно сверкая на солнце, восседают темные фигуры замков. Еще дальше, позади замков и древних горных деревень, высятся горы.

— Доломиты.

Никогда не видела ничего подобного. Будто не настоящие. Это горы в представлении

маленького гения: огромные иглы серых, покрытых льдом скал, парящие в десяти или пятнадцати тысячах футов над землей. Они почти вертикальные. Как башни из камня и льда, величественные соборы, ожидающие чего-то. Но чего именно?

— Мальчишкой я часто бывал здесь, — говорит Марк. — Мама и сестра по-прежнему обитают в этих краях.

Он съезжает с автострады, и мы направляемся по узенькой проселочной дороге, сквозь виноградники, где ссутулившиеся старики внимательно осматривают лозы. Мчимся мимо ярко-изумрудных ферм, где по лугам скачут галопом кони, мимо пестрых старых деревенок со средневековыми церквушками. Стараюсь не думать про нас с Марком: обнаженными. Я, наверное, помешалась. Можно ли приобрести сексуальный психоз? Неужели мистерии сделали меня гиперсексуальной?

И вдруг я понимаю.

— Все указатели на немецком.

— Мы уже проехали языковую границу, — отвечает Марк.

Пытаюсь не смотреть на его мускулистые руки, крепко держащие руль, и на щетинистый и очень мужественный подбородок или на подергивающиеся скулы, что делают лицо моего лорда опасным, хищным и агрессивным. Я легко могу представить Марка в гневе, как он кого-то убивает. И все же я хочу поцеловать его. Все это определено неправильно.

— В десяти милях позади говорят в основном на итальянском, здесь — на немецком, хотя по национальности они по-прежнему итальянцы. Итальянцы, которые умеют нормально парковаться.

Новый внезапный поворот выводит нас на длинную, засыпанную гравием подъездную дорожку. Я с открытым ртом смотрю по сторонам. Перед нами огромный и очень красивый старый дом, оплетенный виноградными лозами и бугенвиллеей. В углу красуется массивная башня с бойницами.

— Шлосс Роскаррик. Мама и сестра сейчас в отъезде, вернутся завтра.

Марк дерзко разворачивает машину на гравии и припарковывается перед главным входом. К нам торопится мужчина средних лет, в шортах, сандалиях и футболке. По его манере видно, что это один из слуг.

— Guten tag [78], Клаус, — говорит Марк и выходит из машины.

Слуга улыбается, забирает ключи и очень вежливо кивает. Затем за что-то извиняется, ссылаясь на работу в саду. По крайней мере я так поняла по слову «garten», мой немецкий совсем никудышный. Марк кивает и радостно принимает извинения. Указывает на наши чемоданы на заднем сиденье.

— Ein uhr? Im Zweiten Schlafzimmer. Danke [79], Клаус.

Марк берет меня за руку и ведет к огромной двери. Больше не могу сдерживаться ни секунды. Как только переступаем порог, я беру лицо моего лорда в ладони и целую.

Повод ему и не нужен. Он подхватывает меня на руки, и мы целуемся. И снова.

— Марк! — рыдая и смеясь, выкрикиваю я. — Думаю, ты обязан меня трахнуть. Или я сбегу.

Он ставит меня на пол и принимается за мою одежду. Я делаю то же самое. Расстегиваю его рубашку. Хочу впиться ногтями в обнаженную мускулистую грудь. До крови. Хочу увидеть его возбуждение. Из-за меня. Хочу иметь над ним власть.

— Сюда, — говорит Марк и повелительно тянет меня за собой. — Спальня там, наверху.

Лестница просто громадная, широкая и величественная. Пока мы поднимаемся, Марк пытается раздеть меня. Я отталкиваю его, затем скидываю туфли. Остаюсь босиком. Бегу. Он бежит следом. Срывает с себя рубашку, кидает за перила. Легкая ткань парит в теплом воздухе как знак необузданного желания.

— Где эта спальня?

— Здесь, — говорит Марк, и я поворачиваюсь к нему.

Он пропускает меня внутрь спальни, дверь захлопывается за нами. Марк без рубашки, я уже лишилась платья. Теперь я в нижнем белье. Но мне хочется быть полностью голой, голой в его объятиях. Мне жарко, я вспотела после долгой дороги. Надо помыться.

— Мне нужно в душ.

— Тогда позволь помыть тебя.

Марк перекидывает меня через плечо и несет в просторную, ярко-освещенную и невероятно современную ванную. Повсюду блестит металл. Оглядываюсь кругом. Марк заплатил за это, за все это.

Теперь мой дорогой лорд Роскаррик ставит меня на пол. Расстегивает бюстгальтер и спускает по ногам трусики. Я голая, потная и вся в предвкушении.

— Помой же меня.

Он вновь поднимает меня, как фигурист свою партнершу, и ставит в душевую кабину. Поворачивает металлический кран, и на меня потоком льется теплая вода. Затем берет душ с гибким шлангом и приступает к делу. Его руки теплые и скользкие от мыла. То же самое мыло, что и в Неаполе. Из Флоренции. Аромат просто божественный. Марк тщательно смывает с меня пыль и пот.

Он поливает воду на ступни, намыливает пальчики на ногах — аккуратно, нежно и грациозно. Поднимает одну ступню за другой и моет каждый пальчик. Целует. Посасывает один, затем второй и переходит к лодыжкам, коленям, бедрам. Методично моет каждый участок моих ног. Старательно массирует ягодицы, втирая мыло и споласкивая горячей водой. Внутри зарождается удовольствие. Но я жду и наблюдаю. Марк поворачивает меня и направляет струю теплой воды вниз живота, на лобок. Рука проскальзывает между мокрых, скользких бедер. Это уже чересчур.

— Залезай ко мне в душ.

— Через минутку, *saia mia*, через минутку.

Теперь он намыливает мои груди. Хмурится, массируя их и покрывая ароматной пеной. Какие

же нежные у него руки, какие крепкие. Он заносит душ у меня над головой и льет воду на волосы и лицо. Зажмуриваюсь, позволяя влаге смыть остатки пота с моей кожи. И вдруг рта касаются теплые губы. Марк страстно целует меня.

Теперь он тоже в душе. Сбросил джинсы и стоит голым рядом со мной. Я ощущаю близость его восставшего члена, упирающегося в меня. Открываю глаза и обхватываю ладонями набухшую великолепную плоть. С восхищением и осторожностью намыливаю его по всей длине. Обожаю возбужденное достоинство моего лорда. Обожаю его. Обожаю его страсть ко мне. Как я могла сомневаться в нем?

Марк смывает пену и выключает душ. Выходим из кабины, ступая на полотенца, и вытираем друг друга. Перекинувшись взглядом, мы буквально мчимся в спальню. Нагие, чистые, молодые. Влюбленные! Жаждающие секса. Как обычные любовники. Нет, лучше. И хуже. Стойте...

И вот мы в постели. Марк хочет овладеть мною, но я его останавливаю. Качаю головой. Дотягиваюсь и кладу ладонь на горячую плоть. Смотрю ему в глаза.

— Ты убил человека, — говорю я.

— Да, убил, — кивает Марк, его глаза блестят.

— Тебе пришлось так поступить?

— Да, пришлось.

— Я смогу простить тебя.

— Сможешь ли?

Крепко сжимаю его член. Марк прищуривается. Наши лица так близко друг от друга.

— Да, смогу. Потому что люблю тебя, Роскаррик. Я чертовски тебя люблю. Хотя лучше бы не любила. Но это так.

Я впервые сказала самые главные слова. По моей щеке катится слезинка. Убираю руку и ложусь на спину.

— А теперь, прошу, сделай это. Возьми меня, пока... пока я не передумала и все не рухнуло, пока я не сдалась и не сбежала.

вернуться

78

Добрый день (нем.).

вернуться

79

Один час? Во второй спальне. Спасибо (нем.).

Марк кивает. Опускается, чтобы улажить меня языком. Но нет, я хочу не этого. Приподнимаюсь и беру его лицо в ладони и подтягиваю к себе. Целую в губы, красные, прелестные губы. Вновь целую.

— Марк, я готова.

Ничего не ответив, он опускает меня на кровать и разводит бедра. Подается вперед. Властно смотрит мне в глаза и слегка улыбается. С силой входит в меня.

Я испытываю невероятное облегчение. Сжимаю зубы. Больно. И великолепно. Марк снова погружается в меня, и снова. Я такая влажная. И совсем не из-за душа. Еще толчок, я ахаю. Вскрикиваю. Чуть ли не рыдаю вновь. Ощущения затмевают разум. Это то, в чем я нуждалась. Сегодня никакой нежности, не после утренних событий. Никаких томительных предварительных ласк. Только это. Только он. Жестко. Обладание мною. Целиком и полностью.

Мы буквально трахаем друг друга. Иначе не описать. Трахаем друг друга. Берем то, в чем оба нуждаемся. С аппетитом и страстью. Целую упругое, великолепное плечо своего любовника. Затем кусаю, с силой, и снова целую.

Он издает вздох:

— Ты...

Веду ногтями по спине Марка, пока он глубже и глубже погружается в меня. Еще один вздох. Знаю, ему больно. Но я хочу, чтобы было больно. Ему и мне. Смотрю Марку в глаза. Он вздыхает надо мной, затем вновь приближается и вводит член. Снова и снова.

— Я люблю тебя, сволочь ты! — выдыхаю я.

И снова впиваюсь ногтями в кожу. Сильный толчок. Провожу пальцем по жесткой и безумно красивой линии подбородка.

— Ненавижу и люблю.

— Икс... Икс!..

Марк поднимает мои ноги, так что ступни упираются ему в грудь. И непрерывно трахает меня. Мои белые босые ножки на его мускулистой, загорелой груди с темными волосами. Он трахает меня. Затем разводит мои ноги в стороны, крепко стискивая щиколотки ладонями. Поднимает еще выше, заводя назад, до боли. Но Марк, видимо, решил внедриться в меня еще глубже. Так глубоко, что я буквально раздавлена его весом.

Я подчиняюсь. Марк доминирует. Он так сильно завел мне ноги назад, что ступни касаются стены. Но мне нравится, нравится эта легкая боль. Лишь бы он не останавливался, скакал на мне, властвовал надо мной. Пускай делает все, что хочет. Мой лорд очень близок к финалу. Я вижу это по неистовой ярости в его красивых глазах. Внезапно он отпускает мои ноги, и те падают. На секунду Марк замирает, словно выжидая чего-то.

Я тянусь к нему.

Прикусываю его плечо, и тут он вновь вонзается в меня. Ох уж это крепкое, мужественное, мускулистое тело. Плечи атлета. Руки убийцы. Летальная схватка. Ох уж этот дуэлянт. Марк Роскаррик.

— Сзади!

Кто я, чтобы раздавать приказы?

Но Марк повинуется. Разворачивает меня. Кружит, как балерину в танце. Я словно игрушка, его излюбленная вещь. Он опять раздвигает мне ноги. Да, да! Мы так близки к экстазу. Утыкаюсь лицом в подушку. Знаю, что будет дальше. Восхищена тем, что будет дальше.

Но на этот раз все несколько иначе. Марк делает восемь или девять резких, властных толчков, невероятно глубоких, а затем отступает. Подхватывает меня под живот и поднимает, перенося через всю комнату.

К окну. К этому огромному, широко распахнутому окну. С видом на горы, леса и темно-синее вечернее небо. Горы залиты алым светом заходящего солнца. Великолепие. Марк перегибает меня через обитый кожей подоконник. Смотрю вперед, на горы. А позади — Марк.

Он вновь овладевает мною. Трахает меня у окна. Прохладный воздух приятно холодит груди. Аромат сосен и гор заполняет легкие. Вижу ледяные вершушки доломитов. На клитор ложатся нежные пальцы. Лоно заполнено горячим желанием Марка. На моих ресницах слезы. Оргазм совсем близко, я чувствую это. Он как подъезжающие всадники. Гром!

27

— Ну и как в Южном Тироле? Здорово?

— Очень красиво, ослепительно! Доломиты — нечто невероятное. Ле Корбюзье говорит, что их будто спроектировали. И это так.

— Ле Крузет? Парень, что делает блюдца? Какая разница, что он думает про доломиты?

Подозреваю, что Джесс шутит.

— Не Ле Крузет, а Ле Корбюзье. Швейцарский архитектор.

— А...

— Джесс, они потрясающие. Зеленые-зеленые луга с дикими цветами, теплые прелестные озера на высоте в четыре тысячи футов. Розовато-серые вершушки, будто соборы — целый парад готических соборов.

— Правда?

— Да.

— Хм, горы. Кому это интересно? Слишком преувеличено.

Я улыбаюсь, а Джесс хохочет на экране ноутбука. Мы общаемся по скайпу. Она сидит в своей квартире в Неаполе, за ее спиной — ироничный календарь Муссолини. Я же нахожусь в просторной комнате на втором этаже арендованного палаццо на Гранд-канале. В Венеции. Утром мы приехали сюда из домашнего поместья Марка в Тироле. Припарковались в Местре и проплыли на яхте через лагуну.

Венеция!

— Значит, ты побывала в его знаменитом шлоссе, спала там и ела kartoffelsalat и все такое?

— Ja. Es schmeckt gut [80].

— И твои... раны... зажили?

— Я в полном порядке. Спасибо, что переживаешь за меня.

— Ну, Икс, я всего лишь волнуюсь за твою задницу. Наверное, ей еще так достается.

Джесс слегка раздражена, что я не делюсь с ней всеми подробностями мистерий. Она хочет знать малейшую деталь, чем непристойнее, тем лучше. Но конечно же, я не могу многого рассказать.

— Поверь, я в порядке. У нас все в порядке.

Подруга закатывает глаза и усмехается.

— Ну и каков этот шлосс? — спрашивает она.

— Большой и... величественный. А еще я встретила с матерью и сестрой Марка.

— Правда? С Леди Само Совершенство? Ну и как? — Глаза Джесс распахнулись в ожидании рассказа.

— Вообще-то, на деле они оказались совсем другими, не как я ожидала. Сестра очень милая девушка, настоящая англичанка, слегка сдержанна в манерах, но очень смешная. Мама больше похожа на тевтонку.

— Да?

— Блондинка, представительница нордической расы. Будто норманнская королева. Алиенора Аквитанская. Аквитания ведь в Нормандии?

— Наверное. Икс, но я думала, что мама у него из Неаполя. Аристократка-неаполитанка и все такое...

— Ну да... и я про это. Совсем другого ожидала. Есть вокруг нее аура некой печали.

Оглядываюсь через плечо. Слышу, как по каналу плывет венецианский вапоретто [81]. Чуть ли не различаю голоса туристов, направляющихся в Риальто. А может, на площадь Святого Марка.

Я отчаянно желаю вырваться на улицу, увидеть все красоты города, ведь я никогда здесь раньше не бывала. Но мы приехали как раз к четвертой мистерии, состоится она вечером.

Венеция!

Вновь поворачиваюсь к ноутбуку и Джесс — счастливой, улыбающейся, симпатичной британке со вздернутым носиком. Моя лучшая подруга. Как же я по ней соскучилась! Я уже три недели не была в Неаполе. Три недели минуло с тех пор, как Марк отвез меня в Калабрию, а потом в Тироль.

Меня по-прежнему трясет при воспоминании о пережитых эмоциях. Марк Роскаррик крепко

засел в моей душе, теперь я не смогу так просто избавиться от него.

При одном воспоминании о нем я возбуждаюсь. Смотрю на Джессику. Та читает сообщение на телефоне. Улыбается.

— Как там на Санта-Лючии? — спрашиваю я.

Подруга поднимает на меня глаза и пожимает плечами:

— Нормально.

— Преподаешь?

Она слегка морщится, но выглядит довольной. На губах играет улыбка. Хмм... Здесь зарыт какой-то секрет. У Джесс определенно есть что мне рассказать. Но у нее еще остались свои вопросы.

— Ну так что, Икс... я собиралась спросить... про это.

— Прости?

— Ну, сама знаешь, про... — Ее голос спускается на октаву ниже. — Про случай в Плати. Ты уже справилась с этим? — Джесс приближает лицо к камере. — Ты сможешь все это вынести?

Я рассказала ей всю историю в письме и отправила еще две недели назад. Рассказала обо всем, что узнала: как Марк хладнокровно убил человека. Может, и не стоило этого делать, но она же моя лучшая подруга, а мне нужно было с кем-нибудь поделиться. Слишком сложно держать все в себе. Я хотела снять камень с души.

вернуться

80

Да, очень вкусно (нем.).

вернуться

81

Вапоретто— маршрутный теплоход.

Джесс была потрясена и удивлена. Ни следа ее типичного сарказма или циничных шуточек. И это еще больше подчеркнуло серьезность вопроса.

Но она также выразила свою обеспокоенность за меня, что делает и сейчас.

— Думаю, со мной все в порядке, — пытаюсь заверить я подругу. — Когда знаешь всю историю целиком, то понимаешь, что его поступок был...

Как же правильно сказать? Приемлемый? Нет. Закономерный? Не совсем. Оправданный. Да. Именно оправданный — очень суровое и глубоко личное правосудие, совершенное в стране без каких-либо законов.

У Марка, как я понимаю, не было большого выбора. Иначе Норцино, убийца-психопат, продолжал бы резню, не жалел бы ни мужчин, ни женщин, буквально изрубая их на мелкие кусочки. По крайней мере я так себе все объяснила, именно так справляюсь с этим фактом.

Я вновь говорю об этом Джесс. Она мрачно кивает.

— Ты можешь утверждать, что он поступил героически, — задумчиво произносит она. — Но также можно сказать, что Марк — убийца.

— Джесс!

— Не пойми меня неправильно. Я не возражаю.

— Хорошо...

— Икс, напротив, я с тобой полностью согласна. Здесь совсем другой мир. Здесь, на юге, в Меццоджорно. Это место не похоже на тихий пригород Нью-Гэмпшира. Это их мир, их законы. — Подруга хмурится. — Я думала об этом на днях и решила: кто мы такие, чтобы судить Марка? Я могла бы выйти замуж за пилота ВВС, который бы сбрасывал бомбы на детей, участвуя в бессмысленной войне на Ближнем Востоке. И что, это лучше? Но никто бы не думал про меня плохо, правда ведь? Никто бы ничего не спросил: как же ты живешь с этим, зная, что он сделал?

Я молча киваю. Интересное мнение и хорошее, мне от него даже стало лучше. Но сейчас я хочу обсудить совсем иное, ведь я слышу, как Марк внизу разговаривает со служанкой, приходящей в наше арендованное жилище. Скоро нам нужно будет собираться. Очевидно, сюда придут девушки, чтобы подготовить меня к четвертой мистерии. Наверняка костюмы на этот раз будут очень утонченными.

Но сперва я хочу узнать от Джесс про ее новости. Ведь есть что-то недосказанное.

— Ладно, Джессика, мне пора.

Она кивает и смотрит на телефон:

— Ага, уже шесть часов. Нужно пошевеливаться. Вечером я еду в Вомеро.

— В Вомеро?

— Да... — И снова загадочная улыбка.

Похоже, я знаю, в чем дело. Здесь замешан мужчина. Я уже прежде видела это мимолетное выражение на лице Джесс. Значит, в ее постели завелся новый мужчина.

— И с кем ты едешь в Вомеро?

— Да так, кое с кем, — пожимает она плечами.

— Новый бойфренд?

Джесс качает головой. Но потом робко улыбается и кивает:

— Да. Новый бойфренд.

— Боже! — чуть ли не визжу я. — Расскажи мне все! Ты обязана все рассказать!

— Ну... он... — Она отворачивается от камеры. — Все сложно. Я не... не...

Очень странно. Джессика Раштон никогда не скромничает и ничего не скрывает про своих любовников. Она выдает все подробности, каждую мелочь, да еще и наслаждается этим. А потом требует того же от меня. Подруга обожает сплетничать о мужчинах и сексе. Я и сама не прочь. Одна из причин, почему мы друг с другом так хорошо ладим, — наша увлеченность хитросплетениями любви.

Так с чего такая застенчивость?

— Джессика?

Теперь она смотрит прямо на меня. Вздыхает и говорит:

— Я встречаюсь с Джузеппе.

Что?

— Встречаешься с Джузеппе? Джузеппе, который работает у Марка?

— Да.

Я восторженно хлопаю в ладоши. Знала ведь, что он ей понравился. Роскошнозавр Рекс! Он очень милый и обаятельный молодой человек. Превосходно!

— Это же здорово! — отвечаю я.

Джесс смотрит на меня и расплывается в улыбке:

— Ты уверена? Правда уверена? С тобой действительно все в порядке? Не думаешь, что я притесняю тебя или что-то в этом духе?

— Джессика Раштон, не будь тупицей. Конечно же нет. Значит, мы будем чаще видеться.

— Да, это так! — кивает она. — Завтра Джузеппе по поручению Марка летит в Венецию. Он хочет взять меня с собой, но я ничего не ответила, не переговорив с тобой.

— Ну так вперед! Прилетай! Ты просто обязана! Мы выпьем «Беллини» в баре «У Гарри». Это замечательно!

— Хорошо, — сияя от счастья, отвечает Джесс. — Класс! Не беспокойся, я не участвую в твоих странных мистериях. Да меня и не приглашали. Но зато мы увидимся в Венеции. Завтра.

— Хорошо, пока!

Машу ей на прощание рукой, она отвечает тем же.

— Не упади в канал! — говорит подруга напоследок.

Экран чернеет. Я откидываюсь в кресле. Как же я счастлива! По-настоящему счастлива. Мир вновь идеален.

Или, по крайней мере, почти идеален. Осталось последнее, снедающее меня сомнение, крошечный змий в непорочном раю. Сомнение насчет жены Марка. Не могу забыть слова Энцо Пазелли за ланчем в ужасном Плати. Слова о внезапной смерти леди Роскаррик, что означало: ее деньги перешли к Марку...

«Злая шутка судьбы».

Но я не желаю думать об этом. Хочу быть счастливой. Я и вправду счастливая. А сегодня вечером я стану Александрой четвертой мистерии.

28

Через три часа выхожу на сырой, поросший мхом причал нашего частного арендованного палаццо — Палаццо Дарио. Я в одиночестве. Марк все еще внутри, заканчивает дела за своим ноутбуком, где на экране бегают алые и черные цифры.

Смотрю на свое отражение в освещенной звездами водной глади Гранд-канала. Не могу сдержать улыбку.

Прислужницы нарядили меня как надо: бальное платье в стиле английского ампира, с завышенной талией, узкими рукавами, из превосходного нежно-кремового муслина. Оно прелестно. Выгляжу как дебютантка из романа Джейн Остин: длинные шелковые перчатки, атласные бальные туфли, браслеты на предплечьях, нить бус из натурального жемчуга. Муслин великолепного качества и довольно прозрачный. На мне кремового цвета чулки и, конечно же, никакого белья.

Но сейчас темно, так что никто не заметит. По крайней мере я на это надеюсь. Делаю шаг вперед и смотрю вдоль канала. Гондола заказана на девять часов. Знаю, что пришла рано, но мне хотелось немного насладиться окружающей красотой.

Сердце мое трепещет при виде дома, где мы остановились. Приехали мы только утром, и я совсем еще не исследовала это место.

Правда, мне оно уже чрезвычайно нравится.

Днем палаццо очень красивый — насколько я успела заметить, вечером — освещен огнями канала, звездами Венеции и фонарями в готическом стиле. Он словно видение, призрачной красоты мираж. Темно-фиолетовые углубления, черные проемы окон, роскошный, меланхолично-серый камень — и все это становится еще более заманчивым и нереальным среди мерцающей воды. Голова слегка кружится от такого зрелища, меня будто покачивает из стороны в сторону в танце под безмолвную вечную мелодию Венеции.

С канала доносится веселый смех и разговоры. Ароматы вина и дизельного топлива, духов, дыма и далекого моря.

Мост Вздохов. Площадь Святого Марка. Санта-Мария делла Салюте! Все это уже поселилось в моей душе, ведь я так часто бывала здесь в своем воображении, фантазиях, мечтах школьницы и студентки о путешествиях. Даже не знаю, что и думать про настоящую Венецию. Реальность столь пленительна, что я уже не уверена, сон это или явь. Город будто шикарная копия самого себя, будто невероятно правдоподобные декорации фильма, а я часть действия. Александра мистерий!

Это, случаем, не отель «Гритти палас» вдалеке? Стоит мне привстать на носочки своих

атласных туфелек, и по ту сторону темных вод Гранд-канала я увижу роскошных мужчин и женщин, ужинающих на освещенной фонарями террасе. Ловлю обрывки смеха, вплетенные в звяканье столовых приборов и посуды. Раздается более громкий шум: по каналу, залитому лунным светом, плывет синяя лодка венецианской polizia. Направляется она к колокольной башне собора Святого Марка — призрачно-красному силуэту на горизонте.

Прямо перед палаццо стоят четыре столба в бело-голубую полосу, похожие на леденцы. Их позолоченные шляпки блестят в свете готических стеклянных фонарей, что висят на крюках. Поворачиваюсь и вновь поднимаю голову. У Палаццо Дарио очень странные дымоходы. Они называются дымоходами «карпаччо», с массивным верхом и очень старинные. Причудливые формы труб обрамлены ясным звездным небом. На фасаде здания — довольно известный готический узор. Изящные балконы.

Связанные с этим местом легенды одновременно романтичны и трагичны. Я хорошо подготовилась. В Палаццо Дарио испустили последний вздох многие знаменитые люди. В начале девятнадцатого века здесь «при загадочных обстоятельствах» погиб торговец бриллиантами из Армении. Следом дом купил некий британский богач Родон Браун, но покончил жизнь самоубийством после того, как потратил все состояние на навязчивую идею о реставрации. Далее им владел ирландский старший лейтенант, но его тоже постигла таинственная смерть в 1860 году. Потом шли многочисленные графини и графы, последнего из которых зарезала его же любовница. Далее — продюсер рок-группы: убит. Затем финансист: утоплен. Следом — изгнание бесов: полный провал.

А теперь я. Но иначе он бы мне не достался.

— Ах, госпожа Бекманн. Что новенького на Риальто?

Это Марк. В наряде стиля ампир. Выглядит он бесподобно: вылитый Дарси [82], но более смуглый и высокий. На нем узкие черные брюки, может, это и бриджи, уходящие в кожаные ботфорты. Выше пояса — довольно простая белая рубашка с высоким воротником, роскошный лиловый жилет и длинный распахивающийся фрак очень темного цвета. Костюм Марка дополнен щегольским цилиндром. Я же без головного убора, но мои волосы уложены в великолепную прическу: кудри выглядят естественно и даже слегка растрепанно, хотя это лишь видимость. Очень умно.

Держа в руке белые шелковые перчатки, Марк ступает на мраморный причал и кланяется.

— Только посмотри на себя. — Он указывает на платье, подходит ближе, берет мою руку в белой перчатке и галантно целует. — «Она идет во всей красе, — бормочет он. — Светла, как ночь ее страны. Вся глубь небес и звезды все в ее очах заключены» [83].

Рука Марка ложится на спрятанную за муслином талию, он нежно целует меня в губы.

— Celenza, — слегка отталкиваю его я, словно в протесте.

Но нет, я не сопротивляюсь.

Марк довольно улыбается:

— Ты готова к четвертой?

Готова ли я? Не уверена. Внутри я как комок нервов. Но есть еще кое-что — решимость. Я уже призналась Марку в любви, обратного пути нет.

Я приседаю в притворном реверансе, но выходит у меня плохо.

— Si, Celenza. Думаю, да.

— Ты выглядишь весьма правдоподобно. Американская принцесса в Венеции, необъяснимым образом перевоплотившаяся в Элизабет Беннет [84]. — Он бросает взгляд через мое плечо. — А теперь пора к гондоле.

Поворачиваюсь и вижу, как из мерцающей темноты появляется продолговатый черный силуэт гондолы. Лодка бесшумно подплывает к нашему причалу. Гондольер, конечно же, очень симпатичный.

— Signor Roscarrick?

— Si.

Узкая черная гондола с обитыми алым шелком сиденьями. Марк помогает мне спуститься в лодку, я сажусь на роскошные подушки, Марк — рядом со мной. Я взираю наверх, на ясное летнее небо.

Ноздри приятно ласкает аромат его геля для душа. Марк благоухает чистотой, а в наряде ампир он ослепительно красив. Как же я хочу его. Хочу в Венеции. Хочу заняться сексом прямо здесь и сейчас. Удовлетворить моего лорда в гондоле.

Гондольер неспешно рассекает воду веслом, мы плавно движемся по Гранд-каналу. Парень напевает под нос какую-то песенку. Это, конечно, избито, но в то же время и нет. Почему бы и не запеть, будучи гондольером в Венеции? Ну где еще, скажите, где еще в целом свете стоит запеть на работе, как не здесь?

Весь город тоже безмолвно подпевает этим теплым летним вечером, умиротворенным и прекрасным в своем совершенстве. Когда проплываем под мостом Академии, сверху на нас с любопытством взирают чьи-то лица, наблюдая за этой сценой из венецианского фильма, а мы — звезды кино. Это фильм про Икс и Марка.

Я сплю. Нет, я не сплю. Мы и вправду здесь, проплываем Палаццо Фортуни и Ка'Реццонико, проскальзываем под белой аркой Риальто, рассматриваем дома, где умер Вагнер, где жил Марко Поло, дома, где писал Стравинский и грустно вздыхал Генри Джеймс, дома Браунинга, Тициана, Казановы, дворцы поэтов, дождей, принцев и куртизанок. Плененная этим великолепием, я лежу на подушках и держу Марка за руку. По-прежнему сплю, не собираюсь пробуждаться. Не хочу. Бормочу себе под нос: «Она идет во всей красе. Светла, как ночь ее страны...»

Только теперь я понимаю, что Байрон писал не про женщину, а про Венецию. Город и есть эта вздорная, капризная и опасная соблазнительница, ускользящая, едва сверкнув очами, но все же выносливая, невзирая на ежемесячные паводки. Венеция — мрачная, прекрасная, депрессивная поэтесса, постоянно пытающаяся утопиться в озере.

Ладонь Марка незаметно скользнула мне под платье.

Ничего не говорю. Лишь указываю на очередной палаццо, очень суровое серое здание.

— Это же дом Байрона, да?

— Так и есть. Палаццо Мочениго.

Ладонь по-прежнему ползет вверх по моим ногам, в поисках своей цели.

— Он здесь жил, — говорит Марк. — С лисой, волком, как минимум с двумя обезьянками и хилым вороном.

Пальцы наконец достигают центра наслаждения, ласкают меня.

— Хилый ворон? — невинно произношу я, стараясь говорить ровно.

— Кажется, ворон испустил дух. И как раз здесь любовница Байрона грозила утопить себя в Гранд-канале. И выжила.

Гондольер легким движением меняет направление лодки. Марк убирает руку из-под юбки, а я испытываю прилив разочарования. Ведь я изнываю от желания. Мне ужасно хочется наклониться вперед, расстегнуть молнию на изящных черных бриджах и обхватить ртом достоинство моего лорда.

Боже, что же творят со мной мистерии?

Не важно, мне нравится. А еще я влюблена в Венецию. Мы направляемся на север, вверх по более узкому каналу. Пока мы плывем, я цепляюсь взглядом за каждую мелочь: манящие боковые каналы, целующаяся парочка в темной узкой улочке, словно ее никто не видит, крошечная церквушка, отражающаяся в черной масляной воде. Кто-то поет в озаренной желтым светом комнате, другая гондола везет плачущую женщину, по черным переулкам скользят огни, упираясь в стену с готическими окнами, которые закрыты ставнями.

— Марк... — Я крепче сжимаю его руку. Четвертая мистерия все ближе и ближе. — Поцелуй меня.

Он наклоняется и страстно впивается в мои губы, затем отстраняется.

— Видишь нас? — спрашивает он, и я понимаю, что он говорит про созвездие Нас: рядом с Орионом.

Я киваю, сдерживая желание разрыдаться.

— Да, я вижу Нас, Марк, вижу.

Самое поразительное здесь — тишина. Венеция в ночи. Ни машин, ни рева моторов. Может, это самый тихий город в мире? Лишь приглушенные всплески воды на средневековом мраморе и нежные напевы гондольера. И среди этого — тишина. Пустота, прекрасное безмолвие, будто город на грани вымирания.

Гондола везет нас к окраине Венеции. Я привстаю и вижу выход в более широкую лагуну. Возможно, блистающие огни Мурано, затем низкие очертания темного и мрачного кладбищенского острова: острова мертвых.

— Почти приплыли, — по-английски говорит гондольер.

Ему даже не стоило упоминать это, я и сама знаю, что мы приближаемся. Внезапно нас окружают другие лодки, гондолы, водные такси, очень много такси. На причале лагуны стоят на якоре вапоретто. Из лодок и гондол выходят люди в элегантных нарядах, изысканных, как у

нас с Марком, костюмах в стиле ампир. Женщины в платьях из тонкого муслина и газа, из восхитительного атласного шелка; корсажи, шемизетки, бальные платья — все в стиле ампир и Директории. Мужчины в подогнанных по фигуре фраках, белых рубашках с воротником-стойкой, шелковыми шейными платками с застежкой.

Хоть мне и сложно в этом признаться, здесь мое место.

Я поворачиваюсь и смотрю наверх.

— Все будет здесь? — спрашиваю я. — В этом здании?

Скромное квадратное палаццо, очевидно очень старое. Здание одиноко стоит в самом конце канала. Обращенное фасадом к лагуне, оно выглядит отгороженным от остальной Венеции и незащищенным, как ребенок, отправленный в угол класса.

вернуться

82

Дарси— персонаж романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

вернуться

83

Джордж Гордон Байрон. «Она идет во всей красе». Перевод С. Я. Маршака.

вернуться

84

Элизабет Беннет— героиня романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

— Это Казино-дельи-Спирита, — говорит Марк. — Его история вполне соответствует духу барокко: призраки и художники, поэты и оргии. — Любимый поднимает мою руку и выводит меня из гондолы. — Прошу, Икс, не переживай. Четвертая мистерия самая приятная.

Конечно же, я переживаю. Но в то же время приятно взволнована. Я вижу несколько знакомых девушек в белом — они выходят поприветствовать нас и подать бокалы вина, пока мы стоим снаружи.

Наша гондола удаляется, как и все остальные лодки. Одна прислужница делает шаг вперед и садится передо мной на корточки. Затем довольно бесцеремонно поднимает полупрозрачное муслиновое платье, открывая мою наготу всему свету — всем окружающим меня людям.

Меня предупредили не надевать трусики. Теперь всем видно, что я повиновалась этому жесткому правилу. Прищурившись, девушка смотрит на мою татуировку, прямо над подвязкой, а затем опускает платье и приседает в реверансе.

И все это происходит на тротуаре канала Венеции, на глазах десятков людей, десятков богатых

и элегантных людей. Я узнаю ¹некоторых из них: знаменитости, политики. Я стараюсь подавить стыд и смущение. Пью вино и разговариваю с Марком, пока девушка делает свое дело. Люди вокруг меня тоже пьют, разговаривают, кивают. Затем одна из прислужниц ведет нас в Казино-дельи-Спирита.

Внутри дом кажется больше, чем снаружи. На нижнем этаже темно и величественно. Атмосфера слегка зловещая. Здесь будто в гробнице. В воздухе царит сырость лагуны. Теперь нас приглашают наверх. Следующий этаж — piano nobile, «главный этаж», — более яркий и впечатляющий. Белокаменные готические арки и белые мраморные колонны подпирают высокий потолок с изящной лепниной. Комната очень просторная, с выходом в бальный зал. Стены украшены фресками довольно эротичного содержания, в румяно-розовых и белых тонах, с изображением обнаженных девушек и херувимов. Возможно, это Тьеполо.

Прислужницы подают огромные металлические чаши.

— Это кикеон, — говорит Марк. — Выпей полную чашу.

Кикеон? Конечно же, я о нем слышала. Дурманящий напиток Элевсинских мистерий. Великолепный, но тайный наркотик.

Впервые за сегодняшний вечер я колеблюсь. Наркотики? Я их не принимаю. Лишь однажды пробовала марихуану. Совершенно нелепый опыт. Меня тошнило, а комната кружилась перед глазами. Марк ощущает мою нерешительность.

— Все это законно, сделано из трав и диких цветов.

— Каких трав?

— Понятия не имею, Икс. Это мистерия. — Он печально улыбается.

Прислужница пристально смотрит на меня. Я ругаю себя за робость. Я же так далеко зашла! А теперь хочу узнать, в чем заключается четвертая мистерия, и я не могу потерять Марка. Не могу.

Беру чашу в руки, делаю глоток. Еще и еще. Напиток густой, слегка горьковатый на вкус, немного пряный. Как холодный глинтвейн. Совсем не отвратительный. Запрокидываю чашу и выпиваю все до последней капли. Марк проделывает то же самое, не отрывая от меня глаз.

— Все здесь пьют кикеон.

Начинается музыка. Ритмичные, пульсирующие африканские напевы. Узнаю ¹мелодию, но не могу вспомнить название.

— «Missa Luba», — отвечает на мои мысли Марк.

Конечно же. «Missa Luba» — месса, записанная в бельгийской Африке десятки лет назад.

Идеальная музыка для нынешнего момента, ведь кикеон действует с невероятной скоростью. Мне уже что-то мерещится. Хватаю Марка за руку. На этот раз я действительно качаюсь из стороны в сторону. На коже проступает пот. Я даже немного испугана.

— Не борись с кикеоном, — шепчет мне Марк и нежно целует в бледную шею. — Представь, что ты в гондоле, piccolina, которая везет тебя по каналу в темноту. Теплую, сладкую темноту.

На мгновение останавливаю взгляд на его красивом, сдержанном лице. Затем поворачиваюсь и смотрю на другие красивые лица, знакомые мне. Кто это? Актер? Я сплю? Не уверена, ведь я вижу лица знаменитостей. А вот известный политик. Рядом с ним какой-то миллиардер, прославившийся в Интернете. Знаменитая модель. Еще один политик, американец, с женой. Всемирные магнаты и супермодели.

Мои руки ослабевают. Крепкой ладонью в шелковой перчатке Марк поддерживает меня. Все это напоминает роскошную эротическую вечеринку для богатых и знаменитых, но и самых влиятельных людей мира. Если я, конечно, не сплю, если это не галлюцинации, вызванные мощным наркотиком. Не знаю. У меня кружится голова.

— Мы можем выйти на свежий воздух?

— Конечно, — кивает Марк.

Подходим к окну, и я вдыхаю свежий теплый воздух лагуны. А когда поворачиваюсь, то понимаю, что Марк стоит возле молоденькой красавицы лет восемнадцати в ярко-красном бальном платье в стиле английского ампира. Улыбаясь, девушка обходит меня. Что она такое делает? Пытаюсь разглядеть. Она садится на колени позади меня, ее пальцы скользят мне под юбку. Девушка находит клитор и принимается ласкать его.

— Ты влажная, — говорит она.

Я смотрю на нее сверху вниз, затем перевожу взгляд на Марка.

— Да.

Красавица не перестает массировать мой клитор. Мы стоим рядом с группой танцующих людей. Застыли в неподвижности. Девушка поглаживает меня, поцелкивает, массирует большим пальцем. Смотрю на Марка.

Я просто таю, поддаюсь удовольствию и видениям. Ах! О да! Девушка очень симпатичная, но я понятия не имею, кто она такая. Слегка постанываю, не могу сдержаться. Она продолжает меня гладить. Не хочу, чтобы она останавливалась. Как хорошо, как же хорошо! Но девушка улыбается и внезапно убирает руку. Слышу, как она удаляется, растворяясь в толпе. Я же вся вспотела. Ближе, так близко... Где я?

— Марк, кто она?

Он качает головой.

— Да, мистерия, — шепчу я. — Знаю, это тайна. Марк, у меня такие странные чувства.

Лорд Роскаррик вновь берет меня за руку. Опираюсь на его плечо и ощущаю прилив желания. Мощное самозабвение. Хочу заняться с Марком сексом прямо здесь, перед всеми этими людьми. Сорвать с него шейный платок, эту накрахмаленную белую рубашку. Расстегнуть его бриджи Байрона. Мне слишком сложно сдерживать себя. Эти длинные кожаные сапоги так и манят меня.

Музыка очень громкая, почти болезненная для слуха. Понятия не имею, который сейчас час или сколько времени уже прошло.

Марк что-то шепчет мне на ухо, от него пахнет пряным вином.

— Не хочешь прилечь? Кикеон подействует еще сильнее, если ты приляжешь.

Не уверена, что смогу вынести более сильное воздействие кикеона. Но Марк прав: мне нужно прилечь. Перед глазами пляшут разноцветные огни, фрески будто оживают. Херувимы спускаются с облаков.

Пошатываясь, прохожу сквозь толпу людей. Марк ведет меня за руку. Вижу мужчин в военной форме и женщин в белых газовых платьях и коротеньких жакетах в стиле эпохи Регентства — жакеты Спенсера? — на фоне широко распахнутых окон. Кладбищенский остров вырисовывается на темном венецианском горизонте. Слева перед глазами покачивается большая деревянная лестница. Марк указывает в ее сторону, но я и так уже иду туда, держа его за руку.

Мне нужно подняться по этой лестнице.

Наверху Марк тормозит: перед нами открывается позолоченный розовый коридор. Нахожу широкую кровать в лиловой с золотом комнате. Я отпускаю руку Марка, захожу внутрь и ложусь на постель, сбрасывая атласные туфельки. Мы на третьем этаже? Теперь я вижу в комнате других людей. Встаю, чтобы уйти, но рядом тут же появляется Марк.

— Лежи... — бормочет он.

Делаю, как мне говорят. Ведь я действительно хочу полежать. Хочу, чтобы сверху лег Марк. Но вместо этого к кровати подходит молодая девушка и легким движением задирает муслиновое платье до талии, обнажая меня. Затем снимает наряд целиком вместе с браслетами. Девушке лет девятнадцать-двадцать, она одета в шелка и муслин, волосы убраны в красивую высокую прическу.

Лежу на кровати нагая и беззащитная. На мне лишь белые шелковые чулки и перчатки, а рядом лежит еще одна девушка. Она словно одета для экранизации «Гордости и предубеждения», а в руках держит длинный стеклянный фаллос.

Марк по-прежнему здесь. Стоит рядом.

— Марк?

— Прими, Александра, прими.

Я принимаю, принимаю, принимаю. Полагаю, что вторая девушка собирается засунуть фаллос в меня, но вместо этого она снимает с меня перчатки. Берет правое запястье и надевает на него наручник. Затем прикрепляет к металлическому изголовью кровати.

Смотрю на мужские и женские лица людей, что наблюдают за мной, пока меня приковывают к кровати. Затем то же самое происходит со щиколотками. На них надевают мягкие наручники. Теперь я крайне уязвима. Сама мысль, что я прикована к кровати, а на мне лишь белые чулки и все видят мою наготу, все эти люди наблюдают за мной и восхищаются, очень возбуждает, но и тревожит.

Снова смотрю на Марка, ища поддержки.

Он кивает.

Я откидываюсь на кровати.

Девушка нагибается и несколько секунд лижет меня между ног, затем разводит мои колени и погружает фаллос глубоко внутрь, двигая им туда-сюда.

Я привстаю.

— Нет, Марк, я...

— Икс, *per favore*, — говорит девушка.

Откуда ей известно мое имя? Откуда? Не знаю. Но она очень симпатичная, а ее голос успокаивает. Марк стоит рядом с другими мужчинами, своими сверстниками, они молча наблюдают за мной. Что же это такое? Я лежу на кровати, а вокруг незнакомые люди, и эта девушка вонзает в меня толстый хрустальный фаллос, глубоко в вагину, очень глубоко, глубоко... Упираюсь пятками в шелковые простыни, меня поражает, какое удовольствие доставляет все это, волнующее, глубокое, сильное.

Хрустальный фаллос кажется теплым. Как им это удается?

— Александра...

И снова эта симпатичная девушка называет меня по имени, затем выводит фаллос и принимается языком ублажать мой клитор. Очень искусно. В голове все идет крѐгом. Смотрю в синие, слегка отстраненные глаза Марка, в них — любовь. И музыка, музыка. Неужели я ощущаю прикосновение двух языков? Как будто кошачьих, упругих и мягких одновременно, полизывающих мой клитор. Теперь надо мной три девушки. Третья игриво покусывает сосок.

Три девушки, одна из них обнаженная. И Марк. В высоких кожаных сапогах и белой рубашке со стоячим воротничком. Он снял свою щегольскую шляпу, его волосы растрепаны. Как же мне хочется провести пальцами по этим черным кудрям. Но он лишь смотрит на меня. Может, это и любящий взгляд, но сколько же в нем похоти. Мощной, блистательной похоти. Он получает удовольствие, наблюдая за мной, видя, что я делаю.

Это усиливает и мое наслаждение. Я издаю стоны, когда одна из девушек заполняет мою глубину теплым фаллосом, что-то шепчет и полизует клитор, говорит на мелодичном итальянском. Вторая девушка тихонько покусывает и пощипывает мои соски. От нее идет потрясающий аромат. Я приподнимаюсь и целую ее нежные молодые груди. Третья девушка что-то погружает в мой анус, теплое, вибрирующее. Как прекрасно! Кто бы мог подумать! Музыка по-прежнему ритмично играет, все громче и волнующе.

— Ты такая красивая, — говорит Марк, глядя на меня сверху вниз. — Такая красивая!

Окна распахнуты настежь. Я вижу звезды на небе и звезды вокруг себя. Звезды, повсюду звезды. Стучат барабаны. Девушка снова и снова пронзает меня хрустальным фаллосом, водит им туда-сюда. Я безвольно распростерта на кровати, обнаженная, открытая всем этим людям. Жаль, что не могу быть еще более голой. Более наполненной. Более. Более...

— Sanctus...

Туда-сюда, туда-сюда. Клитор! Фаллос. Анус. Поцелуи. Мою нежную плоть лижут, дразнят, снова лижут. Теперь я дрожу, дрожу от удовольствия... трепет... тону... тонуций палаццо... промокшие меха... аромат корицы...

Hosanna!

Глубоко внутри меня. Глубоко внутри. Я вижу звезды. Бесчисленное множество звезд. И Марк — звезда. Я на пороге оргазма.

Dominus!

Оргазм так близко. Фаллос толчками входит в меня. Одна девушка лижет клитор, другая покусывает соски. Оргазм близко, очень близко.

— Марк!

Его ладонь ложится в мою. Я по-прежнему прикована.

— Tesorina...

Оргазм головокружительно близко...

Три девушки кусают, лижут меня, всаживают фаллос, и наконец я достигаю пика, бьюсь в конвульсиях, выпускаю сдерживаемую энергию на волю. Покрываюсь потом, кричу, извиваюсь, а девушки прижимают мое тело к кровати. Меня всю колотит, я трясусь, я одержима. Из моих глубин изливаются соки. Лежу словно в бреду, в прекрасной агонии. Распята опустошающим, ошеломительным экстазом. И хоть перед глазами мелькают разноцветные огни, я точно знаю, чего хочу. Марка. Я хочу Марка. Марка сверху меня. Марка, Марка, Марка, Марка!

— Марк!

— Александра, cara mia!

Открываю свои увлажнившиеся глаза.

Это он. Девушки расстегивают наручники, и он поднимает меня с кровати. Лежу на его руках обнаженная, почти без сознания, будто спасенная из пожара женщина. Марк уносит меня из комнаты.

Прижавшись лицом к его груди, бормочу слова благодарности и потрясения. Он несет меня голую вниз по лестнице, прямо сквозь толпу, за порог дома, в теплую ночь. Несет меня голую по дорожке до причала. Кладет в лодку.

Теперь я нагая лежу в гондоле. Развалилась на подушках, устало раскинула еще дрожащие ноги в белых чулках. Мне невероятно стыдно, но в то же время плевать на то, что кто-то может увидеть мое обнаженное тело. Я нагая женщина в белых чулках, в черной лодке, на черной-черной глади воды канала Каннареджо, в бархатно-черном городе тайн и разврата. Кровь приливает к моим щекам, прохладный ветерок холодит обнаженную кожу, однако нечто глубоко внутри меня сопротивляется самой идее одежды. Гондола петляет между домами, затем останавливается на небольшом боковом канале. Над нами нависла древняя церквушка, призрачная в лунном свете. Гондольер куда-то исчезает. Марк склоняется надо мной. Расстегивает на себе одежду.

Я распахиваю свои дрожащие колени. С жадностью тянусь к его восставшему члену. Он невероятно твердый.

Привстаю, чтобы попробовать его на вкус, но Марк откидывает меня на подушки. Довольно грубо. Разводит колени и резко входит в меня, заполняя мои глубины.

— Ты была так прекрасна, — говорит он и целует меня. — Так чертовски красива!

Лорд Роскаррик трахает меня, раскачивая гондолу на волнах древней Венеции. Мои ноги высоко в воздухе. Нас видят люди. Уверена, что видят. Все могут видеть, как Марк трахает меня. Снова и снова. И еще. Ах...

29

У меня нет времени осмыслить то, что произошло на четвертой мистерии. Следующим утром, когда я просыпаюсь в огромной спальне с видом на Гранд-канал, мне сообщают, что Джессика и Джузеппе уже прибыли. Мы с Марком идем завтракать с ними, а затем я окунаюсь в головокружительный недельный тур по Венеции: дивные порции искусства, музыки и венецианской готической архитектуры и превосходные коктейли в баре «У Гарри».

Кое-где к нашим прогулкам присоединяются Джессика и Джузеппе, но в основном мы исследуем Венецию вдвоем с Марком. Он очень хорошо знает город: рассказывает, где останавливался раньше, когда еще юношей приезжал сюда на недельку из Южного Тироля во время летних каникул в Кембриджском университете.

Я, естественно, ожидала, что Марк хорошо знает Венецию. Ему известно здесь каждое место. Возможно, он провел бы неплохую экскурсию и по Луне. А закончил бы ее неведомой, но роскошной тратторией.

Вначале мы едем во Фрари — собор Санта-Мария-Глориоза-деи-Фрари — в округе Сан-Поло, рядом с Риальто. Я понятия не имею, где находится округ Сан-Поло, но Марк заверяет: место это значимое.

— Выглядит не очень, — говорю я, уныло взирая на тусклое приземистое здание из красного кирпича.

А вот внутри — просто ах!

Там висит повергающее в трепет произведение Тициана «Успение Богородицы». Марк говорит, что именно эта картина подвигла Вагнера написать «Мейстерзингеров». Здесь же находится скульптура старца — это святой Иероним, изваянный Алессандро Виттория. Как рассказывает Марк, именно постаревший Тициан работал для него моделью. Смотрю на этого старика в конце жизни. Знаю, что смерть имеет определенное отношение к мистериям: каждая из них словно «маленькая смерть», как французы именуют оргазм. «La petite mort».

Почему мне так сильно понравилась четвертая мистерия? Что было в кикеоне? Почему я наслаждалась тем, как на меня смотрел Марк, пока женщины ублажали мое тело? Ведь знаю, что я не лесбиянка, но моя сексуальная натура оказалась более сложной, запутанной, богатой, разнообразной, многогранной, чем я когда-либо могла представить.

Значит, мистерии учат меня познавать свою сексуальность. Однако и еще кое-чему, имеющему отношение к любви, Богу и смерти. Это здесь, в моем сознании, душе. словно восхитительный и ускользающий запах, название которого я не могу вспомнить. Пока нет.

На ум приходит цитата из Пиндара: «Счастлив тот, кто, увидев это, сходит в подземный мир: ему ведом и конец жизни, и ее благодатное начало».

Марк прерывает ход моих мыслей, уводя в другой конец церкви.

— А это алтарь Пезаро, — говорит он и целует меня в шею, и еще раз. — Генри Джеймс сказал: «В Венеции нет ничего более совершенного, чем это». Конечно же, он просто не встречал тебя, стоящей в полумраке Фрари.

Лорд Роскаррик подносит мою руку к лицу и целует. На мгновение люблюсь им. Темные волосы Марка, мои белые пальцы. Повинуясь порыву, притягиваю его к себе и целую в губы. Со всей страстью.

Наше путешествие продолжается. Следующая остановка — Скуола Гранде ди Сан-Рокко, с росписями Тинторетто. Затем шустрая гондола везет нас к Ка'д'Оро, Золотому дворцу, откуда открывается знаменитый вид на Гранд-канал, а после — к «Святому Себастьяну» Мантеньи, где Марк показывает надпись, которая глубоко запала мне в память: «Ничто не вечно, кроме Бога, все прочее лишь дым».

Но сильнее всего меня впечатляет небольшая скульптура анонимного автора «Кентавр и Ахиллес», расположенная на первом этаже. Все попросту игнорируют ее, стремясь полюбоваться Гранд-каналом. Я долгое время смотрю на эту скульптуру. Она напоминает нас с Марком: как он нес меня от Казино-дельи-Спирита. Обнаженную и незащищенную, Алекс четвертой мистерии. Я — как этот маленький мальчик, а он — Кентавр.

Сказочные дни пролетают очень быстро. Дворец дождей. Картины Тициана и Тинторетто в Санта-Марии-делла-Салюте. «Темпеста» Джорджионе. Стены Веронезе.

Затем мы посещаем расположенную на канале виллу из белого мрамора, где размещена коллекция Пегги Гуггенхайм — великолепные работы Бранкузи и Поллока. Вилла расположена так близко от Палаццо Дарио, что можно заскочить домой до обеда ради страстного секса. Что мы собственно и делаем.

Перебегаем мостики Дорсодуро, наспех пробираемся сквозь частный сад палаццо. Взлетаем по лестнице шестнадцатого века. Раздеваем друг друга и падаем на громадную, как у Наполеона, кровать. Окна комнаты выходят на Гранд-канал. Марк бросает меня на спину и, нависнув, словно величественная гора, овладевает мной. Он полностью пленяет, захватывает, поглощает мое существо. Затем властно разворачивает и входит сзади. О боже, какой же он твердый и мощный. Марк жестко берет меня, хватая за волосы и с силой тянет их на себя так, что даже больно. Но какая сладостная эта боль, я издаю стон наслаждения, кричу, дрожу всем телом, а потом кончаю, снова и снова, бьюсь в конвульсиях, покрываюсь потом, падаю лицом в подушки. Я совершенно истощена, ошарашена невероятным оргазмом. Прислушиваюсь к бешеному сердцебиению, к плывущим по Гранд-каналу вапоретто.

В наш последний венецианский день, довольно жаркий, Марк направляет изящное водное такси прочь от города, к безжизненной серой лагуне, к острову Торчелло. Любимый говорит, что именно на этом одиноком зеленом острове поселились в начале Темных веков первые венецианцы.

Здесь не так уж много интересного: невзрачный щебень, одинокая группа церквушек, парочка дорогих ресторанов. Почему Марк привез меня сюда? Мне жарко, а еще донимают большущие комары. Но тут мы ступаем в прохладу священного и древнего собора Торчелло. Марк показывает мне поразительно красивую мозаику, особенно впечатляет «Мадонна Теотока» — произведение десятого века.

На безгранично печальном лице Мадонны навеки застыла серебристая слезинка. Поразительное зрелище. Плачущая женщина. Напоминание о мистериях. Все напоминает о

них. Темная и пугающая истина совсем близко. Я чувствую это. Катабазис. Последнее откровение. Я напугана и заморожена. Не могу продолжать, но я обязана, и буду.

Больше на этом крошечном островке Торчелло делать нечего. Мы гуляем среди руин заброшенного города. Мой взгляд останавливается на древнем каменном кресле — троне Аттилы, стоящем на пьядце. В одном из ресторанчиков выпиваем по парочке дорогого мартини. Затем просто сидим на траве и потягиваем охлажденное «Просекко», купленное в баре. Делая по глоточку из рифленых стаканчиков, наблюдаем за движением белых яхт по тысячелетнему каналу Торчелло. Затем в обнимку засыпаем под сенью лимонных деревьев. Perfetto!

* * *

Вечером сидим с Марком за столиком снаружи кафе «Флориан» и потягиваем напитки. Здесь очень много туристов, но любимый заверяет меня, что в Венеции все туристы, даже сами жители — как обитатели Венеции, так и приезжие — всегда осознают, где находятся. Так что это нормально.

Мы же ведем себя как туристы-богачи: сидим в кафе «Флориан». Теплый вечер опускается на самую красивую картину в Европе. Просторная площадь Святого Марка с голубями, колокольнями, роскошными дворцами дождей, возвышающимися над собором конями.

Марк пьет коктейль и смотрит на меня. Обсуждаем пятую мистерию. Любимый не уверен, что я должна принимать в ней участие.

— Икс, я никогда не видел пятую мистерию, в смысле женскую часть. Но слухи... Она очень сложная и тревожная. Ты уверена, что хочешь пройти ее?

— Если я не сделаю этого, то потеряю тебя. В конце лета. Примерно через месяц. — (Он мрачно кивает.) — Марк, это просто нелепо, — сердито качаю я головой. — Я не могу потерять тебя.

— Ты уверена? Нет такого правила, которое обязывало бы тебя продолжить.

— Правила, может, и нет, но... — Я смотрю на его красивое лицо в обрамлении знаменитого вида венецианской пьядцы. Сказать ему правду? Что теперь я, подобно Франсуазе, пристрастилась к мистериям. Они меняют меня, раскрепощают, высвобождают духовную и сексуальную энергию. Я не могу объяснить это и не могу противиться. Возможно, я бы все равно продолжила, даже не из-за страха потерять моего лорда.

— Марк, — решительно говорю я, — я пройду пятую. И точка.

Он откидывается на стуле и еле слышно усмехается:

— Знаешь, будь я более вульгарным, то называл бы тебя упрямой коровой.

— Твоя васса, Celenza, — говорю я, глядя на него.

«Твоя корова, ваше превосходительство».

Он снова смеется и качает головой. Затем подается вперед, берет меня за руку и целует в ладонь:

— Александра, спасибо, что все разъяснила. Я очень и очень польщен.

Мы выпиваем еще по коктейлю и слегка захмелевшие болтаем об искусстве, сексе, венецианской жизни. Потягивая уже третий «Беллини», я решаюсь спросить о волнующей меня теме. Время пришло.

— Марк... — Я слегка колеблюсь. — Не расскажешь мне про свою жену?

Молчание. И опять на его лице проскальзывает гримаса боли. Тщательно маскируемое страдание, признак внутренней глубокой печали Марка. Но теперь я научилась распознавать симптомы, пора выяснить причину.

— Икс...

— Марк, я хочу знать. Ты время от времени упоминаешь ее. Я знаю, что она умерла. Расскажи всю правду.

Он делает приличный глоток коктейля. Вздыхает и кивает. А затем рассказывает свою историю.

— Ее звали Серена. Она была очень молода, умна, испорчена и красива. — Марк пристально смотрит мне в глаза. — Вторая прекрасная женщина, встретившаяся на моем пути.

Рядом с нашим столиком, громко хлопая крыльями, взлетают распуганные ребенком голуби. В свете заходящего солнца блестит колокольня.

— Мне стоило насторожиться, — добавляет Марк, покачивая бокал с «Беллини».

— Почему?

— Я знал, что она из семейства «Каморры». Очень опасных *camorristi* из клана Форчелла. Они сколотили целое состояние и наладили все необходимые связи. Ее отец был якобы экспортером мрамора, — с грустью и горечью усмехается Марк. — На экспорте мрамора не заработать сотни миллионов.

— Он был настоящим гангстером?

— Совершенно верно.

— И...

— Дело было не только в ее отце. Мать Серены тоже происходила из клана «Каморры». Она умерла молодой, возможно из-за некоей вендетты, а после ее смерти к Серене перешли огромные богатства, так что у моей жены было свое наследство. — Марк вновь смотрит на меня, затем опускает взгляд на бокал. — Приданое Серены: криминал, смерть, деньги, слишком много денег и слишком много вины. Все это, вместе взятое, — среда воспитания, смерть матери, злодеяния отца — все это очень травмировало ее, я так думаю.

— Но как, Марк? В чем именно она была сломлена? Что она сделала?

Лорд Роскаррик пренебрежительно и меланхолично пожимает плечами:

— Да все как обычно, *carissima*, как обычно. Секс и наркотики. Она увлекалась героином, кокаином, крэком, обожала опасный секс. Ее посвятили в мистерию до меня, в семнадцать лет.

— Слишком юной.

— Еще слабо сказано.

И вот мне открывается правда. Поднимаю вопросительный взгляд на Марка:

— Так, значит, это она посвятила тебя в мистерии?

— Да.

— Сколько тебе было?

— Не больше двадцати, — пожимает он плечами. — Еще мальчишка. Ей было восемнадцать, совсем девчонка. Мы встретились на вечеринке в Позиллипо и сразу же влюбились друг в друга. Она была такая милая, хрупкая, интеллигентная и в то же время порочная. Я хотел защитить и спасти ее. Какая же красавица она была! Да, я пошел на мистерии ради нее, и они оказались такими удивительными, как она и обещала. Мистерии изменили мою жизнь. — Марк отворачивается и смотрит на стрелки сводов Дворца дождей, на румяное небо над ним, на роковую красоту Венеции. — И вот мы решили пожениться, но, конечно же, идея нашего союза никому не пришлась по душе. Семья Серены была настроена невероятно враждебно. Они хотели, чтобы она соединила судьбу с кем-нибудь из другого клана «Каморры», а не парнем из англо-итальянской династии из Кьяйя. К тому же они считали, что поскольку Роскаррики обнищали, то я охочусь за ее состоянием. — Наши взгляды вновь встречаются. Марк даже не мигает. — Но это не так. Я не гнался за ее деньгами, лишь за ней самой. Однако наркотики, выпивка...

— А твоя семья?

— Моя мать тоже была категорически против, потому что Серена принадлежала к клану Форчелла. Небо и земля. Мама хотела, чтобы ее единственный сын и наследник Роскарриков женился на девушке голубых кровей. Желательно из высших слоев Англии, Франции или даже Америки, чьи деньги не были бы связаны с убийствами, контрабандой и распространением китайского героина.

— А твой отец?

— На удивление, он принял все нормально. Хоть он и англичанин, но более демократичный в своих взглядах. Папа увидел в Серене то же, что и я. Ее прекрасную душу, внутреннюю трагедию, очарование. Однако у него был слабый характер, мама всегда доминировала. Но все же...

— Вы поженились.

— Да, мы поженились. Церемония была тайная и мрачная. Но мы очень любили друг друга. А через несколько месяцев... Ах... — Марк замолкает и отпивает «Беллини», затем опускает бокал на стол.

— Что случилось через несколько месяцев?

— Серена совсем съехала с катушек. Она подозревала меня в связях на стороне, уходила в запой, злоупотребляла героином и другими наркотиками. Могла прийти домой в шесть утра — растрепанная, пьяная, под кайфом. Просто в ужасном состоянии. Что-то бессвязно говорила о своем отце-гангстере, о страшном человеке. Всему свету рассказывала о том, что он совершил,

какие убийства на его счету. Она заработала дурную репутацию, часто попадала в газетные хроники. Не могла остановиться, и однажды мне позвонили...

— Авария.

Прищурившись, Марк смотрит на меня. В его голубых глазах ярость и скептицизм.

— Автомобильная катастрофа в горах Капуи. Она уехала за наркотиками к какому-то дилеру. Одному богу известно зачем.

— В смысле?

— В Скампии героина хватит на весь мир. В Неаполе его даже больше, чем нужно. Но она все-таки поехала в Капую, не знаю почему. И там, в горах, тормоза ее машины отказали. Это было в полночь. Просто прекратили работать по необъяснимой причине. Серена спускалась со склона, и ее машина съехала в пропасть...

На противоположной стороне площади Святого Марка в кафе заиграл оркестр. Веселая, жизнеутверждающая музыка, легкомысленная оперная мелодия, совершенно неподходящая для этого мрачного момента.

Я понимаю, к чему ведет наш разговор. Тоже отпиваю «Беллини» и задаю самый важный вопрос:

— Ты не веришь, что это был несчастный случай?

Внешне Марк сохраняет спокойствие, но в глубине его синих глаз сверкает боль.

— Я почти уверен, что это убийство. Я отправил обломки машины на экспертизу, лучшие специалисты Турина изучили ее вдоль и поперек. Все сошлись в одном: причина, по которой отказали тормоза, неизвестна. С ними было все в порядке. Машину, «альфу», только недавно купили Серене родственники. И ехала она не так уж быстро — тридцать километров в час. Наркотики нашли нетронутыми, так что Серена была не под кайфом. И трезвая — впервые за долгое время. Вскрытие показало.

— Но кто ее убил?

— Возможно, отец, поэтому полиция Неаполя и не стала проводить тщательное расследование. Он был слишком влиятельный. Неприкасаемый.

Музыка замолкает, наступает гнетущая тишина.

— Но почему? — после небольшой паузы спрашиваю я. — Зачем отцу убивать родную дочь?

— Потому что она слишком много открывала рот. Разоблачала его на публике. Под кайфом и пьяная вещала всему миру об отцовских злодеяниях.

— Но... это же его дочь!

— У него шестеро детей. Он мог позволить себе одну дочь потерять. — Марк вздыхает и проводит рукой по беспроглядно-черным волосам. Допивает свой коктейль. — Икс, я не знаю наверняка. Возможно, я глубоко ошибаюсь, может, это кто-то из других саморриста, а может, и впрямь несчастный случай. Однако мои самые сильные подозрения, что виноват кто-то из ее семьи. Конечно же, отец Серены имел абсолютное влияние. Он настоящий киллер. Он и есть

«Каморра»!

— Поэтому ты их так ненавидишь?

— Это лишь одна из причин. Когда мне по наследству перешли деньги Серены, я решил вложить их в доброе дело, начать бизнес в Кампании и Калабрии, заняться честным, но в то же время прибыльным предпринимательством. Доказать, что возможно бросить вызов мафии, что-то противопоставить «Каморре» и «Ндрангете».

Теперь я начинаю все понимать. Кладу руку поверх ладони Марка:

— Марк...

— Смерть Серены унесла жизнь и моего отца, — как ни в чем не бывало добавляет Марк. — Он очень любил Серену, она была забавной и привлекательной, даже с ее пороками. Через несколько месяцев после аварии у отца случился сердечный приступ. — Марк внезапно убирает руку из-под моей ладони. — И вот мы здесь. Теперь ты все знаешь.

— Почему ты раньше не рассказал?

— Икс, это не та история, которой хочется поделиться. И главное, у меня нет доказательств. Ни единого следа, что именно «Каморра» погубила Серену, лишь то, что ее отец — *samorrista*. Все это догадки, игры и маски, игры и маски. И вот мы здесь, в городе масок. — Марк откидывается на стуле, на его лице угрюмое выражение.

Мне вдруг нестерпимо хочется поцеловать его. А над собором Святого Марка зависли на своем подиуме кони, топчущие невидимого врага.

В моей душе наступил мир. Теперь я все знаю, какой бы печальной ни была правда. Последняя рана затянулась.

На следующий день мы летим в Неаполь. Марка ждут дела. Обычные рейсы раскуплены, и Марк забронировал личный самолет. Мы с Джессикой идем по бетонной дорожке к ждущему нас самолету. Я радуюсь, как ребенок: ведь я раньше не летала на частных самолетах. Джесс выглядит слегка подавленной. Странно. Все время в Венеции она, влюбленная по уши в Джузеппе, хихикала и была абсолютно счастлива. Теперь подруга будто воды в рот набрала.

Почему?

Наконец, когда мы уже сидим на борту, а Джузеппе с Марком разговаривают о делах, Джесс касается моей руки и многозначительно кивает — молча. Знак, что она хочет поговорить наедине. Мы уходим в самый хвост, самолет взлетает.

Из-за рева моторов нас вряд ли кто слышит. Джузеппе и Марк по-прежнему увлечены беседой.

— Что такое? — спрашиваю я.

— Прошлой ночью Джузеппе напился. И кое-что сказал.

— Что?

— Ему было совсем плохо, Икс, он еле стоял на ногах. Обычно Джузеппе много не пьет, видимо, я плохо на него влияю.

— Так...

— А потом он кое-что сболтнул, едва ли сознавая, что говорит. Побьюсь об заклад, он даже забыл об этом.

Лицо Джесс мрачное, что совершенно ей несвойственно. Видимо, дело серьезное.

— И... Что именно?

Она поворачивается ко мне:

— Ты знаешь, что существует шестая мистерия?

— Что?

Джессика кивает и смотрит туда, где смеются и шутят наши мужчины.

— Есть еще шестая мистерия. Ужасная и довольно опасная. Она находится под огромной тайной. Это все, что я знаю. По крайней мере так сказал Джузеппе.

Я в полной растерянности. После откровенных разговоров в «Флориане» и полной моей уверенности, я вновь оказываюсь выброшенной в море. Почему Марк ничего не рассказал? Неужели он по-прежнему мне врет? Почему он врет?

Почему?

30

— Он все еще отрицает, что есть шестая мистерия?

— Да.

— Хмм...

Джесс стоит передо мной в моей неаполитанской квартире на Санта-Лючия и оценивающе смотрит на мини-платье от Маккуин. Короткое, розовое с черным, дорогущее. И конечно же, я без белья. Согласно правилам.

Я начинаю привыкать к шикарным нарядам и отсутствию нижнего белья, но не ко всей таинственности мистерий.

Сегодня ночью меня ждет пятая мистерия. Я думала, она будет окончательной, но Джессика посеяла во мне зерно сомнения.

Я уже дважды задавала Марку вопрос на сей счет. Сперва спросила любимого, когда мы приземлились в Неаполе, две недели назад. Он сразу же все отверг, сказав: «Никакой шестой мистерии нет». Через два дня я вновь подошла к нему с тем же вопросом, но лорд Роскаррик оказался еще более непреклонным. С того момента между ним и Джузеппе появился некий холодок, напряжение и отдаленность. Раньше они находились в дружеских, даже братских отношениях, вели себя как приятели. Теперь, стоит Джузеппе появиться или быть упомянутым в разговоре, Марк отзывается о нем с явным неодобрением.

Мы с Джессикой как раз это и обсуждаем. Подруга в последний раз окидывает взглядом мой наряд.

— Икс, ну что поделаться? — наконец спрашивает она. — Скоро ты все узнаешь. Но будь осторожна, дорогая, будь предельно осторожна.

Подруга отступает на шаг и одобрительно кивает, будто мать невесты, стоящей в подвенечном платье.

— Выглядишь чудесно. Сногшибательно! Из-за твоей красоты этого старого козла Диониса точно приступ хватит.

Я неуверенно смеюсь. Затем замолкаю, испытывая мощный прилив тревоги. Пятая мистерия. «Катабазис». Я очень напугана.

Джессика берет меня за руку и крепко пожимает ее:

— Икс, ты уверена, что хочешь это сделать? Ты можешь остановиться. Прямо сейчас. — Она прижимается лбом к моему лбу. Мои глаза увлажняются. — Можем пойти в «Бенито» и выпить «Перони», поспорить о чем-нибудь за пиццей и притвориться, что ничего никогда и не было.

Очень заманчивая идея. Просто стереть все из памяти. Притвориться, что лето было лишь сном, четыре месяца грез, с тех пор как я впервые увидела Марка в кафе «Гамбринус». Но если я поддамся, то вычеркну Марка из своей жизни. Сама эта мысль убивает меня, вызывает отвращение. Он теперь часть меня, вторая половинка моей души: после Плати и всего прочего. А если я вычеркну это лето, то вычеркну и мистерии. Но я действительно наслаждаюсь тем, как они изменили меня. Девушка, которой я становлюсь, более симпатична мне: она открытая и уверенная в себе, рискованная и озорная.

Пожимаю ладонь Джессики и качаю головой.

— Так и думала, — говорит подруга.

Слышу сигнал с улицы. Это приехал на серебристом «мерседесе» Джузеппе, на машине, которая чуть не стала моей. Когда я ступаю на тротуар, молодой человек молчаливо открывает дверь и отвозит меня в сердце Старого Неаполя, на узкую улочку — виа деи Трибунали. Едем мы недолго.

Джузеппе паркуется рядом с церковью — Санта-Мария-делле-Аниме-дель-Пургаторио-ад-Арко. Церковь Святой Марии, покровительницы душ в Чистилище. Я знаю про дурную репутацию этой церкви. Раньше я много раз прохаживалась мимо, но не решалась зайти внутрь, и все из-за зловещей атмосферы.

Внешний вид церкви сразу же отталкивает. Джузеппе открывает дверь машины, и я выхожу на улицу, скользя на каблуках по жестким булыжникам *ripetto* [85]. Смотрю на блестящие бронзовые черепки, лежащие на каменных столбах. Подавляя внутреннюю дрожь, я благодарю Джузеппе:

— Grazie, Джузеппе.

Он учтиво кивает, но есть в его поведении некое раскаяние. Все из-за того, что он проболтался?

Но пока рано думать об этом. Джузеппе поворачивается и скрывается в машине. «Мерседес» с громоханием уносится прочь, вслед ему глядят местные подростки на мопедах и мужчина в газетном киоске, продающий «Оджи» и «Дженте».

Мне придется зайти внутрь этой мрачной церкви. Сдерживая страх, я поднимаюсь по пологим ступенькам и открываю дверь. Внутри ожидает небольшая группа людей, Марк тоже здесь, в своем обычном вечернем наряде. Он хмурится. Даже мой лорд выглядит угрюмым и нервным. Мне это совсем не помогает.

— Buona sera, Икс. — Марк целует меня в лоб.

Я поворачиваюсь и вижу Франсуазу в сопровождении Даниэля, ее *amant*. Она тоже стоит в центре небольшой группы. Так, значит, и моя подруга проходит пятую мистерию в Неаполе. Это слегка подбадривает. Мы киваем друг другу и обмениваемся дружелюбными улыбками. В глазах девушки сквозит тревожное напряжение.

Времени на разговоры нет. Нас ведут по боковой лестнице. По своим исследованиям, я знаю, где заканчиваются эти ступеньки. Меня охватывает еще больший страх, с которым бороться намного сложнее.

Внизу расположен склеп, ужасная, пугающая гробница Санта-Мария-делла-Аниме-дель-Пургаторио, где по-прежнему можно видеть следы древнего неаполитанского культа черепов во всем его бессмертном и мрачном великолепии.

Ступеньки довольно крутые, я облегченно вздыхаю, когда мы добираемся до подвального этажа. Оглядываюсь. Меня пробивает сильная дрожь.

Вся комната заполнена алтарями, стеклянными витринами и открытыми гробами с человеческими черепами и костями. Здесь есть черепа со свисающими с них ожерельями, черепа со свечами, мерцающими в пустых глазницах.

В шестидесятые годы местная католическая церковь пресекла культ черепов, но он жив и поныне, он все такой же мощный и варварский. Многие местные жители, в основном молодые и пожилые женщины, приходят сюда помолиться своим излюбленным черепам, сделать подношения скелетам, зажечь свечку напротив незрячего мертвеца, попросить об удаче, плодовитости или излечении от рака, а может, просто приходят, потому что это место притягивает, завораживает.

— Икс, ты в порядке? — Марк нежно касается моего плеча.

— Да, — лукавлю я.

— Отсюда мы спустимся ниже.

Слежу за взглядом Марка и вижу нашего проводника — низенького пожилого человека в очках, поднимающего люк.

Очевидно, из крипты Санта-Марии, покровительницы душ, мы будем спускаться в более темные глубины Неаполя, грандиозный лабиринт его подземного мира, Napoli Sotterraneo [86].

Весь город построен на туфовых, рыхлых породах, поэтому тысячи лет люди и выкапывали здесь лазы, колодцы, туннели и погреба. А если представить, что многие века поверх каждого слоя ложился новый, то внизу, пожалуй, такой же Неаполь, как и на поверхности. Город покоится на своем зеркальном отражении, на своем близнеце, подземном мире. Будто церковь, отраженная в водах венецианского канала.

Проводник открывает люк, поворачивается к нам и говорит:

— E'piuttosto un lungo cammino. Potrebbe essere necessario eseguire la scansione...

«Путь долгий. Возможно, нам придется ползти».

вернуться

85

Вулканическая порода.

вернуться

86

Подземный Неаполь (*ит.*).

Я набираю в легкие сырого воздуха и позволяю Марку увести меня в темноту.

— Grazie.

Итак, мы следуем за фонарем проводника сквозь Napoli Sotterraneo, ползем на четвереньках, чихаем от пыли, минуем раскинутые на сотни миль влажные резервуары для хранения воды и тайные часовни, старые мавзолеи, погребенные римские театры и заплесневелые темницы времен Бурбонов. Проходим святилища мистерий, превращенные «Каморрой» в склады для контрабанды наркотиков, табака, алкоголя и оружия. Для многих мистерий ритуалы проводились именно глубоко под землей, подобно тому, как действует сейчас мафия.

Сходство очевидно.

Воздух становится все более сырым и прелым. И тут картина понемногу складывается воедино. Я вижу определенную закономерность, будто нахожу в современнике сходство с далеким и знаменитым предком.

— Ci siamo quasi... [87]

Кажется, идти нам осталось недолго. Еще один узенький коридор зигзагами приводит нас к огромному гулкому резервуару. Марк говорит, что он построен еще древними греками. Держа в руках телефон с фонариком, любимый светит им вправо и влево, а я изумленно верчу головой. Сейчас в резервуаре нет воды, но он просто громадный. Я взволнованно смотрю на величественные своды, высокие каменные потолки, грандиозные стены с великолепной резьбой, метров сто в высоту, а может и больше. Словно взираю на достижения древней расы с иной, более развитой планеты.

— Avanti!

Мы все еще движемся вперед. Воздух жаркий и слегка разреженный. У меня уже кружится голова, а ведь еще предстоит пить кикеон. Будет ли там кикеон? Надеюсь, нет. Надеюсь, да.

Спускаемся вниз по еще более узкому коридору, выложенному греческими кирпичами и камнями. Здесь сыро, мрачно, тоскливо и воняет гнилью.

— Осталось совсем немного, *carissima*.

Марк ободряюще кладет руку мне на плечо, но я вовсе не спокойна. Теперь я напугана настоящим. Мы ведь так глубоко под землей, в богом забытых подземельях *Napoli Sotterraneo*, спускаемся к центру земли.

— Пришли, — по-английски говорит наш проводник.

Вижу впереди приглушенный свет. Туннель выходит к нескольким подземным камерам, освещенным факелами и фонарями, испускающими синее сияние. Здесь уже собралось немалое количество народу, они пьют вино и беседуют. Однако по сравнению с предыдущими мистериями атмосфера совершенно иная. Играет церковная, довольно простая музыка: григорианские напевы, а может, и что-то более древнее, греческое. Очень печальная мелодия, но чересчур навязчивая.

Марк выглядит встревоженным, между его бровей пролегли глубокие морщины. Пожимаю ему руку, теперь я стараюсь приободрить его. Он выдавливает из себя вымученную улыбку.

Нас проводят в низенькую камеру с полукруглым потолком, как в самолете, вот только из сырого камня. По сторонам выступают узкие каменные полки, вдоль них, склонив головы, стоят люди.

Полуцилиндрическое пространство камеры освещено горящими факелами. В их неровном свете видны жуткие рельефы на выгнутых стенах. Предположительно они относятся ко времени самых ранних мистерий в Южной Италии, возможно к третьему или четвертому веку до нашей эры. Каменные бордюры изящные, но довольно примитивные. На них изображены пытки мужчин. Одному перерезали горло. Другого истязают содомским грехом. Третьему жестоко вогнали нож в спину. Лицо мужчины искажено, из раны брызжет кровь.

Вспоминаю странный шрам на плече Марка. Возможно, одна из тайн мистерии разгадана. Изогнутый шрам — след от ножа. Наверняка это символ посвящения в мистерии, подобно татуировке на внутренней стороне моего бедра.

Я вновь сжимаю ладонь Марка. Теперь она стала влажной от пота, мой лорд явно очень нервничает. Раньше я таким его не видела. И мой собственный страх кольцом сжимается вокруг меня. Что же будет?

Музыка набирает обороты, теперь это хор простых и суровых голосов, скорбных и слезливых, создающих некоторое неблагозвучие. Но мелодия очень отчетливая. Может, в какой-то из камер разместился хор — здесь же так много подвалов и темниц, склепов и дионисийских храмов, преданных с течением времени земле.

— Выпей, — вкладывая мне в руки чашу, говорит девушка.

На ней нет белой туники, на этот раз одеяние полностью черное и совершенно простое. Однако девушка, видимо, выполняет ту же роль, что и прислужницы мистерий на прочих обрядах посвящения.

Обращаю взгляд к Марку, ища поддержки и совета, но он лишь берет металлическую чашу и опустошает ее, выпивая все до последней капли. Вытирает губы ладонью и презрительно возвращает сосуд. В его поведении я опять замечаю некую странность: это не тот ловкий, умный, аристократичный Марк, которого я знаю. Передо мной совершенно другой мужчина. Его внутренняя злость грозит вырваться на поверхность.

— Марк, с тобой все в порядке?

— Смотри, cara mia, — отмахивается он от моего вопроса. — Полагаю, тебе просто нужно смотреть. Пока.

Я поворачиваюсь и смотрю. Из толпы выбрали женщину. Франсуазу. Узнаю еще трех-четырёх девушек: моих сестер на пятой мистерии, также претенденток на посвящение. Но Франсуазу избрали первой.

Мы все стоим на каменных подиумах по обе стороны похожей на бочку камеры. Кивнув, Франсуаза в своем черном платье медленно и покорно спускается по каменным ступенькам, затем движется вдоль впадины в центре комнаты, к дальней стороне помещения. Там, на стене, я замечаю довольно примитивный рисунок греческого или римского солдата, забивающего быка. Но мужчина не просто убивает животное, а свирепо вонзает кинжал ему в горло, так что из шеи испуганного зверя фонтаном хлещет кровь. Триумф человека над животным? Или триумф жестокости над милосердием?

Рядом с этим ужасным изображением стоит мужчина средних лет. В руке он держит серебряный колокол. Звонит в него и спрашивает по-английски:

— Ты согласна подчиниться пятой мистерии?

— Согласна, — слегка замешкавшись, отвечает Франсуаза.

Первый ритуал начинается.

— На колени!

Она делает как велено.

— Читай молитву Митре! — приказывает мужчина.

Франсуаза неуверенно складывает ладони. Склоняет голову в направлении настенного рисунка, где мужчина убивает быка. Мастер мистерий вновь звонит в колокол. Франсуаза поворачивается к нему лицом, а он дает ей указания:

— Теперь ляг на спину.

Напиток из металлической чаши наконец дает о себе знать. Он не похож ни на вина Капри или Рогуды, ни на кикеон четвертой мистерии. Действует скорее, как дубинка, моментально одурманивающая меня. Я словно пьяная, голова отяжелела, однако внутри зарождается агрессия. Мне хочется кого-нибудь ударить. Плохо дело.

Поворачиваюсь к Марку. Даже в тусклом свете камеры Митры на его лице отражаются эмоции, подобные моим: он стиснул зубы, будто пытается подавить рвущуюся на волю жестокость.

— Ты должна отдаться Митре и Дионису, — говорит Мастер мистерий. — Задери платье.

Франсуаза лежит на турецком ковре с красивым узором. Девушка закрывает глаза, на ее лице отражаются растерянность и напряжение, однако она послушно поднимает платье, обнажая бедра и низ живота. Прислужницы в черных одеяниях делают шаг вперед. Опускаются на колени перед Франсуазой и принимаются возбуждать ее хрустальными фаллосами. Франсуаза откликается, но в то же время сопротивляется. Глаза ее крепко зажаты. На каменном подиуме

прямо над ней стоит Даниэль. Я не могу разгадать, что написано на его лице.

Музыка по-прежнему мрачная и мощная. Пока что это самая религиозная из мистерий. Слышу слова на латыни и греческом, наполняющие накуренный благовониями воздух.

Дионисии, Вакханалии, Скиерии, Апатурии.

Я держу Марка за руку, только чтобы ободрить его. Кажется, я сейчас упаду в обморок, свалюсь с каменного подиума. Это уже переходит все границы.

Бой барабанов усиливается. Звуки лиры или какого-то другого струнного инструмента приближаются к оргазму. Голоса сливаются воедино. Воздух густой от аромата благовоний и дыма факелов. Вперед выходит мужчина. Лет тридцати. Высокий. Со щетиной. Верхняя часть лица закрыта маской. *Samorrista*?

вернуться

87

Мы почти там... (*ит.*)

Мужчина расстегивает брюки. Он полностью возбужден. Одна из прислужниц надевает на его член презерватив. Мужчина приближается к Франсуазе, опускается на колени и входит в нее. Единственное подходящее описание — спаривание. Да, именно спаривание. Если в прошлом мистерии и были эротичными, даже изысканными в своей сексуальной составляющей — что сохранилось и в предыдущих обрядах, — то сейчас все совсем иначе. На наших глазах разворачивается жесткое, пугающее, серьезное, но невероятно символичное действие. Женщина, которой овладевает Бог. Партнер должен подчиниться. Все должны подчиниться. Я прихожу в ужас.

Мужчина в маске закончил свое дело. Он извлекает член из Франсуазы, и к ней тут же спешат прислужницы. Помогают девушке подняться на ноги. На лице француженки застыло замешательство. Она отворачивается, сжимает руки в кулаки. И это лишь первый ритуал катабазиса?

Франсуаза дрожит всем телом, краснеет. Даниэль спускается с каменного подиума, обнимает свою возлюбленную и уводит ее в темноту.

— Ты! — Мужчина с серебряным колоколом указывает на меня.

Нет уж, я этого делать не буду. Однако мне придется, чтобы остаться с Марком. Но я не могу. Смотрю в сторону Марка, он опускает глаза и качает головой. Пару секунд разглядывает ботинки, а затем бросает на меня мимолетный взгляд.

— Ты по-прежнему можешь остановиться, — шепчет он. — Сейчас последний шанс, чтобы остановиться. — И снова отводит взгляд.

— Я не могу остановиться, — отвечаю я. — Не могу потерять тебя. Я тебя люблю.

Совершенно потрясенная, смущенная, но настроенная решительно, я подчиняюсь указаниям Мастера мистерий. Иду вниз по каменным ступенькам, прохожу вдоль камеры к дальней стене. Звонит колокол. Меня спрашивают, согласна ли я подчиниться.

— Согласна, — отвечаю я.

— На колени, — приказывает мне мужчина.

Я опускаюсь на пол перед стеной с фреской. Смотрю на древнего солдата, убивающего древнего быка. На извержение древней, некогда алой крови, потускневшей со временем и ставшей пурпурной. Звонит колокол.

— Повернись и ляг.

Сжимаю ладони в кулаки. Каждая клеточка моей души кричит не делать этого. Нет, нет! Нет! Не подчиняйся! Не делай этого! Беги прочь! Это НЕПРАВИЛЬНО!

Но мистерии странным образом воздействуют на меня, поэтому я покорно поворачиваюсь и ложусь. Снова звон колокола.

— Задери платье.

Теперь я лежу на ковре. Поднимаю платье. Конечно же, трусиков под ним нет. Прислужницы собрались у моих ног, пытаюсь возбудить меня. Самыми искусными способами. Среди дыма и теней пытаюсь отыскать лицо Марка, но он отвернулся. Отвернулся!

Из темноты, озаренной языками пламени, выходит другой мужчина, помоложе. Ему лет двадцать. На подбородке у него небольшой уродливый шрам. Это все, что открыто мне. Мужчина также в маске.

Его член наготове. Этот мужчина собирается овладеть мною. Закрываю глаза и готовлюсь к тому, что сейчас меня используют. Да, используют, поработят, изнасилуют. Ведь это против моей воли, даже несмотря на то что я подчинилась.

— Cornuti! [88]

Я открываю глаза.

Марк.

Это же Марк!

Что?

Он стоит внизу камеры с небольшим сверкающим ножом в руках. Но откуда взялось оружие? Марк хватает мужчину со шрамом за шею и приставляет ему к горлу лезвие.

— Нет! — горячо протестует глава ритуала, мужчина с серебряным колоколом. — Нет! Ты не можешь остановить мистерии! Ты должен поделиться этой женщиной. Ты знаешь правила и знаешь цену непослушания, — по-итальянски говорит он.

— Катитесь к черту! — по-английски отвечает Марк. Затем кричит мне: — Икс, вставай! Иди сюда!

Я вскакиваю на ноги и опускаю платье, прикрываясь. Подбегаю к любимому. Он по-прежнему держит нож у горла юноши, выглядит тот испуганно. Будто действительно верит, что Марк сможет хладнокровно зарезать его. Так же, как убил Мясника в Плати.

Мастер мистерий по-прежнему протестует по-итальянски. Но говорит он очень медленно, каждое слово пропитано угрозой. Я все понимаю.

— Роскаррик, caros придут за тобой. Такова пятая мистерия. Неважно, что именно ты привел эту женщину. Если нарушишь правила, то подпишешь себе смертный приговор.

— Значит, так тому и быть, — говорит Марк и отпускает юношу.

Тот, шатаясь и держась за горло, отходит в сторону.

Марк хватается меня за руку:

— Бежим!

31

Мы бежим. Марк выталкивает меня из камеры Митры в узкий коридор, но на этот раз мы поворачиваем налево, избирая другой маршрут. Я оборачиваюсь лишь на мгновение. Позади нас раздаются громкие голоса, в уныло-голубом свете мелькают фигуры — и все это воплощено в угасающем, преследующем нас хоровом пении.

— Сюда!

Коридор петляет из стороны в сторону, затем сужается, становится настолько тесным, что каменные стены чуть ли не сдавливают грудную клетку. Мне страшно, я задыхаюсь. Но мы все-таки проскальзываем дальше, туда, где коридор расширяется. Мы быстро мчимся вдоль кирпичных стен, пока не выбегаем еще к одному огромному греческому резервуару.

Марк поворачивается и светит фонариком своего мобильного на каменную стену. Там привинчена металлическая лестница.

— Возможно, ее установили во время войны — здесь было бомбоубежище. А значит, эта лестница куда-то ведет, она просто обязана вести на поверхность.

— Будем подниматься по ней?

— Да.

Смотрю на заржавелые металлические перекладки. Я в мини-платье и на шпильках.

— Дай мне свои туфли, — говорит Марк.

Я скидываю обувь и передаю ему. Он забрасывает их на дно резервуара. Подбегаем к низу лестницы. Марк карабкается первым, довольно ловко, я следую за ним, хватаясь за перекладки. Мы медленно поднимаемся вверх. Острые лохмотья ржавчины ранят мои босые ступни. Ветхая металлическая лестница зловеще скулит под нашим весом. Я не осмеливаюсь взглянуть вниз — двадцать метров, тридцать, пятьдесят. Если лестница сломается, мы упадем и погибнем, разобьемся о древнегреческие каменные плиты.

— Держись! — Марк подает мне руку.

— Я в порядке! — отмахиваюсь я.

Он отворачивается и продолжает путь. Через несколько мучительных минут любимый

добирается до верха, где находится что-то наподобие выступа. Марк кладет телефон на пол и в темноте тянется ко мне. На этот раз я принимаю помощь, и мой лорд вытаскивает меня на ровную поверхность. Я тяжело дышу, силы на исходе.

Марк поднимает мобильник и светит фонариком по сторонам. В темноту уходит еще один туннель, беря начало от резервуара и уводя к другим туннелям. Вдалеке маячат огоньки. Мы довольно близко к поверхности, к улицам города, что раскинулся над нами. Свет может идти от сточных канав или люков.

Слышу внизу эхо голосов.

— Это они?

— Поторопимся, *carrisima*.

Марк проходит вперед несколько метров и указывает наверх. Сквозь щели деревянного подвального люка струится свет. Вырезанные из камня ступеньки ведут к двери. Марк забирается по ним и плечом пытается выбить люк. Тот не поддается. Шум внизу становится громче. Марк делает еще попытку.

— Быстрее!

Эхо голосов нарастает. До нас доносится разъяренная итальянская речь. Марк присаживается на корточки и делает глубокий вдох. Затем снова толкает люк, тот распаивается настежь. Нас ослепляет яркий свет.

— Марк!

Любимый выбирается наружу, подает мне руку и рывком подтягивает к себе. Я оглядываюсь по сторонам, пока Марк наспех закрывает люк. Задвигает его ящиком с вином, затем еще одним, и еще.

Ящики с вином?

Мы находимся в кладовой магазина! «Салюмерия», деликатесы Старого Неаполя. Конечно же. Почему нет? Все эти туннели и катакомбы пролегают в совершенно неожиданных местах: под стиральными машинами *bassi*, в прачечных и пекарнях. Значит, мы в магазине, который сейчас открыт, и в нем полно покупателей. Никто не слышал, как мы здесь появились. У прилавка видим несколько людей, сами же мы скрыты полками, кругом — свисающая с потолка салями, ветчина и головки сыра.

вернуться

88

Рогоносец (*ит.*).

— Давай выйдем отсюда, — говорит Марк.

Мы все пыльные и перепачканные, смокинг Марка покрыт грязью и паутиной. Я растрепанная и босая, платье порвано; видимо, у меня идет кровь из ссадин — там, где ржавая лестница поцарапала ноги. Но другого выбора нет. Придется просто выйти отсюда, как обычные

покупатели, разглядывающие salsiccia [89].

Пожилая женщина покупает бумажный кулек бычьей требухи. Она поворачивается и смотрит на нас, но нисколько не удивляется, лишь цокает языком и пожимает плечами, будто такое в порядке вещей. Затем вновь торгуется с продавцом.

Выходим на улицу.

— Джузеппе! — рывкает в телефон Марк.

Мы стоим на узкой улочке рядом с Дуомо, как мне кажется. Я по-прежнему босая. Марк дает лихорадочные указания своему слуге, а мы тем временем бежим налево, потом направо, пока не останавливаемся на углу довольно оживленной улицы. Здесь мы ждем, молча. Наши сердца бешено бьются, на душе тревожно. Через полторы минуты перед нами на рычащем автомобиле появляется Джузеппе. Запрыгиваем внутрь, и машина уносит нас прочь от Старого Неаполя, на просторные бульвары. Круто поворачиваем вправо, затем еще раз и выезжаем на Кьяйя. Наконец останавливаемся у заднего подъезда Палаццо Роскаррик.

Марк вытаскивает меня из машины. Несет, босую, внутрь.

— Заприте двери! — кричит он на ходу слугам. — Заприте все двери! Закройте окна на засовы!

Полная изоляция.

Мы поднимаемся в его спальню, я бегу в ванную, чтобы смыть с ног кровь и ржавчину. Хочется разрыдаться, но я держусь. Беру себя в руки, делаю несколько глубоких вдохов. Смываю грязь с лица и рук. Иду к шкафу и переодеваюсь в джинсы, хлопчатобумажную футболку и кроссовки. Когда я выхожу в спальню, Марк застегивает манжету синей рубашки и в то же время говорит по телефону, зажатому между плечом и подбородком.

— Si, si, Джузеппе. Si! — словно безумный кричит он.

Я сажусь на кровать. Краем уха слышу его яростную неаполитанскую речь и одновременно вспоминаю ошеломляющие события этой ночи.

Марк завершает свой разговор. Садится рядом со мной:

— Тебе надо уходить отсюда.

— Почему?

— Потому что теперь за мной придет «Каморра».

— «Каморра»?

— Они давно искали предлог, чтобы убрать меня, — отчаянно качает головой Марк. — Теперь все на их стороне, так что они смогут убить меня безнаказанно.

— Но почему?

— Потому что, Икс, я совершил самое ужасное, то, чего нельзя делать. Нарушил Кодекс мистерий. Нарушил свои клятвы, вмешался в священный ритуал, обряд пятой мистерии. Не позволил им завершить инициацию.

— Не понимаю.

Марк проводит ладонью по волосам. Вздыхает и потирает лицо. Уставшее и напряженное. Смотрит мне прямо в глаза:

— Икс, когда ты начинаешь ритуал мистерии, новый уровень в посвящении, то должен завершить его, иначе будешь считаться... лишь пассивным вуайеристом в погоне за острыми ощущениями, или еще хуже: могут решить, что ты с помощью мистерий шпионишь за другими. Ты ведь знаешь, там участвует много знаменитых людей. Верность и секретность необходимы.

— Да, — киваю я. — Я их видела: политиков, миллиардеров. Видела их в Венеции...

Слова застревают у меня в горле, логика берет верх.

Политики... Миллиардеры...

Энцо Пазелли.

Ну конечно! Конечно же! Теперь все стало понятно, все встает на свои места. Будто в подземном туннеле наконец открыли люк и секрет лабиринта раскрыт.

Я разгадала загадку мистерий!

— Марк, — говорю я, — преступные группировки организуют мистерии, так?

— Да, — отвечает он. — Наверное.

— «Ндрангета». И «Каморра». Они все устраивают и платят за мистерии. Да?

— Очень похоже на то.

Марк выглядит слегка поверженным. Но я — нет. От правды голова идет кругом. Я встаю и принимаюсь рассказывать из стороны в сторону по тихой и элегантной спальне Марка.

— Я поняла, Марк, — размышляю я вслух. — Мистерии никогда не исчезали, они стали мафией!

— Что, прости? — Впервые Марк выглядит неуверенным. — Что?

— Разве ты не видишь? Вот откуда берет начало «Мафия», «Каморра» и «Ндрангета»!

Подхожу к нему и обхватываю ладонями его красивое лицо. Целую в губы, затем отворачиваюсь и вновь шагаю по комнате — влево, вправо, влево, вправо. Думаю, рассуждаю, озвучиваю свои мысли:

— Подумай сам. Вся история про Испанию — чушь. Тайные криминальные организации Италии произошли от тайных религиозных культов на юге самой Италии. Должно быть, это так! У них та же самая круговая порука, клятвы верности, для мужчин — то же внимание к кровным узам, чести и насилию. Тот же кодекс чести для мужчин, которые хотят свернуть с выбранного пути после посвящения.

— Но... я не понимаю почему... Не могу уловить.

— Это же очевидно. Мы знаем, что мистерии сохранились, так же как древние греки в

Калабрии, так же как и рецепт кикеона передавался в Греции на протяжении двадцати веков, но они сохранились именно таким образом! — Смотрю на темный прямоугольник окна. — Здесь на лицо историческая эволюция. Культы мистерий на своей родине — в Южной Италии — ушли в тень из-за христианских верований в четвертом веке нашей эры, но они не исчезли полностью! — Мои глаза широко распахиваются. — Они выжили, стали еще более оккультными, тайными. Величественное и языческое масонство с дикими, жестокими, эротически притягательными ритуалами, которые сопровождаются одурманивающими наркотиками. — Смотрю на фотографии Андреаса Гурски, меня просто распирает от нового знания. — И со временем эти тайные секты, встречаясь в своих тайных местах, превратились в криминальные, бунтарские организации. Естественная прогрессия, они ведь уже противопоставили себя церкви и власти. Им нужны были деньги, чтобы спонсировать ритуалы, поэтому они обратились к преступности: грабежам, вымогательствам, похищениям.

— Потрясающая теория, Икс, — качает головой Марк. — Ты, скорее всего, права. — Он поднимается и подходит ко мне. — Но сейчас это не имеет значения. Этим вечером важно лишь то, что теперь предпримут «Каморра» и «Ндрангета».

— Я знаю, что они делают! — чуть ли не кричу я. — На своих эротических вечеринках они ловят на крючок богатых и знаменитых людей, приглашают их присоединиться, посвящают самых влиятельных и привилегированных. Я видела их, Марк, бывшие президенты, известные финансисты, знаменитости. Таким образом «Каморра» и «Ндрангета» получают власть над элитой. Именно поэтому мафия неискоренима, их защищают свыше те, кто увяз в мистериях.

— Икс, но мы-то с тобой не защищены! — Марк стоит совсем близко, держит меня за плечи, крепко сжимает их. Мне даже слегка больно. — Ты хоть понимаешь, что я говорю? Они собираются убить меня! Я нарушил Кодекс. Им нужен был предлог. Теперь он у них есть, я ничего не могу поделать.

Я потрясенно смотрю на него. Внезапно моя интеллектуальная эйфория рассеивается, полностью растворяется. И вот я здесь, в этой спальне, вместе с мужчиной, которого люблю. И он говорит, что скоро умрет.

— Но мы ведь можем убежать?

— Куда? — ухмыляется и вздыхает Марк. — «Каморра» найдет меня где угодно. Может, ты слышала про Роберто Савиано? [90]

— Журналист, написавший книгу «Гоморра»?

— Которая была полностью про «Каморру». И он по-прежнему скрывается, даже десять лет спустя. «Каморра» ищет его по всей Европе. Икс, я так не хочу, переезжать из одного убежища в другое, из квартирок в Милане, Гамбурге, Мадриде — убегать всю свою жизнь. Убегать от всего, что мне дорого. — Он решительно смотрит на меня и говорит: — Лучше уж я умру. Они убьют меня. Это конец.

Комната погружается в тишину. Марк отходит от меня на несколько шагов и, замерев на середине спальни, застегивает последнюю пуговицу на манжете.

— Марк... — возражаю я. — Марк! Мы должны бежать, делать хоть что-нибудь! Мы обязаны!

— Икс, нам нечего делать.

— Значит, ты позволишь им убить нас?

— Не тебя. Меня...

вернуться

89

Сальсичча (*ит.*)— колбаса типа салями.

вернуться

90

Роберто Савиано (род. 1979) — итальянский писатель и журналист, получивший широкую известность благодаря роману-репортажу «Гоморра» (2006), переведенному на 52 языка; роман написан в форме журналистского расследования и повествует о деятельности неаполитанской мафии. (*Прим. ред.*)

— Марк!

— Я должен был остановить ритуал, — тяжело вздыхает он. — Я не мог позволить им сделать это с тобой. Ты не хотела этого — не хотела же, да? Что произошло бы тогда?!

— Но я была готова. Я согласилась. Я не хочу, чтобы ты погибал из-за меня!

Марк вновь качает головой и дарит мне свою печальную улыбку. Заправляет рубашку в джинсы, наклоняется и завязывает шнурки. Он делает все до ужаса непринужденно, решительно. Человек, отрешенно готовящийся к казни.

Затем подходит ближе, обнимает меня и крепко целует в губы:

— Икс, правда в том, что я даже в мыслях не могу допустить, что тебя будет иметь еще кто-то. Я не мог наблюдать за тем, как другой мужчина овладеет твоим телом. Я слишком далеко зашел. Слишком далеко в чувствах к тебе. — Он вновь целует меня и наконец, впервые за все это время, говорит: — Я люблю тебя, Икс. Люблю сильнее, чем кого-либо на этом свете. Если ты погибнешь, моя жизнь потеряет смысл. Но если погибну я, а ты выживешь, то я умру с миром, зная, что ты цела и невредима. Поэтому тебе придется уйти.

— Нет!

— Уходи. Ты больше никогда меня не увидишь.

— Марк! — кричу я.

Но кто-то крепко держит меня. Это Джузеппе, еще один слуга и кто-то третий.

Трое мужчин буквально поднимают меня. Я кричу во все горло, кричу на мужчину, которого люблю. Слуги оттаскивают меня от него, уносят, хотя я бешено сопротивляюсь.

— Икс, тебе помогут скрыться. Ты будешь в безопасности, — вздыхает Марк. — Икс, *per favore, ricordate di mi.*

Несмотря на спокойствие на лице Марка, в его глазах застыли слезы. Это последний раз, когда я вижу моего лорда. Я знаю это. Все, конец. Мужчины выносят меня из спальни.

— Нет, нет, нет! Марк!

Но дверь в комнату закрылась, он недотягивает. Я лишь слышу его последние слова. «Помни меня».

32

Я изгнана из палатки в очень мягкой форме. Джузеппе и его друзья с необыкновенной заботой и даже нежностью несут меня к входной двери и оставляют на улице — красноглазую, растрепанную, злую, безутешную.

Предлагают подвезти меня, но я качаю головой. Просто стою там. Молча. Дерзко. Отказываюсь двигаться с места. Рыдаю.

Дверь закрывается перед моим носом, но я иду прямо к ней и стучу огромным древним кольцом. Еще раз. Никто не отвечает. Четвертый раз, пятый. Поднимаю и опускаю металлическое кольцо, отполированное до блеска сотнями посетителей разных веков, богачами и бедняками, знатными и низкого происхождения. Наконец Джузеппе нехотя открывает дверь. Вздыхает и с состраданием смотрит на меня, затем качает головой:

— Простите, Икс. Мне очень жаль. Но вы больше никогда не сможете увидеть синьора. Это его приказ.

— Но, Джузеппе, нет. Джузеппе... прошу... прошу...

По щекам снова бегут слезы. Мимо по Кьяйя гуляют прохожие, они с любопытством смотрят на американку, которая плачет и кричит у дверей Палаццо Роскаррик. Пускай смотрят. Какая разница?

Сейчас ничто не имеет значения.

— Джузеппе, ты должен что-нибудь сделать! Уговори Марка изменить свое решение. Я хочу быть вместе с ним. Что бы... что бы ни произошло. Я хочу быть с ним.

— *Per favore*. Это от синьора Роскаррика. Вы сможете уехать, вы будете в безопасности.

Джузеппе пытается всучить мне большую пачку денег. Беру деньги, презрительно смотрю на них и сквозь дверь кидаю всю пачку в парня. Повсюду, как конфетти, сыплются оранжевые купюры в пятьдесят евро. Джузеппе даже не моргает. Наклоняется и поднимает одну банкноту. Вкладывает ее мне в руку, зажимает мои дрожащие пальцы.

— По крайней мере возьмите такси, *signorina*, — говорит Джузеппе.

Затем он закрывает дверь. Я знаю, снова она не откроется. Никогда больше. А если и откроется, то определенно не для меня. Но я все равно несколько раз бью по ней кулаком, тщетно.

Через полчаса слезы останавливаются, а потрясение понемногу проходит. Более сильные и гнетущие чувства берут верх. Останавливаю такси и забираюсь внутрь. Говорю водителю ехать до Санта-Лючии. Затем заглядываю глубоко внутрь себя, исследуя образовавшуюся там

темную пустоту. Будто хирург, смотрящий на снимок ужасной опухоли. Или ювелир, заметивший недостаток в драгоценном камне.

Я знаю, эта опаляющая сердце печаль теперь со мной на всю жизнь. Навсегда. Она уже поселяется в моей душе, будет делить со мной квартиру, занимать все сознательные часы моего времени. Когда я проснусь или лягу спать, она будет рядом. Это ужасная и непрекращающаяся печаль потери кого-то любимого, кого-то, кто был больше чем другом.

И как-то утром я проснусь, и печаль заговорит.

— Сегодня тот самый день, — скажет она.

Я включу телевизор или куплю газету «Коррьере делла Сера» и узнаю неизбежные новости: Марк Роскаррик, «molto bello e scarolo» лорд Роскаррик, мертв.

Убит наемным убийцей. Застрелен на виа Толедо семнадцатилетним наркоманом из Секондильяно, малолеткой на небесно-синем мопеде «Веспа». Застрелен из-за сотни баксов. И тогда печаль станет еще глубже, просочится в кости, завладеет душой.

— Grazie.

Отдаю деньги таксисту, он смотрит на мое заплаканное лицо и ласково говорит по-итальянски:

— Signorina? S'è persa? Sta bene? Posso aiutarla? [91]

Он хочет помочь. Проявляет внимание. Я вкладываю ему в ладонь купюру в пятьдесят евро, поворачиваюсь и убегаю в квартиру. Поднимаюсь по лестнице, захлопываю за собой дверь и снова рыдаю. Возможно, слезами я доведу себя до смерти: если наступит обезвоживание.

Видимо, рыдаю я громко, потому что вскоре слышу стук в дверь и робкий голос Джесс:

— Икс? Что с тобой?

— Ничего.

— Икс? Ты плачешь. Что случилось? Что-то ужасное? Открой дверь.

Я сижу на полу своей дурацкой квартиры на Санта-Лючии в дурацком Неаполе. Я вне себя от горя. Не знаю, что мне делать — говорить или думать. Смотрю на балкон. Вдруг в голове появляется мысль: как просто было бы пересечь комнату, забраться на балконные перила, взглянуть на Капри, залитый лунным светом, а потом — так легко — случайно соскользнуть вниз, упасть. Тогда печаль пройдет.

Я с потрясением возвращаюсь к реальности. Опасные мысли. Мне нужно успокоиться, нужно с кем-то поговорить. У двери ждет Джесс.

Я поднимаюсь, вытираю с лица слезы и открываю дверь. Подруга стоит на пороге. На ней белые джинсы и голубой топ, а еще широкая терпеливая улыбка. Но, увидев мое лицо, Джесс тут же говорит:

— Черт побери, Икс. Черт побери!

— Джесс...

Молча отступаю в комнату, подруга заходит внутрь. Поворачивается ко мне, и полминуты мы просто обнимаемся. Затем она идет на мою нелепую маленькую кухню и делает чай — чашечку британского чая. На кухне, где меня целовал и раздевал Марк в ту первую великолепную ночь.

Нет! Нужно остановить поток мыслей. Они словно солдаты, берущие штурмом крепость, пытающиеся пробиться внутрь. Если я пропущу хоть одну, то они полностью захватят мое сознание. Тогда я пропала.

Джесс передает мне чашку с чаем и садится на пол рядом. На кружке изображено побережье Амальфи. Напоминание о маме: туда она поехала в отпуск, кажется, сотни лет назад. Мамочка. Может, позвонить ей? Хочу к маме. Моя сердечная рана слишком тяжела, хочу к маме!

— Так, — говорит Джесс и отпивает чая, затем пристально смотрит на меня. — Признавайся, Икс. Расскажи все.

Делаю большой глоток обжигающего чая. Еле сдерживаю слезы. Ставлю чашку на пол и смотрю на Джессику. А потом рассказываю, по крайней мере, то, что ей нужно знать. Говорю, что Марк нарушил Кодекс мистерий и теперь «Каморра» придет за ним, потому что «Каморра» и «Ндрангета» заправляют мистериями. Затем, хлебнув еще чая, стараюсь не расплакаться. Хватит плакать, хватит! Говорю, что Марк выгнал меня, выставил, отверг. Он считает себя пропавшим человеком, которого скоро убьют. Поэтому он хочет, чтобы я ушла, была в безопасности, навсегда.

Замолкаю.

Джессика качает головой, вижу тревогу на ее красивом лице.

вернуться

91

Синьорина, с вами все в порядке? Могу я помочь вам?

— О боже, бедняжка Икс, — произносит подруга без тени сарказма. — Бедный Марк!

Она затихает и смотрит на ночное небо за окном. Вдалеке слышен треск фейерверков, будто оружейных выстрелов. Может, какой-нибудь гангстер «Каморры» празднует в Испанском квартале освобождение из своей же тюрьмы.

— Знаешь, — приглушенно и грустно говорит подруга, — на днях я слышала историю про Испанский квартал. Откуда он получил свое название. — (Я молчу.) — Помнишь улицу в центре квартала, Вико-Лунго-дель-Джелсо? «Джелсо» означает тутовник... — (Я никак не реагирую.) — Он получил свое название от испанских солдат, которые испачкали форму, занимаясь любовью с местными девушками на траве. — Джессика поднимает на меня взгляд. — Трава была засыпана ягодами тутовника... Вот что испачкало их одежду. Вот откуда это название. — Джессика снова смотрит в чашку. Вижу слезы и на ее лице. — Значит, между нами с Джузеппе тоже все кончено. — Она встает, делает глоток чая и качает головой: — Брр! Хватит, хватит, хватит! — Затем наклоняется и гладит меня по коленке. — Мы должны быть сильными.

— Сильными.

Она беспомощно пожимает плечами:

— Еще более сильными. Икс, я знаю, это ужасно, чертовски ужасно, но если все так плохо, как говорит Марк, если он и вправду... если они... В смысле... Ты же знаешь, какой безжалостной может быть «Каморра».

Киваю. Отрешенно.

— Если он и впрямь нарушил их ужасные законы, — добавляет Джессика, — тогда они... они точно...

— Пристрелят его.

— Тебе лучше не влезать в это. Правда. Он поступает правильно, хорошо, благородно. Ведь, Икс, ты тоже в опасности, в большой опасности. — Подруга тяжело вздыхает. — Как бы это ни огорчало, Марк пытается спасти тебя от... ну... только Бог знает от чего.

— Но, Джесс... — Я пристально смотрю в ее добрые карие глаза. — Джессика... я люблю его!

* * *

Следующие недели проходят в бреду. Каждое утро я просыпаюсь с тяжелым сердцем, на душе печаль. Печаль в моем капучино, печаль в макиато, печаль в эспрессо, привкус печали повсюду, в каждом съеденном мною пирожном, sfogliata, bigne [92], baba [93]. Ощущаю печаль и в дешевых креветках, что я ем на ужин, fasolari, maruzielle, telline [94].

Вкус печали полон горечи. Он все портит. Он отравляет мой мир. Это черное солнце, нависшее над Кампанией.

Иногда я все же пытаюсь увидеться с Марком, несмотря ни на что: в одиночку иду к Кьяйя, останавливаюсь возле огромной двери Палаццо Роскаррик. В эту самую дверь я впервые постучала, придя сюда несколько месяцев назад. Тогда Марк смеялся и шутил, и я увидела лестницу для кавалеристов. Но теперь либо никто не отвечает мне, либо открывает совершенно новый слуга, молчаливо смотрит на меня и захлопывает дверь.

Бывает, что я звоню Марку на мобильник. По тридцать раз за два часа. Затем его телефонный номер и вовсе умирает, а автоответчик женским голом говорит мне по-итальянски: «Абонент недоступен». Отправляю электронные письма, но ответа не приходит. Письма возвращаются с сообщением, что этого адреса не существует.

Тогда я пишу длиннющие письма от руки, на промокшей от слез бумаге. Но они также остаются безответными и возвращаются ко мне запечатанными. Он даже не открыл конверта? Хотя бы одно письмо?

Но еще хуже то напряжение, что я испытываю по утрам, когда иду к газетному киоску на виа Партенопе, говорю «buongiorno» продавцу, он смотрит на меня и тоже говорит «buongiorno», а потом дает ежедневный выпуск «Иль маттино».

Мне совсем не хочется читать эту газету, я ее ненавижу, но именно здесь могут быть статьи о неаполитанском криминале. Это смелое и беспощадное издание, рассказывающее о

бесчисленных жертвах в мелких территориальных войнах Скампии, убийствах из-за наркотиков в Форчелле. Если я хочу узнать, случилось ли что с Марком, то найду это именно там. Письменное подтверждение. С фотографиями.

Итак, каждый день я возвращаюсь в квартиру, лихорадочно пролистываю страницы, смотрю на фотографии мужчин — некоторые распростерты возле обшарпанных кафе в Мьяно, из их тел, словно нефть, течет темная кровь. Кто-то сидит в машине в Марильяно с аккуратным пулевым отверстием во лбу. Чьи-то окоченевшие трупы находят в бесконечных горах неаполитанского мусора отеля «Чентро сторико». Просматривая фотографии, я думаю: «Это он, Марк? Вот как все закончилось? Неужели все закончилось?»

И каждый раз моя рана становится шире, каждый раз, когда я понимаю: нет, это не Марк, но каждый раз я знаю, что скоро настанет тот самый день. Я совершу последнюю траурную прогулку до киоска на виа Партенопе, скажу «buongiorno» продавцу, отдам ему несколько монет, открою ужасающие страницы «Иль маттино» и увижу Марка.

Мертвым.

Наконец, теплым вечером в начале сентября, когда я пребываю на грани саморазрушения или превращения в кого-то, кем не хочу быть, когда боль становится невыносимой, я иду по тенистым тротуарам Кьяйя до Палаццо Роскаррик. Это последняя попытка, а потом... Что потом? Что я смогу сделать? Не знаю.

Заворачиваю за угол — и сердце мое обрывается. Палаццо Роскаррик выглядит иначе: на двери висячий замок. Окна закрыты ставнями. Ни единого признака жизни. На стене вывеска: «Продается».

Не знаю, что именно это значит. Возможно, Марк уже мертв и все держится в тайне. Такое часто случается. Как вариант, он куда-то сбежал, в Южный Тироль, Лондон, Нью-Йорк, Бразилию, и продает дом, чтобы скрываться и дальше. Мне хочется плакать только оттого, что этот чудесный дом заколочен досками и выставлен на продажу. Но на этот раз мои эмоции на пределе, я в отчаянии, опустошена. И отвергнута.

Я приняла, что он навсегда ушел из моей жизни. Не важно, умер он или уехал. Какое это имеет значение? Теперь я думаю, мне пора спастись самой. Возможно, Джессика права, я тоже в опасности. Я слишком многое видела.

Устало плетусь к своей квартире, поднимаю телефон, чтобы позвонить маме в Сан-Хосе. Она уже несколько недель звонит мне и пишет, спрашивая, все ли со мной в порядке. Наверное, ее материнское чутье подсказало, что дела у меня пошли наперекосяк. Но что именно не так, она вряд ли может догадаться. По понятным причинам я не хочу рассказывать ей. Не могу рассказать. Не зная ничего о мистериях, она будет в полной растерянности, а эту часть истории я совершенно не могу раскрывать. И не потому, что стыжусь, наоборот, потому что все слишком запутано и я больше не могу думать об этом.

В далекой Калифорнии звонит телефон.

— Алло? — отвечают на звонок.

— Привет, мам.

— Милая! — В ее голосе притворное веселье. — Александра, дорогая, как здорово, что ты позвонила. Как ты там? Мальчики постоянно спрашивают про тебя, и папа только утром

сказал, что...

— Мам, — прерываю я ее на полуслове, — я возвращаюсь домой.

Мама на мгновение замолкает. Вежливо и заботливо. Она знает, что я много недоговариваю, но не хочет допытываться, если я сама не желаю рассказывать.

— Ладно, милая, ладно. Ты... закончила свою работу?

— Да, закончила. Теперь хочу приехать домой. — С трудом сдерживаю слезы.

— Хорошо, дорогая. Только скажи номер рейса. Мы заберем тебя в аэропорту! Папа будет так счастлив! Мы сильно соскучились по тебе.

Она еще некоторое время про что-то щебечет, потом я говорю, что мне нужно забронировать рейс, и завершаю нашу беседу. Выхожу в Интернет и заказываю билет на самолет. Вылет завтра, днем. Меньше чем через сутки я улечу домой и больше не вернусь сюда.

На следующее утро упаковываю вещи. Это не отнимает много времени, потому что всю чудесную одежду, что купил мне Марк, я оставлю здесь. Джессика приходит помочь, и я предлагаю эти вещи ей, но она качает головой. Я полностью понимаю ее. Виновато говорю: «Прости».

— Не глупи, Икс, — отвечает она. — Позволь проводить тебя до аэропорта, помочь. Я буду очень скучать.

вернуться

92

Заварные пирожные.

вернуться

93

Ромовая баба.

вернуться

94

Ракушки, моллюски.

Ее лицо омрачено печалью. Печаль повсюду. Садимся в такси и петляем среди оживленного неаполитанского движения. Останавливаемся возле терминала, и я регистрируюсь на рейс. У стойки регистрации Джессика так крепко обнимает меня, будто мы больше не увидимся. Машем друг другу на прощание. Прохожу паспортный контроль, показываю свой посадочный талон. Вот и все, думаю я. Прощай, Неаполь. И даже не arrivederci. Прощай! Навсегда. Adieu! Дешевая песня, вызывающая самые сильные эмоции.

Мой вылет через два часа. Сажу на неудобной металлической скамье, пью макиато из пластикового стаканчика и заглядываю в пустоту своего будущего. Читаю пестрый рекламный плакат вина «Таураси», что висит на стене. Думаю обо всех винах, что выпила здесь. Обо всех блюдах, что попробовала. С горечью думаю об этом временами жестоком, временами отвратительном месте, с его красотами, вином, историей, величием, его dolce vita [95]. Потрясающая еда и ужасная жестокость.

Думаю о маленьких улитках, которые здесь продаются. Babalucci. Я их так и не попробовала! Это уже чересчур.

Babalucci. Babalucci!

Вскакиваю на ноги, словно пораженная молнией.

Что же это такое? Почему я сижу здесь? Почему пялюсь на эту стену?

Ведь в моих силах еще кое-что сделать!

Бегу назад, сквозь паспортный контроль, чуть ли не крича от нетерпения. Охранники пожимают плечами и вздыхают, выпуская меня обратно в толчею аэропорта. Останавливаюсь возле регистрационной стойки, требую, чтобы немедленно вернули мой багаж. Я не еду в Америку. Не лечу в Калифорнию.

Я остаюсь. Ведь если Марк жив, если он где-то там, возможно, есть способ его спасти.

Мои руки дрожат, когда я поднимаю телефон и, путаясь в словах, прошу дать мне номер ресторана в Плати, Калабрия.

Апатичная женщина на другом конце линии диктует нужный номер.

— Due, due, sei, cinque... [96]

Записываю цифры на посадочном талоне, затем отключаюсь и звоню по данному мне номеру. Сейчас обеденное время. Он будет там, обязан быть там!

— Sì? — отвечает осторожный юношеский голос.

Запинаясь, излагаю, что мне нужно. Говорю, что меня зовут Икс, Александра Бекманн. Что я девушка Марка Роскаррика.

Затем спрашиваю, могу ли я поговорить с Энцо Пазелли.

33

На другом конце линии сразу же затихают. Я слышу шум ресторана: разговаривающих официантов, звон посуды и столовых приборов.

Затем отвечает дрожащий старческой голос, находящийся от меня за три сотни миль.

— Здравствуйтесь, Александра. — Это Энцо Пазелли. Я хочу задать вопрос, но мужчина обрывает меня. Сдержанно смеется. — Я знаю, почему вы позвонили.

— Правда?

— Конечно.

Несколько секунд я молчу, ведь дальше я задам жуткий вопрос:

— Энцо, пожалуйста, скажите мне: Марк Роскаррик жив?

Энцо не отвечает. Я лишь слышу его дыхание. Беспомощно смотрю сквозь зеркальное стекло аэропорта на шумных таксистов. Двое из них спорят, сложив руки на груди и высоко задрав голову, будто Муссолини из кинохроники.

Наконец Энцо подает голос:

— Да, думаю, он жив.

По телу, словно адреналин, разливается облегчение.

— Но откуда вы знаете? — Мужчина ничего не говорит, но я настаиваю на ответе: — Энцо, откуда вы знаете, что он жив?

— Мисс Бекманн, прошу вас. Я же говорил вам, это моя работа знать все про всех. — Голос на некоторое время пропадает, я слышу его лишь вдалеке. Энцо говорит с кем-то на калабрийском, может, отдает приказ убить кого-то или же заказывает еще ricotta calabrese [97]. Затем вновь обращается ко мне: — Что вы хотите от меня, Александра? Чтобы я спас вашего бойфренда?!

— Да! Именно этого! Прошу вас, синьор Пазелли. Я знаю, что это вы заправляете мистериями. Я все поняла. Вы, «Каморра», «Ндрангета», вы контролируете все: процесс посвящения, кикеон, ритуалы. Поэтому вы были в Рогуде, не только из-за перемирия с Марком.

Я ожидаю, что моя речь слегка собьет Энцо Пазелли с толку, даст мне небольшое преимущество, но его ответ спокоен, как никогда:

— Но, Александра, вы же знаете, что Марк сделал на пятой. Он нарушил Кодекс. «Каморра» скоро убьет его, он это знает, мы это знаем. Так уж обстоят дела. Так принято. Это неизбежно, простите.

— Я снова пройду пятую! Позвольте мне! Пускай делают со мной что хотят, Энцо, они могут... — Пытаюсь контролировать свои слова, но эмоции бьют ключом. — Я сделаю все, что хочет «Каморра». Вы можете, я знаю, вы же саро di tutti capi [98] «Ндрангеты». «Каморра» боится вас, как никого другого.

Вот. Это мой последний шанс. Единственная надежда. Гамбит. И опять тишина. Снаружи все еще спорят таксисты под нескончаемым сентябрьским солнцем. Вечное лето. Энцо Пазелли прокашливается и ровным голосом говорит:

— Уже слишком поздно.

— Прошу вас!

— Александра, это не ваш грех. Насколько я знаю, вы были готовы подчиниться пятой мистерии. Роскаррик нарушил Кодекс. Теперь слишком поздно.

— Но...

— Что — но, Александра? — перебивает он меня.

— Я сделаю что угодно! Что угодно! Прошу... помогите мне... помогите.

Он делает вдох и выдох. Затем говорит по-итальянски с кем-то из своих помощников, приказным тоном. Вздыхает, кашляет и вновь обращается ко мне:

— Вы действительно готовы сделать что угодно?

— Да! Да! Что угодно!

— Но... — Он на мучительную секунду замолкает. — Хорошо, Александра. *Va bene, va bene...*
[99]Пожалуй, есть одна штука, которую вы в состоянии сделать и которая может повернуть ход событий. Ситуация способна измениться в вашу пользу. Но придется проявить смелость.

— И что это?

— Шестая мистерия. Вы обязаны пройти шестую.

* * *

Двадцать девять часов спустя вновь сижу в своей квартире. Маме я сообщила, что отложила возвращение на несколько дней из-за «обстоятельств». Она жаловалась и расспрашивала меня с явной тревогой в голосе, но я проигнорировала ее вопросы. Джессика тоже в недоумении, но я подсунула ей выдуманную историю. Она знает, что все это сказки, однако ничего не спрашивает. Она хорошая подруга.

В ответ на мою ложь она готовит для меня обед и наливает красного вина. Я очень люблю Джесс. И очень люблю маму.

Но насколько сильно я люблю маму?

Хороший вопрос, ведь в голове до сих пор крутятся слова Энцо Пазелли.

«Шестая не похожа на прочие мистерии. Она не эротична, а опасна. Шестая может убить вас. Мало кто из посвященных, узнав об опасностях, отваживается на шестую. Но только шестая приведет к истинному катабазису. Истинному освобождению».

Что все это значит? Я умру? Готова ли я рискнуть жизнью ради спасения Марка?

Да.

Смотрю на часы — семь вечера. Встаю и выхожу на балкон квартиры, которую я уже вроде бы освободила. Хозяин придет завтра, чтобы убедиться, что я выехала, но меня уже здесь не будет. Вечером за мной приедут люди Энцо.

Сентябрьские сумерки внезапно ложатся на Неаполь, все становится призрачным и туманным, будто сфумато [100]на картине периода Ренессанса. Остров Капри выглядит нереальным. Молочно-белое пятно на горизонте. Волнующее и печальное зрелище.

В дверь звонят. Возвращаюсь в квартиру, нажимаю на кнопку домофона. На пороге появляются трое симпатичных и встревоженных юношей. Они мне почти ничего не говорят. Самый младший смотрит с жалостью — если не хуже — и учтиво провожает меня вниз. На мне

обычные джинсы и футболка, черная джинсовая куртка. В руках косметичка, нелепость какая. Там туалетные принадлежности, зубная щетка, губная помада. О чем я только думала? Я же не на уик-энд еду в какой-нибудь приозерный отель.

вернуться

95

Сладкая жизнь (*ит.*).

вернуться

96

Два, два, шесть, пять (*ит.*).

вернуться

97

Калабрийская рикотта (*ит.*).

вернуться

98

Босс боссов (*ит.*); выражение используется для обозначения босса самой влиятельной мафиозной семьи.

вернуться

99

Ладно, ладно... (*ит.*)

вернуться

100

Сфумато— в живописи смягчение очертаний фигур и предметов, которое позволяет передать окутывающий их воздух.

Я собираюсь пройти шестую и последнюю Дионисийскую и Элевсинскую мистерию. Я на пороге истинного катабазиса. Что бы со мной ни случилось за следующие сутки, это изменит меня навсегда. Может, даже убьет. Но зато спасет Марка.

На виа Санта-Лючия припаркован большой темно-синий фургон. Меня сажают сзади, там даже есть одеяла и подушки. Один из мужчин протягивает мне таблетку.

— Что это? — спрашиваю я.

— Сон. Спать, — неуклюже отвечает мужчина. Он очень плохо говорит по-английски.

Беру таблетку и предложенную мне бутылку воды. Проглатываю пилюлю и завинчиваю крышку.

— А теперь это, — говорит юноша и поднимает черный капюшон, как у палача.

Конечно же, они завяжут мне глаза. Я послушно позволяю надеть на себя капюшон и погружаюсь во тьму. Я по-прежнему могу комфортно дышать. Даже напротив, эта защитная черная оболочка успокаивает.

Фургон трогается с места. В своем черном капюшоне я отлично слышу шум дороги, вечернего неаполитанского движения, сигналы в час пик, тормоза огромных грузовиков, такси, радио, скрежетание скутеров, затем улавливаю звуки более быстрого потока. Значит, мы на автостраде? Но вскоре звуки стихают, подействовала таблетка. Ложусь на бок, головой на большую мягкую подушку. Сплю, мне снится Марк, застрявший подо льдом. Он бьется о твердую поверхность и отчаянно жестикулирует.

Я на замерзшем озере, а Марк в ловушке ледяной воды. Я лихорадочно пытаюсь спасти его. Прошу прохожего, испанца, помочь мне, но у того изо рта течет кровь. Он строит мне рожу и пожимает плечами, показывая на рот. Потом уходит. Я ничего не могу поделать. Марк тем временем погибает подо льдом — проваливается в сапфировые глубины, в озаренный звездами холод.

Просыпаюсь. Сколько часов мы уже едем? Три? Пять? Шесть? Десять? Мы можем быть где угодно: от Альп до Сицилии. А может, во Франции или Швейцарии. На моей голове по-прежнему капюшон. Я сажусь и сквозь ткань говорю:

— Я хочу пить. Мне нужно в туалет.

Не знаю, с кем говорю. Чувствую, что рядом есть и другие люди, но кто именно, я не знаю.

— Десять минут, — отвечает мне обезличенный голос, — вы должны подождать десять минут.

Голос принадлежит не юноше, что был здесь прежде. Это более взрослый человек и лучше говорит по-английски.

Мужчина оказывается прав. Через десять минут фургон останавливается, слышу, как открывают заднюю дверь. Меня вытаскивают наружу, по-прежнему в капюшоне, и спешно ведут через дорогу. Затем я понимаю, что нахожусь в огромном, отдающем эхом здании. Но где?

Мы спускаемся на несколько этажей вниз. Я спотыкаюсь, но чьи-то руки крепко держат меня, направляя налево, направо, затем опять налево. Ощущаю запах затхлых коридоров. Это каменное здание, здесь пахнет как в каком-нибудь старинном месте. Замок? Монастырь? Где мы?

Заходим в комнату, хлопает дверь, с моей головы снимают капюшон. Передо мной стоит Энцо Пазелли в сопровождении молодой девушки.

Он смотрит мне в глаза и качает своей лысой головой, отчего трясется его двойной

подбородок. Кожа мужчины исчерчена глубокими морщинами. Выглядит он невероятно древним, как и сама Италия. Энцо поворачивается к девушке и по-английски говорит:

— Дай ей еды, питья, а потом подготовь.

Энцо удаляется, не успеваю я задать хотя бы один вопрос.

Остается лишь девушка, одетая в белое. Ну конечно. Она дает мне минеральной воды в бутылке, я пью. Девушка с нежностью и состраданием улыбается мне и следит, как я утоляю свою жажду. Хотя, может, и не с таким уж состраданием. Когда я спрашиваю, что будет со мной, она ничего не отвечает.

Осматриваюсь по сторонам.

Только теперь я понимаю, в какой роскошной комнате нахожусь. Огромный сводчатый бальный зал Средневековья, полностью расписанный фресками. Но окон здесь нет.

Фрески похожи на период раннего Ренессанса или позднего Средневековья: аллегорические, религиозные сцены в ярких, контрастных цветах, Христос и Его ангелы. Святые и Мадонна. Я слишком сбита с толку, чтобы постичь сейчас все это. На полу — черно-белая мозаика. В комнате лишь один предмет мебели. У меня за спиной. Огромная деревянная кровать с красными шелковыми и хлопковыми покрывалами.

— Si, — произносит девушка.

Наверное, она не говорит по-английски. Молча передает мне новую одежду: простое черное платье без рукавов, из хлопка, белья нет. Затем указывает на дальнюю стену, где я замечаю небольшую дверцу.

Выбора нет. Я должна подчиниться, должна завершить шестую. Я пересекаю огромную сводчатую комнату и захожу в просторную, современную ванную. Переодеваюсь, снимаю кроссовки, джинсы, наспех принимаю душ. Перед тем как надеть платье, смотрю на себя в зеркало: на лицо двадцатидвухлетней девушки, правда, теперь оно менее округлое и невинное, чем раньше. Я чувствую себя намного старше, чем четыре месяца назад. Может, у меня даже появилось несколько седых волосков.

Марк Роскаррик, где же ты? Жив ли еще?

Собрав волю в кулак, я набрасываю на себя платье, чищу зубы и возвращаюсь в величественный зал. Девушка по-прежнему здесь, ждет в центре этой чересчур громадной комнаты. Песчинка на фоне грандиозности. В руках прислужница держит металлическую чашу.

— Кикеон? — спрашиваю я, подходя ближе.

Девушка пожимает плечами и одновременно кивает, а потом передает холодную чашу мне в руки.

Принимаю ее и сразу же опустошаю. На этот раз вкус более горький и менее приятный. Но я все же пью. И что теперь? Что они будут делать со мной? Знаю, что эти одурманивающие напитки срабатывают довольно быстро. Я сажусь на кровать и жду. Девушка удаляется, закрывая за собой дверь.

Проходит два или три часа, или так мне кажется. Время узнать неоткуда. Часов здесь нет. Как и телефона. Уже утро? Сколько мы ехали сюда? Мысли смешиваются с обрывками снов, дурманом от наркотика, печалью, кружащимися надо мной изображениями с фресок. Явление Святого Духа. Голубь и святой. Воскрешение Христа. Плач кающихся грешников.

Я тоже проливаю несколько слезинок. Затем ложусь на спину и проваливаюсь в сон. Мне снится мужчина, входящий в мою комнату и занимающийся со мной сексом, он разводит мне колени и овладевает мною.

Но вдруг я понимаю: меня действительно трахает какой-то мужчина. Он молод и красив. Он не обнажен, зато я обнажена. Мы на большой деревянной кровати, покрытой мягкими пледами. Он сверху меня, он внутри. Меня насилуют, и в то же время нет. Ведь я согласилась на все это. Согласилась на шестую мистерию. Мужчина кончает. Я нагая, а он завершил свое дело. Застегивается. Отворачивается и уходит из этой пышной комнаты. Его шаги гулким эхом отдаются от сводчатых потолков и стен.

Вот и все. Кикеон вихрем крутит мои мысли.

Неужели это действительно произошло?

Да, произошло. Может, я и в бреду, но это произошло. Я в отчаянии озираюсь по сторонам в поисках своего черного платья, но тут возвращается прислужница. Она пересекает комнату и подходит к кровати. Дает мне еще кикеона.

Затем просовывает внутрь меня два пальца. Проверяет? Зачем? За ней следом приходят еще две девушки, опускают меня на подушки и смазывают мою вагину. Заходит еще один бессмысленно красивый мужчина и молча трахает меня. А я лежу, смотрю в потолок и плачу. Плачу из-за всего этого. Плачу по сексу. По девушке, которой я когда-то была. Но больше всего по Марку.

Не знаю, что происходит и зачем. Я потеряла себя. Часы превращаются в день, или два дня, или три. Меня постоянно опаивают наркотиком — снова и снова: пока не наступает ступор. Границы между моей личностью и миром стираются. Вот и все. Я умираю. Теперь понятно, почему люди умирают на шестой. Отчасти я действительно желаю умереть. Меня похитили, но это не важно. Я ем фрукты, хлеб, снова засыпаю. Я очень устала.

Не знаю, утро ли сейчас, но через несколько часов меня будят девушки. Завязывают глаза и дают еще кикеона. Переносят в ванную, где омывают мое тело, потом вновь кладут на кровать. Затем я просто лежу там, бормочу и плачу. Потом и вовсе не плачу. Ощущаю прикосновение женщин.

Мягкая женская кожа, аромат духов. Они лижут меня. Трогают. И постоянно лижут. Затем дают еще кикеона, наркотик смешивается с сексом, я сдаюсь. Я не могу идти дальше, я повержена. Их ласки бесконечные, нежные и бессмысленные.

Я даже достигаю оргазма, но это чистой воды рефлекс, без каких-либо эмоций, лишь реакция тела. Сознание же мое далеко отсюда, душа уже сбежала, ее здесь нет. Это не меня трахают, ласкают, целуют, а кого-то еще. Глупую американку по имени Александра Бекманн. Я очень смутно ее помню.

Проходят часы. Много-много часов. Мне дают пищу, и я ем с завязанными глазами. Еще одна девушка ласкает меня, втирая в кожу масла. Лежу на кровати, нагая и слепая. Приходит мужчина, меня заставляют сделать ему минет. И я сосу. Механически. Я лишена зрения. Еще

какое-то время сосу. Затем девушки провожают меня в ванную, моют, поливают теплой водой, намыливают ароматной пеной.

Этот чудесный запах напоминает о мыле из Флоренции, которое подарил мне Марк. Я снова плачу, рыдаю. Девушки ведут меня к кровати, по-прежнему с повязкой на глазах. Заворачивают в мягкое банное полотенце и впервые за несколько дней, как мне кажется, снимают повязку.

Наконец я способна видеть.

Передо мной стоит Энцо Пазелли. Но после столь долгого времени, проведенного в темноте, даже слабый свет этого величественного зала ослепляет меня. Энцо лишь черный силуэт, однако я узнаю его. Низенький, старый, властный злодей.

Он смотрит на меня.

— Марк Роскаррик мертв, — говорит он и качает головой. — Вы должны были это понимать, должны были понимать, что такая вероятность существует. Мне жаль.

Я лишь гляжу на него. Во мне не осталось злости, я опустошена, истощена. Качаю головой. Может, я и знала. Может, за последние семьдесят два часа — или сколько там прошло времени — я поняла: все это лишь игра, театр, обман и Марка больше нет.

Энцо, прищурившись, смотрит на меня.

— Вы знали, что он может быть мертв, знали, что идете на ужасный риск из-за слабого шанса — крохотной возможности спасти его. И из-за этого мизерного шанса вы решили рискнуть своей жизнью?

Я киваю. Молча. Как проигравшая. Марк умер. Конечно же умер. Все это было ложью, но мне нужна была ложь. А теперь я даже чувствую некое облегчение. Мне не важно, умру я сейчас или нет. Все кончено. Осматриваюсь по сторонам. В комнате стоят и другие люди. Более зрелые мужчины и женщины. Словно свидетели. Присяжные. И одеты так же. Они порицают меня. Ну и пускай. Все лишь дым.

— Ты почти завершила шестую мистерию. Ты близка к катабазису. — Энцо щелкает пальцами, и ко мне приближаются прислужницы. — Остался последний ритуал. Затем ты будешь свободна. Ты станешь истинной посвященной. Мало кто завершает шестую и остается в живых. Поэтому Марк никогда не говорил тебе о ней, он хотел защитить тебя. Спасти от этой пустоты. Ужаса.

У меня не осталось слез. Наблюдаю, как люди покидают комнату, а следом уходит Пазелли и прислужницы. Я одна. Сама по себе. Что же они сделали со мной? Заставили пренебрежительно относиться к смерти. Что есть смерть? Что было со мной? Лишь мимолетное изменение. Я любила Марка, по-настоящему любила. И была готова рискнуть своей жизнью ради него, моего возлюбленного, и этого никто не сможет отнять, никто не сможет лишить меня единственного, оставшегося от Александры Бекманн: я любила и была любима.

Все проходит, все умирает, так же как и рождается. Но это лишь признаки иллюзии: проходящее время. Но мгновение безгранично во времени. Если вы любили, по-настоящему любили лишь мгновение, и были любимы, тогда это любовь навсегда. Смерть повержена.

Вспоминаю капеллу Сан-Северо. Воскресающего Христа. Вспоминаю нас с Марком в Венеции,

счастливых в Ка'д'Оро, любующихся картиной Мантеньи. «Ничто не вечно, кроме Бога, все прочее лишь дым».

А еще вспоминаю цитату Пиндара, теперь я понимаю ее, целиком и полностью.

«Счастлив тот, кто, увидев это, сходит в подземный мир: ему ведом и конец жизни, и ее благодатное начало».

Я сошла в подземный мир, и теперь мне ведом конец жизни. Но я не боюсь. Больше не боюсь.

Через какое-то время дверь открывается, девушка в белом идет по мозаичному полу. Она несет мне одежду. Молча отдает: это мои джинсы, футболка и кроссовки. Моя прежняя одежда, только постиранная. Переодеваюсь. Девушка терпеливо ждет. Затем кивает и снова показывает на повязку для глаз.

Темнота.

Я послушно сажусь на край кровати, и девушка завязывает мне глаза. Я словно перед казнью. Возможно, они просто застрелят меня. Будь что будет.

Позволяю вывести себя из огромного гулкого зала. Следую по коридорам. Плакать я перестала, последние слезы высохли. Марк мертв, жизнь потеряла смысл. Ничто не вечно, кроме Бога, все прочее лишь дым.

Идем вверх по ступенькам. Меня проводят в другую комнату. Дверь позади закрывается, девушка уходит. И все же я ощущаю чье-то присутствие.

В комнате кто-то есть!

Слышу голос, глубокий, слабый, мужской голос.

— Chi e? Chi e qui dentro? Кто здесь?

Срываю с себя повязку.

На металлическом стуле, прикованный наручниками, сидит Марк Роскаррик. На его лице запеклась струйка крови, вокруг глаз синяки. На лице тоже повязка. Теперь он кричит. Но вот он, сидит передо мной. Живой.

Бросаюсь к стулу. Вожусь с шелковым узлом его повязки. Марк резко втягивает воздух носом, чувствует мой запах. На его лице отражается удивление, неверие.

— Икс? Икс, это ты? Не может быть! Икс? Икс? Икс? — Я снимаю с него повязку, и он недоуменно смотрит на меня: — Но, Икс, они сказали, ты умерла!

Он на грани слез, вижу это по его дрожащим губам.

34

У нас совсем нет времени поговорить, в комнату заходит Энцо Пазелли. Его сопровождают двое мужчин помоложе.

Энцо пристально смотрит на меня:

— Марк Роскаррик сам пришел к нам, он хотел убедиться, что «Каморра» и «Ндрангета» не тронут тебя. Мы сказали, что так и будет, если он согласится на шестую мистерию. Его предупредили, что шестая может оказаться смертельной. Как мы все с вами знаем. Ведь на шестой вы принимаете смерть в обмен на любовь.

Смотрю на Марка, он потрясенно качает головой. Я вновь перевожу взгляд на Пазелли:

— Я не...

— Не понимаете? Это же мистерии, — пожимает плечами Пазелли. — Но вам следует знать: пока я поднимался на самый верх «Ндрангеты», то начал питать отвращение к тому, как криминальные структуры развратили мистерии, использовали их ради собственной алчности, чтобы обогатиться, чтобы поработить политику в Италии и по всему миру. Мистерии — это великий дар от наших предков. А теперь ими злоупотребляют.

Энцо пересекает комнату, склоняется над Марком и расстегивает наручники. Освобождает его. Марк в джинсах и некогда белой рубашке. Потирает красные запястья.

— Теперь я Celenza шестой мистерии, — говорит Пазелли. — Это наделяет меня огромной властью. Благодаря моим знаниям сарос ходят передо мной на цыпочках, а ведь я знаю все. Мы записываем обряды на видео. И иногда я использую свое влияние, дарованное мне шестой мистерией, во благо, как и должно быть. Но шестая мистерия — опасная вещь, она запросто может пойти наперекосяк. Жена Марка настаивала на завершении шестой, несмотря на мои предостережения. Она прошла через то, через что прошли вы оба. — Он вздыхает. — Но я был прав. Она оказалась слишком хрупкой, это лишило ее гармонии, лишило страха смерти, она стала равнодушна к жизни. И покончила самоубийством на том холме, рядом с Капуей. Ее никто не убивал.

Пазелли кладет в карман ключ от наручников. Идет к двери, оборачивается, смотрит сперва на меня, затем на Марка:

— С тех пор я наблюдал за тобой, Роскаррик, за тем, как ты помогал жертвам «Каморры». Я увидел в тебе добро и настоящую храбрость. Но и угрозу в этом театре масок. — Пазелли машет рукой своему помощнику, и тот уходит. Сам Энцо делает еще шаг к двери. — А теперь ты спасен. Вы оба. «Каморра» вас не тронет. Я сообщу, что вы оба прошли инициацию шестой. Вас будут уважать за это, более того — бояться, так что у вас появится власть. Надеюсь, вы распорядитесь ею с умом. — Мужчина замирает в дверном проеме. — Вас продержат здесь еще пару часов, затем вы вольны уйти. — Энцо смотрит прямо мне в глаза: — Возможно, мы еще свидимся, Александра шестой мистерии.

И с этими словами он уходит. Дверь захлопывается. Мы с Марком одни. Любимый притягивает меня к себе, но мы не целуемся, а лишь крепко обнимаемся. Отвожу с его опухшего лица темные локоны.

— Марк, что они сделали с тобой?

— Ничего, — отвечает он. — Разве теперь это важно? Что они сделали с тобой? То же самое?

Я киваю. Целую его в лоб. Он слегка улыбается. Впервые с момента, как я вошла в эту комнату, вижу его счастливую и в то же время грустную улыбку.

— Боже мой, Икс, я и правда думал, что ты мертва. Думал, меня обманывают. Мне неважно было, что сделают со мной.

Он поднимается, идет в ванную. Я с ним. Марк наклоняется над раковиной. Смачиваю полотенце теплой водой и вытираю кровь с его лица. Раны неглубокие, синяки не слишком сильные. Он почти не пострадал, с ним обращались грубо, но не жестоко. Он все тот же красавец Марк Роскаррик, а самое главное — он жив.

Несколько минут мы просто сидим на кровати бок о бок и терпеливо ждем.

— Давай посмотрим, сможем ли мы выбраться, — наконец говорит Марк. — Без разницы, где мы, в Палермо, Лондоне, Буэнос-Айресе. Я хочу выбраться отсюда. Хочу сделать глоток свежего воздуха. Идем.

Он решительно берет меня за руку и ведет к двери. Она не заперта. В темноту уходит мрачный каменный коридор. Движемся вдоль него, находим лестницу, еще одну, более широкий коридор, тускло освещенный электрическими лампочками.

— Пусто, — говорит Марк. — Все ушли.

В здании и правда никого, оно очень древнее. Насколько я поняла, мы находились в подземных помещениях, в вековых подвалах. Мы упорно движемся вверх по лестнице, пока я наконец не замечаю небольшое оконце. Сквозь него видна залитая лунным светом водная рябь. Мы где-то на побережье? С предвкушением взбираемся еще на два пролета. Выходим на некое подобие террасы, где царят ночь и темнота. Подбегаем к краю и перегибаемся через изящную каменную балюстраду.

— Неаполь, — говорит Марк. Тихонько смеется. — Мы в Неаполе!

Он прав. Потрясенно смотрю на горизонт. Это самый красивый вид на планете: благородные волны Неаполитанского залива, от высот Вомеро до «Чентро сторико», до утесов Сорренто и Амальфи, тусклый дымчатый силуэт Капри, сияющий под звездами.

— Я знаю это место, — говорю я. — Это Вилла Донн'Анна. В Позиллипо. Я приходила сюда как-то раз, на пляж.

Марк берет меня за руку. Мы по-прежнему восхищенно смотрим на открывшийся нам вид. Поднимаю глаза на мириады сверкающих звезд, нахожу Ориона и Плеяд. Останавливаюсь на созвездии Марка и Алекс на Капри. Созвездии Нас.

— И что теперь? — тихо спрашиваю я.

Марк не отвечает. Лишь поворачивается, обхватывает мое лицо и проникновенно целует, страстно и отчаянно. Впиваюсь белыми пальцами в его темные кудрявые волосы. Я знаю правду: Ничто не вечно, кроме Любви, все прочее лишь дым.